

Надежда Храмушина

ЛИХОИМКА

Надежда Храмушина

Лихоимка

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69549787

SelfPub; 2023

Аннотация

Бывает так, что удивительный сон, приснившийся когда-то в детстве, через много лет снова напомнит о себе и позовёт в дорогу, не оставив выбора, и тем самым навсегда изменив жизнь. А всё дело в удивительном артефакте, который героиня, когда-то давно, получила в своём волшебном сне. Он не был подарком, но он должен был стать ключом, который восстановит завесу между видимым и невидимым.

Содержание

Глава 1. Деревня	5
Глава 2. Ночной гость	40
Глава 3. Лес	68
Глава 4. Башня	114
Глава 5. Книга	149
Глава 6. Лихоимка	208

Надежда Храмушина

Лихоимка

Глава 1. Деревня

Свиток светился тёплым серовато-зелёным светом. Мы, как замороженные, смотрели и молчали, не в силах отвести от него глаз. От ветра, гулявшего в полуразрушенном доме, свет его тихо подрагивал и немного отклонялся в стороны, оживляя на стенах неясные тени. Мерцая, свет становился то молочно-зеленым, то пепельно-светлым, то на пару мгновений принимал изумрудный оттенок.

Свиток. Шириной от тринадцати до пятнадцати сантиметров, длиной двадцать шесть сантиметров. Бумага толстая и на ощупь мягкая. Цвет – бежевый, матовый, с вкраплением чёрных точек. Сверху ровный срез, с боков и снизу – неровные обрывы. Слева, сантиметра на три, край замасленный и даже чуть прозрачный. Буквы, или символы, похожи на рассыпанные ровными рядами еловые иголки – чёткие и острые. В одной строчке – от тридцати семи до сорока пяти символов. Строчек – восемнадцать. Всего разных символов – семьдесят один. Чаще всего повторяется символ, похожий на цифру четыре. В середине последней строчки находится единственный, отличный от остальных, символ – круг в круге и в круге, такой тройной круг.

Местонахождение. Заброшенная деревня Выселки в двухстах десяти километрах от Екатеринбурга на северо-северо-восток. Неразрушенными в деревне осталось всего два

дома, но, похоже, и это ненадолго. Остальные давно пали, побеждённые временем и погодой. Останки их мирно покоились на земле, поросшие кустарником и бурьяном. Сколько было домов в деревне, в период её активной жизни, понять невозможно. Рядом с деревней – мелкая и узкая речушка, один берег которой пологий и песчаный, а другой, на котором стоит деревенька – высокий, с обвалившимися глинистыми обрывами. На нём мы и поставили свои две палатки. Вдоль берегов живописно склонились над водой ивы, касаясь ветками неторопливого течения. Со всех сторон – давно непаханные поля, с редкими перелесками. И только далеко, у самого горизонта, стоит стеной бескрайний лес. Ближайшая к Выселкам обитаемая деревня – Лепихино, в четырех с половиной километрах отсюда.

Наша экспедиция. Нас трое. Мой троюродный брат Илья, ему 36 лет. Закончил пединститут, историк. Но так сложилось – то ли он не любит историю, то ли детей, то ли просто непостоянство характера, но он уже давно не работает преподавателем. Илья за свою трудовую жизнь приобрел много других полезных профессий – таксист, продавец, каменщик, охранник. Сейчас он снова в не очень активном поиске. По этой же причине, с женщинами у него такая же неразбериха, как и с трудовой деятельностью. Илья оказался в экспедиции по двум причинам – во-первых, с финансами у него не густо, во-вторых, у него есть старенький Фольксваген. И после моих многообещающих слов «Я спонсирую», все его

скептические возражения были исчерпаны. Второй участник нашей экспедиции – Дениска, ему шестнадцать лет, он сын Ильи от первой его гражданской жены. Славный позитивный паренёк, достаточно спортивный и достаточно начитанный в пределах википедии. Самое главное его достоинство – он любознательный и не ленивый. У Дениски каникулы, поэтому он начал собираться уже через 5 секунд после моего звонка ему.

Руководитель и спонсор экспедиции – я, меня зовут Ольга Ивановна. Пятнадцать лет я проработала в проектном институте, а сейчас работаю в аптеке. Сейчас у меня отпуск по неволе. Неделю назад нашу маленькую аптеку, которая находится на первом этаже в жилом доме, ночью затопили весёлые соседи сверху и, когда мы утром пришли на работу, то сразу поняли, что торговать больше нечем. Поэтому, пока заведующая аптекой бегает по судам и оценивает ущерб, а потом ещё будет делать ремонт – я отдыхаю.

Почему мы здесь. Свиток. Нашли мы его сразу. Потому что я знала, где он лежит. Я его сама сюда положила. Во сне.

Сон. Начало.

Когда мне было лет тринадцать, мне приснился сон. Я стою дома у окна. Пятый этаж. Зима. Тихо падает снег. Сумерки, но всё ясно видно. За окном водят хоровод девушки. Они как снегурочки, в голубых сарафанах с серебряным шитьем по подолам и рукавам. Руки – крылья. На головах

– короны серебряные. Вот только ростом эти снегурочки с пятиэтажный дом и лица у них на уровне моих глаз. Их всего пять. Мне слышен звук – как будто струна натянутая звучит, тревожно и печально. Они улыбаются. Одна из снегурочек поворачивает ко мне голову, смотрит на меня, её лицо всё ближе и ближе к моему окну, она внимательно смотрит на меня, не мигая, и мне становится страшно от её ледяного взгляда. Глаза у нее большие, серые, а лицо некрасивое, грубое. И вот уже нет окна, разделяющего нас. Что-то вырвало меня из дома и понесло вверх. В следующее мгновение мы с этой снегурочкой уже стоим на узкой лесной дороге. Ростом она стала с меня, и крыльев уже нет. А вокруг нас странный лес. Деревья тонкие и высокие, серые. Стволы гладкие, сухие и ветки растут высоко от земли, они тоже сухие. На некоторых ветках есть листья, толстые, серо-зеленые, покрытые пылью. Листья медленно покачиваются, с них пыль отлетает, а может это пепел. Из стволов деревьев торчат большие серые узловатые пальцы – где один, где два, а где и пять. На них когти, как у хищных птиц – загнутые и острые. Я опустила глаза – дорога была покрыта мягкой корой. Снегурочка взяла меня за руку и повела по этой дороге. В нескольких метрах от дороги, за ближайшими деревьями стоит серый плотный туман. Он не стелется, а как будто находится за стеклянной стеной – поднимается от самой земли и сливается с небом. Небо свинцово-серое, безжизненное. Солнца нет. Серый мир. Пальцы

на деревьях сначала были неподвижные, потом я услышала снова этот же звук – звук натянутой струны, он разлился по всему лесу. И пальцы зашевелились! Они все, как по команде невидимого дирижера, стали выползать из стволов всё большие и больше, сгибаясь и разгибаясь, задевая друг друга, и царапая по стволам. Они смыкались за моей спиной, как быстро заживающая рана. Снегурочка вела меня дальше и дальше, и не было конца этому сумасшедшему лесу.

* * *

– Занятная вещица. Я про такое раньше не слышал. Светится без электричества, без батареек – Илья ещё раз повертел свиток в руках – Хотя в природе много чего светится, например, светлячки, некоторые морские существа.

– Так они живые! – Включился в разговор Дениска.

– Хорошо, вспомним тогда, как работают светильники на солнечных батареях? Сначала поглощают свет – потом отдают. Наука уже много объяснила явлений, которые раньше люди считали волшебством. Значит, и этому должно быть какое-то объяснение. – Илья склонился ниже над свитком, понюхал – Вроде ничем не пахнет.

– А чем он должен пахнуть? Он же не горит. – Дениска провёл рукой по краю свечения – Посмотрите, от движения руки свет отклоняется. Электрический и солнечный свет так себя не ведёт.

– Да, он может перевернуть фундаментальную физику. Ес-

ли батарейки не подведут. Денис, надо переписать все символы на бумагу.

–Зачем? Мы же не в восемнадцатом веке живём. Можно просто сфотографировать его на телефон. Под разными ракурсами. – Денис сделал несколько снимков, которые, к сожалению, не передавали всех оттенков свечения.

–Всё-таки надо его ещё и переписать. Ладно, сам перепису, чтобы без ошибок. – Илья достал лист бумаги и начал переписывать символы. – Не похоже на старославянскую письменность, – он повернулся ко мне – а ты как думаешь?

–Если принять во внимание, откуда он попал, то такой письменности никогда на земле и не было. – Ответила я.

– И всё-таки, надо попробовать его отдать на расшифровку настоящему специалисту. И заодно подумать, почему он начал светиться только тогда, когда мы его взяли в руки?

–Не мы, а тётя Оля, – не согласился с Ильёй Дениска – это она взяла его в руки и он засветился. Он же её столько лет ждал.

–Вас послушать, так вы только сказки читаете! Ладно, на сегодня хватит, пошли палатки ставить.

Вечерело. Мы сидели вокруг костра. Взошла бледная луна, в небе зажглись первые звёздочки, весело перемигиваясь между собой. Наш небольшой очаг, сложенный из подобранных в округе кирпичей, уютно отбрасывал тепло и свет на пятачок между нашими палатками. Вокруг него стеной вставали кусты и рос густой дикий бурьян, в тени которого

стрекотали кузнечики. Ветер тихо шуршал травой, принося с собой неповторимый запах лета и детства.

Я пожелала всем спокойной ночи и полезла в палатку. Уснула я сразу, спала крепко и когда палатку тронули первые лучи солнца, я уже спускалась к реке. Свежая прохлада речки подарила мне бодрость и прекрасное настроение. Дениска, проснувшись, первым делом побежал в дом посмотреть на свиток и радостно сообщил мне: «Всё ещё светится!» Потом тоже сбегал на речку, искупался. Мы с ним вместе приготовили завтрак и разбудили Илью. Сразу после завтрака, Илья достал свой блокнотик, куда он записывал свои расходы для отчета передо мной и свои мысли, для отчета перед вечностью, и сказал тоном преподавателя:

– Итак, коллеги по раскопкам, мы вчера увидели свиток и успокоились, это не правильно. Поэтому, план на сегодня такой: ещё раз хорошенько проверить весь дом, только осторожно, больно уж он ненадежный. Потом я еду в соседнюю деревню на разведку и в магазин, а вы осмотрите окрестности. Вопросы есть?

Вопросов у нас не было. Мы с Ильей дружно выбрали дежурного по кухне – и Дениска понуро пошел на реку мыть тарелки.

К дому были пристроены деревянные сени, внутри которых всё заросло высокой травой и смородиной, а сквозь худую крышу было видно голубое небо. Некоторые доски были обгорелые, обгорела и часть упавшего на землю забора, ко-

торый когда-то отгораживал двор от огорода. Дверей между сенями и домом не было. Комната в доме была одна, но за большой печкой было выгорожено помещение для маленькой кухни. На улицу дом смотрел тремя пустыми глазницами – окнами. Пол, хоть и провалился местами, был настлан из таких толстых досок, что им ещё лет сто гнить. Стены бревенчатые, чёрные, кое-где сохранилась обшивка из досок, когда-то окрашенных голубой краской. Из мебели в доме были: большой деревянный стол, широкие скамьи вдоль стен, шкаф без дверок, в нем какие-то тряпки, ржавая кровать с железной сеткой, небольшой пустой деревянный сундук с железными креплениями, за печью еще один стол с ящиками, а над ним – полки. На одной из этих полок мы и нашли наш свиток, завернутый в пожелтевшую газету «Правда». Кое-где на полках стояла старая посуда, на полу валялись какие-то плоски, ложки, осколки.

Свиток всё так же светил своим ровным светом и на батарееки не жаловался. Илья показал под стол. Мы оба устали на веревку, конец которой выглядывал из-под стола.

– Похоже, свиток интересует не только нас. – Я достала верёвку – Я не помню, чтобы вчера она здесь была.

– Я тоже, но мы смотрели не под стол, а на стол. Надо посмотреть вчерашние фотографии.

Мы дождались Дениску, который, кстати, тоже не вспомнил, видел ли он веревку. На фотографиях хорошо было видно только свиток, а что под столом не видно, только тень от

него. Илья поскреб затылок:

– Да, дела. Если кто-то ночью приходил за свитком, почему его не взял?

– Может не смог? – ответила я – Он ведь не простая вещь.

– Ещё скажи, что волшебная. Зачем бросил верёвку?

Этого я не знала. Мы ходили по дому, заглянули в шкаф, сундук, проверили все полки, но кроме старого хлама, там ничего не было. Мы и сами не знали, что ищем. Да и искать особо было негде, поэтому Илья поехал в магазин и, заодно, познакомиться с местными старожилками. Мы с Дениской отправились по окрестностям. Разделяться не стали – все помнят импортные ужастики, где герои разрешили по одному себя отлавливать. Продираться сквозь заросли оказалось труднее, чем мы думали. Настоящие джунгли. Зато нашли сокровище под рухнувшей крышей сарайки за огородом возле нашего дома – полуистлевшую кожаную сумку, а в ней – подшивки журналов «Наука и жизнь» за семидесятые-восемидесятые годы. Состояние, конечно, не ахти, и пахнет затхлостью, но листы целые. Мы оттащили сумку в дом, и пошли дальше на разведку.

Второй сохранившийся дом был намного просторнее, чем первый. В комнате стоял только комод и два сломанных стула. В комодке была пачка чёрно-белых фотографий артистов и десятка два писем. Я, мысленно попросив прощения у хозяев этих писем, быстро их пробежала глазами. В одном из

писем, обратила внимание на фразу « Одна к Петру Иванычу больше не ходи, сама ведь говорила, что по ночам у него черти пляшут, тебе что, больше всех надо? Может тебе этот лихоимка всего лишь померещился, но лучше не рискуй». Похоже, писала из города дочь хозяйки дома. Дата на письме выцвела, но написано оно было, видимо, очень давно. Не знаю почему, но я обратила внимание на слово «лихоимка», и оно сразу накрепко засело в моей памяти.

Мы пошли дальше. Рядом с домом был колодец, сруб которого сохранился в довольно приличном состоянии, над ним была крыша из фигурных резных реек. Мы открыли крышку и сразу отшатнулись – запах был, как из застойного гнилого болота. Водички из него не попьёшь.

На другой улице остались только холмики от домов. Мы побродили между ними, даже не надеясь что-нибудь найти. Дениска увидел на дороге подкову, подобрал её, и сказал, что дома над дверью повесит. И всё будет хорошо. Когда мы услышали звук мотора, мы уже почти закончили свой обход. Илья приехал не один. С переднего сиденья вылез дедок, лет так семидесяти, бодрый и радостный. Илья его представил:

– Это Павел Анатольевич, прошу любить и жаловать, у него в этой деревне старшая сестра жила. Он не раз приезжал к ней в гости и всю деревню хорошо знал. – Илья многозначительно посмотрел на меня – И ещё, он хорошо знает местный фольклор. Это тебе, Ольга, поможет с диссертацией о народных промыслах.

Мы поздоровались, пригласили его к нашему очагу. Про свиток, как я поняла, Илья деду ничего не сказал. Быстренько собрали скромный обед, дед оказался очень разговорчивым.

–Этой деревни нет уже лет двадцать. Да. Двадцать, не меньше. Сестра старшая моя, Елизавета, самая первая отсюда к детям уехала. Она уже на пенсии была, одна тут жила, болела часто, а магазин в соседней деревне, не набегаешься. Стара уже была, ходила последнее время еле-еле. – Он вздохнул – Сейчас уже нет её в живых. В деревне и жильцов-то было пять человек, и то одни старики. Летом еще ничего, огороды, в лес ходили по грибы-ягоды, а зимой что делать? Телевизор один был на всю деревню, а потом и он сломался, совсем тоскливо стало. Одна радость, когда письмо от кого из детей придёт, так по несколько раз перечитывали всей деревней. Да и почта-то добиралась сюда не каждую неделю. Вот и стали разъезжаться все. Сначала Верка Хвостова, она к сестре переехала в Лепихино, её тоже уже нет в живых, похоронили. Серафима в город уехала, потом Манька-маковка – тоже в город.

–Маковка? – спросил Илья – Почему маковка?

–Так она табак нюхала и у неё нос всегда в табаке был. Так вот, дальше слушайте. Марья с Петькой Пустоваловы сначала одни тут оставались, а когда Петьки не стало, она тоже к сыну уехала. Тоже, поди, уже нет в живых. Вот. Умерла деревня. А раньше у них хорошо было тут, на троицу, бывало,

приедем, на берегу столы поставим и всей деревней празднуем. По три дня! А теперь никого не осталось. Кладбище деревенское, поди, теперь не отыщешь, заросло всё.

– Павел Анатольевич, а чей это был дом? – Я показала на «наш» дом – Не ваша ли сестра здесь жила?

– Нет, она жила во втором доме от колодца, там по переулку. А в этом доме давно жил Петька Помошко, тоже уже умер. Дочь Зинка с мужем к нему приезжали, но года в деревне не прожили, завербовались на комсомольскую стройку, больше и не возвращались сюда.

– А этот Помошко, чем занимался?

– Да ничем, дома лежал. Ни с кем не общался. Только с почтальонкой, когда она ему пенсию приносила.

– И никто здесь больше не жил?

– Нет, никто. Как Петька Помошко умер, никто в этом доме больше не жил. Скажу больше, стороной старались этот дом обходить. А умер он, погоди, вспомню, пятнадцать уже лет прошло, может больше.

– Почему обходили?

– Не знаю я. Просто обходили и всё.

– Может кто-нибудь на лето приезжал?

– Да кто сюда на лето поедет? Лесник наш везде ходит, можете его спрашивать, он тоже здесь всю жизнь живёт, может он лучше знает. – Он повернулся ко мне – У вас тут кто-то жил из родни?

– Не знаем пока. Павел Анатольевич, а вы слышали про

«лихомку»?

Павел Анатольевич посмотрел на меня удивленно:

– Так чё, лихоимка и есть лихоимка. Спину у меня пере-
секло, вот я и говорю, что лихоимка напала, у бабки моей
ноги отнялись – опять лихоимка.

–А может такой персонаж есть?

Дед хмыкнул:

–Персонажа не знаю, но у нас в деревне бабка знахарка
жила, так она, когда лечила в бане, то повторяла: «лихоимку
отгоняю» и плевала через плечо. Три раза. Вот.

–А где можно найти лесника?

–А чё его искать? Если дерево, какое, без разрешения нач-
нёте рубить, так он вас сам и найдет!

Вот так и поговорили. Дед нас пригласил к себе заноче-
вать, баньку обещал истопить, говорит, что бабка его, Фри-
да, кстати, тоже Анатольевна, (у них отцов одинаково зва-
ли Анатолиями, а они и сына старшего тоже Анатолием на-
звали) очень рада будет. Мужская часть нашей экспедиции
несказанно обрадовалась, я призадумалась. Илья, конечно
в силу настоящего своего одинокого семейного положения,
забыл уже о, так называемом, женском гостеприимстве, а
Дениска еще ничего не знает о нём, но, я-то понимаю, что
пожилой женщине вряд ли будет в радость, когда привалит
компания из трех человек ночевать, мыться в бане, ужинать
и завтракать. Но, в конце концов, меня они тоже уговорили
и мы поехали. Мы хотели собрать палатки, но дед успокоил

– никого нет, никто не позарится, оставляйте всё как есть.

Фрида Анатольевна, на самом деле, оказалась очень милой и радушной хозяйкой, чистоплотной и хлебосольной. Мы как домой приехали. Правда, Павел Анатольевич нас представил очень официально и уважительно – «Археологи» из «министерства археологии». Когда мужики все мылись в бане, а я помогала хозяйке мыть посуду и стелить постели, она меня спросила:

–О ком вы приехали узнать?

Я ей рассказала, что нас интересуют хозяева конкретного дома, но Павел Анатольевич, к сожалению, ничего не знает про них, хоть и приезжал к сестре много раз.

Она вздохнула:

–Да что он там знает, Павел Анатольевич наш! Он как приедет, сразу за рюмку. И пока гостим – не просохнет ни на денёчек, так с песнями его оттуда каждый раз и увозила. А насчет этого Помошко. В деревне его дом стороной обходили, нехорошим считали. Этот Пётр Иванович Помòшко очень нелюдимым был, он всё по лесам шастал, надолго куда-то уходил, с ружьём, с припасами, искал всё чего-то. И, похоже, нашёл. Наткнулся на что-то не хорошее в лесу. Не знаю, на что, но все несчастья, какие только могут выпасть, посыпались на него, как горох. Сначала, в течение одного только года, скотина вся у него во дворе передохла, потом жена его умерла. Остался он один с дочкой маленькой на руках. Потом как-то, в одно лето, раза два постройки начинали

гореть, ладно ещё, народ всякий раз кидался помогать ему, быстро всё тушили. Дочь Зинаида тоже болела постоянно, пока после школы в город не уехала. Там вроде всё наладилось у неё, замуж вышла. Приехала мужа с отцом знакомить. Так в ту же ночь, муж ее поскользнулся на крыльце, и голову расшиб. Еле выходили. Ну, пожилы они тут с полгода, на ферме поработали, потом совсем уехали. А дед Помошко один остался. Он, пока в силе был, с весны до осени, копался в своем огороде. Последнее время соседки ему и хлеб покупали, и молоко приносили, готовили ему. Зинаиду с мужем больше в деревне не видели, внуков деду не привозили. Умер Помошко лет 25 назад. Да, точно, в том же году ещё в Москве по высокому дому стреляли, и Ельцина потом выбрали. Соседи Помошко и схоронили, адреса Зинаиды не нашли.

–А ничего странного не замечали в нём?

–Странного? – Она внимательно посмотрела на меня – Да много чего говорили. И что по ночам он в шкуре в лес убегает, что черти к нему в дом прилетают. Так тебе скажу, шептались ещё, что никто не видел, когда он дрова на зиму заготавливает. А поленница всегда полна была. Так-то.

Потом она улыбнулась:

–Да что только у нас люди не болтают, может не правда всё, придумывать у нас все горазды.

Утром Фрида Анатольевна напекла пирожков со всевозможными начинками, мы с аппетитом позавтракали, набрали воды в канистры и поехали на базу с целым мешком пи-

рожков и шанежек, предварительно дав обещание обязательно ещё к ним приехать.

Небо с утра было затянуто серыми тучками, ждали дождичка. Илья подошел к колодцу:

—А что это мы бегаем мыть посуду к реке, может из колодца воду брать?

Денис сморщился:

—Она там воняет.

— Если крышку открыть, может выветрится. О, так тут и ведро есть, правда дырявое, — через минуту уже громче — Идите сюда, в воде что-то плавает. Темно, ни черта не видно.

Мы все склонились над колодцем. Ветер крепчал, нагнал туч, стало значительно темнее и в колодце мало что разглядишь. Но что-то там определенно плавало.

Я, присмотревшись, предположила:

—Как будто кукла деревянная, спиной кверху плавает. Какая-то странная. Надо достать.

Денис засмеялся:

—Ну да, Буратино. Нам всё равно его не достать. До воды метра три. Может больше.

Илья бросил вниз ведро:

—Может подцеплю.

Провозился минут десять. Начал накрапывать дождь. Кукла каждый раз, когда её подцеплял Илья, срывалась с ведра и соскальзывала вниз. Дениска принес шест, вернее жердь из загородки. Пытались придерживать куклу шестом,

но пока поднимали из воды ведро с ней, оно переворачивалось, и кукла, с громким плеском, падала обратно в воду.

Илья сплюнул:

–Как будто её держит там кто!

Дождь уже, не переставая, молотил по нам, но мы не отступали. Принесли еще один шест, все свесились в колодец, сколько могли. Внутри сруба брёвна оказались склизкими и зелеными, мы увозились, как черти. Когда принесли третий шест, дело пошло лучше. Достали. Нас ждало разочарование. Столько сил положили для того, чтобы его достать, все вымокли, а это оказалось просто полено, гладкое с одной стороны и не очень ровное с другой. Покрутили его, повертели и приставили к колодцу – не выбрасывать же его обратно!

Дождь лил как из ведра. Мы два часа просидели в палатке, играя в карты. Потом надоело, и я пошла к себе в палатку, решила немного вздремнуть. Дождь закончился только часов в семь. Денис сбегал, проверил свиток – все нормально, сияет. Мы заранее не позаботились о дровах, и они все промокли. Мы с Дениской, когда обходили деревню, видели один сарай, крыша которого упала на крохотную поленницу, там должны быть сухие дрова. Мы принесли две больших охапки. Пока закипал чайник, мы весело обсуждали наше сегодняшнее приключение по спасению полена из воды. Денис пошел сфотографировать для потомков памятное место. Вернулся он моментально, с круглыми от удивления глазами:

–Папа, полена там нет.

–Буратино ушел?

Мы засмеялись и пошли к колодцу. Полена там не было.

Я повернулась к Дениске:

–Да ладно, решил добавить мистики в наше скучное приключение?

Он покачал головой:

–Честно.

Илья обошел колодец:

–Я точно сюда его поставил? Может вы его в костер бросили?

–Илья, мы не сумасшедшие, оно в воде лет сто плавало, его даже в бочку с бензином бросишь, оно не будет гореть.– Я заглянула в колодец – Может, он обратно нырнул?

–Чертовщина какая-то. – Илья тоже заглянул в колодец.

–Не вспоминай чёрта! Знаешь, что Фрида Анатольевна мне рассказала про хозяина нашего таинственного дома со странной фамилией Помошко?

Я им повторила всё, что мне рассказала старушка, а от себя добавила:

–Может местные дрова здесь сами ходят, а мы их в костер бросаем. Сегодня спать будем по очереди. Дежурить будем. Не хочу, чтобы какое-нибудь полено мне по голове ночью стукнуло. За братьев отомстило.

Мы с Дениской еще пару раз ходили к колодцу проверить, Илья неизменно встречал нас издевательской фразой:

«Ну что, вернулся?» За дежурство ночью проголосовали все. Первого решили поставить Дениску, он должен разбудить меня в два часа, а я Илью бужу в четыре. Я так и не уснула до своего дежурства, поэтому вылезла из палатки раньше и села к костру. Дениска не пошел спать, а остался со мной. В три вылез Илья, и до пяти утра мы все трое молча любовались на звезды, благо, что ветер прогнал тучи ещё вечером, небо было чистое, а темы для разговора были все уже исчерпаны. Под утро нас всё-таки сморил сон и мы разбрелись по палаткам. Я проснулась от крика Дениски. Мы с Ильей синхронно выскочили из палаток. У колодца стоял мужик с ружьем.

Сон. Продолжение.

Лес все-таки кончился. Мы стояли у высокой каменной стены. На поверхности её начал вырисовываться контур двери, словно водил кисточкой невидимый художник. Снегурочка медленно повернула ко мне свое страшное лицо и начала что-то мне говорить, но я её не слышала. Потом она открыла нарисованную дверь и потянула меня за собой. Я сделала несколько шагов и очутилась за стеной. Передо мной был мрачный каменный дом с огромной поляной перед ним. Трава на поляне была серая и вся в каплях красной росы. Это кровь, кругом кровь. На траве, на стене дома, на крыше, на скамейке у стены. Я застыла в ужасе. Снегурочка пыталась меня вести дальше, но я вырвала свою руку. Я повернулась, чтобы выбежать обратно в лес, но двери исчезли

– только ровная стена! Снегурочка пошла к дому, подол её платья стал красным от крови. Она снова повернулась ко мне и протянула мне руку. И опять какая-то сила понесла меня к ней. Капли крови оставались у меня на ногах, я чувствовала их липкую влагу. Из окна дома послышался чей-то смех.

* * *

Мужик направился к нам. Высокий, худой, с добрым прищуром серых глаз, лет пятидесяти.

– Доброе утро, извините, не подумал, что вас так напугаю. На тропу выпрыгнула огромная собака и побежала впереди него.

– Полкан, рядом.

Собака остановилась, дождалась хозяина и послушно пошла рядом. Он протянул руку Илье:

– Юрьин Иван, специалист по лесному хозяйству. Дай, думаю, посмотрю, кто это костёр жжет в брошенной деревне. Давно не видел здесь туристов, не очень-то здесь место популярное.

– Илья, турист. – Илья пожал ему руку – Согласен с вами полностью. Места здесь хоть и чудесные, но малолюдные. Это мой сын Денис, это моя сестра Ольга. Фольклор собираем.

– И что, много наловили?

– Да так, не особо.

Дениска наконец-то пришел в себя и нырнул за высокий

кустарник, куда видимо и собирался с утра пораньше.

Я предложила нашему неожиданному гостю остаться с нами на завтрак, раз уж оказался здесь. Полкан всё обнюхал, причем нос свой сунул даже в наши палатки. Мы умылись, причесались. Полкан заметно беспокоился, и Иван пару раз на него прицыкнул:

– Да что это сегодня с ним?

Я осторожно так говорю:

– Так ведь место здесь нехорошее, нам Фрида Анатольевна говорила, что в этом доме... мм... нехороший дед жил. Пётр Иванович Помошко. Это со слов людей, знавших его близко.

Иван помолчал, потом начал говорить:

– Да, не хороший. Когда я мальцом был, дед уже совсем старый был и мало куда ходил. Мой отец его знал хорошо. Друзьями их, конечно, я бы не назвал. Не знаю, с чего там у них началось, но однажды, в лесу, они крепко сцепились и Помошко отца тогда ранил в ногу, за что и отсидел год. Отец, до конца дней своих, его злодеем называл и считал, что мало тому дали. Жестокий человек был этот Помошко, не щадил никого – ни своих, ни чужих. Про живность какую и вообще говорить нечего – стрелял направо и налево, надо ему, не надо, убивал с удовольствием. Есть у нас тут и местные охотники, и из городов приезжают пострелять, но всё в меру, молодняк и маток не стреляют. Отец за этим очень следил, особенно, когда сезон охоты открывали. А вне сезона никогда никому поблажки не давал, а Помошко наплевал на все

законы. Отец его и штрафовал не раз, и в участок увозил, и на пятнадцать суток садил, тому всё неймётся. Участок у нас большой, справляться тяжело одному – он потрепал Полкана по загривку – но помощники у нас, что надо. Как говорится, муху не пропустят – Полкан лениво шевельнул хвостом.

–А кто у вас дровами распоряжается? – спросила я.

Иван удивленно посмотрел на меня:

–А вам зачем, в городе у вас вроде топят?

–Так, говорят, он за дровами в лес не ездил, они сами к нему из леса приходили?

Иван засмеялся, но видя, с какими мы сидим напряженными лицами, спросил:

–А что случилось-то?

Денис буркнул:

–Да у нас вчера одно полено сбежало, мы из-за этого всю ночь не спали, дежурили.

Илья на него зашипел:

–Не мели ерунды!

–Ерунды? Мы его целый час из колодца вытаскивали под дождем, а потом оставили возле колодца, а когда дождь кончился – смотрим, а его нет!

Иван удивился:

–А зачем из колодца его вытаскивали? Час?

–Нам показалась, что это какая-то вырезанная из дерева фигурка. – Я с улыбкой посмотрела на Ивана.

Он ворошил прутиком костерок под чайником и молчал.

Мы все молчали, чувствуя себя неловко.

Потом он говорит:

– Расскажу вам один случай, отец еще был жив. Мы летом с ним ходили делянки для вырубki подбирали, сами валили деревья, пилили, рубили. В деревнях ведь одни старухи, мы им уже нарубленные дрова привозили, им только оставалось в поленницы сложить. Так вот, идем мы с ним рано утром на заранее уже отмеченную делянку. Собаки впереди бегут. Вдруг, слышим – залаяли, потом зарычали, мы бегом туда. Подбегаем, смотрим – лисица лежит, а под лапами чурка в тряпки обмотанная. У лисицы вся морда в крови и тряпки все в крови. Отец посмотрел – у неё весь бок распорот, мёртвая уже. Потянулся он к чурке, а Стрелка, обычно такая ласковая и добрая собака – хватить отца за руку, и держит, как будто не пускает, и рычит. Отец убрал руку, взял ветку, откинул лисицу с чурки и тряпки подхватил – мы оба аж отпрянули – на чурке глаза вырезаны, и пасть с клыками, да так натурально, что мурашки по телу побежали. А тряпка клетчатая, чёрно-белая и на ней какие-то знаки кровью нарисованы. Отец пнул чурку ногой и говорит: «На обратном пути прихватим её и сожжем». Весь день мы в лесу работали, а под вечер пошли домой. Той же дорогой. Походим к тому же месту – лиса лежит, а чурки нет. Как не было. Мы с отцом все обшарили, а отец у меня знатным следопытом был, по следам мог несколько километров, не сбившись, идти. А тут, правда, чертовщина какая-то – следов нет, только наши

и лисицы, а чурки нигде нет. Дошли до дома, пока то да сё, темно уже, спать собрались, а отец мне: «Ванька, я в сарае мешок с крупой не поднял наверх – мыши опять погрызут, иди, подвесь». А мне только в радость, подбегаю к сарайке, Стрелка за мной увязалась. Дверь открываю, а сарай у нас большой, двери здоровые, так вот, открываю с трудом дверь, а у Стрелки загривок поднялся дыбом, и она даже не рычит – хрипит. Я, честно говорю, струхнул. Не рискнул идти один, побежал за отцом. Он пока встал, оделся, на улицу выходим, слышим – Стрелка скулит. Мы бегом к сараю, отец свет зажег, а там Стрелка лежит, и кишки рядом с ней, вся в крови. И скулит, пытается ползти вроде к нам, но глаза уже мутные такие. Я к ней, отец сначала в сарай забежал, потом кинулся за ружьем, вокруг всё прошарил – никого нет. Стрелку мы вынесли и завернули в тряпку, чтоб, значит, утром её похоронить. Расстроенные, понятно, я даже всплакнул, любил я ее очень, ей тогда уже было лет пятнадцать, сколько себя помнил, она всегда была рядом. Мы от неё щенка себе тогда оставили, глупый еще был, дома его держали. Так вот, утром пошли Стрелку хоронить, выкопали за забором в лесу ямку, положили Стрелку. Отец даже пальнул в воздух – последняя почесть верному своему товарищу. Я из веточек крестик слепил и поставил на холмик. Прошло дня два. Вечером пришли с отцом из леса, поели, Стрелку опять вспомнили, отец и говорит «Пошли, ходим на могилку к ней, Чубика приведем, ей наверно приятно будет, что мы её пом-

ним». Идём, Чубик впереди нас весёлый такой бежит, вдруг, остановился, как вкопанный и шерсть встала на загривке, мы с батей тоже насторожились, огляделись, но нет, вроде никого. Рядом с нашим домом лес сосновый – кустов нет, далеко просматривается. Никого, кроме нас, нет. Успокоились мы, а Чубик нет. Мы его успокаиваем, гладим, разговариваем с ним, а тот рычит, дальше не идёт. Так подошли к могилке нашей Стрелки, а Чубик подальше отбежал и лает, и лает. Я пока его подзывал, поворачиваюсь, а отец стоит и смотрит, как замороженный, в одну точку. Там, на крестике, висит кусок окровавленной тряпки клетчатой, черно-белой, с красными кровяными знаками. Мы сразу признали эту тряпку. С минуту стояли, молча, не в силах отвести глаз от неё. Потом отец мне говорит: «Иди сынок, принеси бутылку с бензином и спички из сарая». Сожгли мы тряпку, а отец сантиметр за сантиметром исползал всю землю вокруг могилы – нет следов и всё тут. Прошло много времени, мы в деревню с отцом пошли, зима уже была, снежок выпал, но морозов еще не было. Я в школу через поле ходил обычно, а с отцом, понятно, через лес пошли. Идём, разговариваем, а отец мне и говорит: «Знаешь, Ванька, не верю я ни в чертей, ни в домовых, и батя мой никогда не верил в них. Вот только, после случая со Стрелкой, я к нашей знахарке заходил, она меня просила травы кой-какой собрать и засушить, так вот, стучусь я к ней, она мне открывает, из-за двери выскальзывает, и шёпотом так тихонечко, будто подслушивает её кто, гово-

рит: «Василий, встретишь следующий раз лихоимку, не гниви его, мы его не вспоминаем и не гневим – он нас не трогает». Я её спрашиваю: «Какого ещё лихоимку?», а она как на меня зацыкает, руками замахала: «Тише ты. Чего раскричался, я тебя предупредила». И в дверь свою шмыг. Я, почему-то, сразу вспомнил про ту чурку. Только отец мне это сказал, ветер поднялся в лесу, а потом как ухнет кто-то, да так громко, и снег на нас с веток посыпался. – Он помолчал, потом улыбнулся, похлопал Полкана по спине, и встал, оглядев нашу притихшую компанию – Напугал я вас? Не бойтесь, места у нас здесь спокойные, а что касается таких страшных историй, так они в каждой деревне есть, у всех свои страшилки. Для детей. Ладно, засиделся тут я у вас, мне службу нести надо, пешком иногда километров тридцать за день с Полканом проходим. А мне сегодня ещё на станцию надо, практикантов встречать, на два месяца приезжают каждое лето, стажируются. Я вам, на всякий случай – он полез в нагрудный карман и достал маленький блокнотик с карандашом – свой телефон напишу, может и не пригодится, но пусть будет.

–Так не ловит же здесь, я всю деревню пробегал, нет связи, – Дениска вздохнул – был бы интернет ...

–Пошли за мной, покажу, где ловит. – Иван спустился к реке, мы все за ним – Вон, видишь, речка поворачивает, там брод, перейдешь его и прямо по грунтовке метров двести, увидишь кусты, идёшь вдоль них, метров триста, там сно-

ва речка наша покажется, не зря её Вьюшкой зовут – петля на петле, и в том месте, где берег круто вверх уходит, скалу увидишь, она высотой метров пятнадцать будет, там и ловит. С неё нашу железнодорожную станцию видно. Забраться на неё легко, склоны у неё пологие, без всякого снаряжения залезешь. Звони, сколько влезет. Понял?

– Ни чего себе, ближний путь, не набегаешься. А вы больше ни у кого не спрашивали – кто такой лихоимка?

– Как не спрашивал, конечно, спрашивал. Мы с ребятами сколько раз к знахарке подкатывали с этим вопросом, да та только отмахивалась. Но один раз в сердцах нам ответила: «Кто про него всё знал, тот уже не расскажет, а будете настырничать – он сам вас отыщет». Вот так.

Мы тепло с ним распрощались, сказали, что будем здесь ещё дня три – четыре и, если найдет время, то милости просим, всегда рады.

Только он отошел на приличное расстояние, Дениска тихо нам говорит:

– Они вместе со своим псом ползали у колодца и, когда я вылез из палатки, он резко выпрямился на шум, тогда я его увидел и испугался.

Илья взорвался:

– Ты что маленький, нельзя, что ли, открыто было спросить – что он там искал?

– Илья, перестань, если бы он что-то там нашёл, он бы и так рассказал, без всяких вопросов. Может собака его что

учуяла, вот он и наклонился посмотреть.

–Да ну вас, не переспоришь. Знаете, что я думаю, пора тщательно исследовать местность вокруг дома, меня просто заинтересовала эта история с поленьями. Этим мы с Дениской займёмся. А ты, Оля, иди в дом и ещё раз всё пересмотри там и печку пощупай. Может у Помошко этого, какой тайничок остался, старые люди любят что-нибудь припрятать, а потом забыть.

Мы разбрелись. Я сначала пошарила в сенях, потом зашла в дом. Рукопись была на месте, я полюбовалась на её спокойный свет и несколько раз провела по свечению рукой. Порядок.

Печка была грязная, сажа не только возле топки, но и между некоторыми кирпичами, видать, дымила она нещадно. В печке было много золы, я взяла со стола какую-то длинную железную вилку и аккуратно, чтобы не поднимать много пыли, стала выгребать её прямо на пол. Вдруг что-то стукнуло. Я пошевелила золу на полу и увидела маленький замочек, такие ещё раньше весили на почтовых ящиках. Я подцепила его вилкой, положила на лавку, стала более тщательно осматривать золу на полу и нашла маленькую петельку, как раз, для такого маленького замка. Больше в золе ничего не было. Так-так, похоже, дед сжёг здесь шкатулку или маленький ящик. А куда, интересно, он дел содержимое ящика? Тоже сжег? Или припрятал? Я стала потихоньку ощупывать каждый кирпич, заглянула за шесток, подвинула лавку к печке и

осмотрела всё вокруг трубы. Мои руки стали чёрными, как у трубочиста.

Со стороны комнаты к печке были приделаны полати, лежанка такая небольшая. Пахло там чёрт знает чем. Я почти уже на неё залезла, когда пришла в голову мысль: что, если хозяин дома там умер? Сразу же пулей скатилась вниз. Ещё раз обошла вокруг полатей. Попробовала их раскачать, но нет, не получилось. Взяла свой инструмент – вилку на длинной ручке, попробовала ею подцепить доски. Просто удивительно – всё развалилось, а эти доски невозможно оторвать! И вот, когда я совсем уже отчаялась, с узкой стороны полатей я заметила малюсенький загнутый гвоздик. Я его отогнула, а на нём, оказывается, держалась дверь, которая тут же рухнула на меня, а потом мы с ней вместе свалились на пол. На шум прибежали Илья с Дениской. Перед нашим взором открылись ступени, которые вели в тёмный и холодный погреб. Мы, вооружились фонариком, и осторожно, по одному, стали спускаться по лестнице. Внизу была маленькая, примерно метр на метр, сырая и тёмная кладовка с земляными стенами и с земляным полом. Пахло мышами. Если здесь, когда-то, и хранились припасы, то мыши добросовестно их все уничтожили, так как кругом валялись прогрызенные мешки, клочки соломы, разбитые банки и ... полено.

Мы, как вкопанные, уставились на него. Илья с издёвкой:
–Наше?

Дениска серьезно ответил:

–Нет, но это его сухопутный родственник. Мне кажется, его надо брать, он свой срок уже отсидел. Мы его привяжем к колодцу на цепь.

Может он и шутил, но я подумала, что мы именно так и сделаем. И ещё, на полу стояла закупоренная баночка из тёмного стекла и, когда Илья поднес её к свету, мы увидели на дне немного тёмной жидкости. Мы её тоже подняли в дом. Полено мы прихватили с собой. И привязали его к колодцу. Знаю, звучит не очень, но вас там не было.

В баночке, когда мы её откупорили, была жидкость с запахом дёгтя и ещё чего-то, очень тёмная, почти черная. Илья предположил, что это чернила, достал бумагу, потом отстрогал тонкую палочку на манер карандаша и, обмакнув её в чернила, тонко вывел на бумаге «Мама». Если бы дедушка Фрейд присутствовал на данном мероприятии, он бы сделал вывод, что Илья чего-то боится. Я предположила:

–Если это те чернила, которыми написана рукопись, то ей не меньше сотни лет. Потому что уже в девятнадцатом веке изобрели современные чернила. А здесь кто-то намешал свой состав.

– Но может быть и такой вариант: Помошко хотел восстановить утраченный недостающий фрагмент свитка, чтобы он стал ещё более волшебным, поэтому он подобрал специальный состав. Или ещё, – Дениска указал на рваные края свитка – может, он хотел переписать полный текст её на другой свиток. Тогда надо искать полный текст.

Я показала им на выкопанные из золы железные части деревянного ящика:

—Он сжёг в печке шкатулку или коробку. То есть, тайны у него всё-таки были. Или после него что-то сожгли, раз все думали, что он связан с нечистой силой. А свиток просто не нашли. А то, скорее всего, его бы тоже сожгли.

—Тетя Оля, а давайте в журналах покопаемся. У меня такое чувство, что там мы что-нибудь найдём. Интересно, чьи они? Не похоже, что Помошко их выписывал. И потом, никто не говорил, что он выписывал «Науку и жизнь».

Илья резонно заметил:

—Так никто и не говорил, что он не выписывал. — Он взял листок со словом «мама» подул ещё раз на него — Ну что, чернила высохли. Мне кажется, что они идентичны тем, которыми нанесены символы на свитке, по крайней мере, цвет у них такой же. Есть над чем подумать. Надо понаблюдать, вдруг это они запускают реакцию на бумаге и она начинает светиться? Дениска прав, надо нам покопаться в журналах. После рукописи, это самые ценные вещи в доме.

Мы втроём сели вокруг большой пачки журналов прямо на пол. Из первого, взятого мною журнала, выпал пожелтевший листок. На нём был нарисован хорошо мне знакомый лес. Я застыла, вглядываясь в гладкие стволы серых деревьев с пальцами на них. Рисунок был сделан простым карандашом. Без всякого сомнения, это был лес из моего сна. Я показала рисунок Илье и снова повторила описание дороги из

сна. Теперь мой рассказ вызвал более живой интерес, чем тогда, когда я его рассказала впервые.

После моего рассказа Денис спросил:

–А между какими страницами лежал этот листок?

–Не знаю. Он просто выпал. Надо посмотреть статьи. И так, что тут есть: «Цикличность Большого взрыва», дальше «К столетию со дня рождения В.И.Ленина», «О будущем прикладной математики», «Задачник конструктора», нет, всё не то. А ещё вот «Запечатленное слово» Сергея Наровчанова. Нет, тоже не подходит, это про поэзию.

Я добросовестно пролистала весь журнал от корки до корки, но никакой параллели с серым лесом.

Илья скептически произнес:

–А ты не думала, что где-то в мире есть такая картина у какого-нибудь Пикассо, или у какого другого автора, но тоже с тяжёлой формой шизофрении? А вы, с автором этого рисунка, натуры очень впечатлительные, лес на вас произвёл такое сильное впечатление, что одной он приснился, а другой нарисовал его.

–Если ты мне покажешь эту картину, я соглашусь. Но я очень сомневаюсь, что существует «Лес с пальцами».

Мы дальше продолжали внимательно изучать журналы. Это оказалось действительно очень интересно. Мы так увлеклись, что прошло, наверно, часа два. Вдруг Денис воскликнул:

– А вот тут у нас обведен текст простым карандашом. Чи-

таю: «Напоследок стоит упомянуть про лихо, так в древности называли длинное и тонкое существо, напоминающие сухой ствол дерева длиной, по некоторым источникам, до полутора метров. Наткнуться на него можно было только в густом лесу – оно было способно не только напугать людей, но и навредить им. Во второй Новгородской (архивной) летописи хранится странная запись : « Людей много – поядоша, одного оставит, яко насладиться его страданиям» (П С Р Л т. 30 стр. 320)».Конец цитаты.

–А конкретно, как хотя бы он выглядит? – заинтересовалась я.

–Оля – Илья вздохнул – Написано же, «здоровое полено» и выглядит он как неприятность, очень большая неприятность.

– Пока ничего о внешности нет. – Продолжил Дениска – Хотя, вот еще подчеркнуто: «Джером Горсей «Записки о России 16 – начало 17 в. М 1990 стр. 196 . Он стал очевидцем невероятного события. Проезжая по лесам Московской области, среди болот, он увидел, как крестьяне, вооруженные вилами и бадагами, загоняли в болото дерево. Дерево утащило за собой крепкого мужика, хотя его пытались оторвать от твари три здоровенных мужика. Хотя ни один серьезный исследователь не обращает внимания на эту запись из-за её явной нелепости». Конец цитаты. Что-то мне эта лихоимка нравится всё меньше и меньше.

–Давайте посмотрим на это под более героическим уг-

лом. – Илья поднял кверху палец – Во всех былинах русских, во всех сказаниях, присутствуют три богатыря, которые борются с врагом, изгоняют его с земли русской, и весь народ радуется. Давайте не будем исключением, чтоб про нас не сказали: «Они испугались лихоимку».

Я предложила:

– А давайте не будем произносить больше это имя вслух, то у меня кровь в жилах стынет от этого чуда природы, давайте ему придумает кодовое имя, например ...

– Настаиваю на Буратино! – Скреативничал Илья.

– Может лучше палач, или ликвидатор? – Денис даже подскочил – а давайте «Лесной Потрошитель», прямо в точку!

– Давайте просто остановимся на названии какого-нибудь дерева, например, вот есть бук, ясень – я задумалась – а лучше пусть будет фикус, просто и понятно, и совсем не страшно.

После недолгих дебатов, мы остановились на помеле. И обидно для оппонента, и легко запоминается. Мы еще долго листали журналы, Илья даже отобрал себе парочку, его заинтересовали некоторые статьи. Но больше ничего по теме нашего помела мы не нашли.

Потихоньку вечерело, мы снова разожгли костёр, проверили наше пленённое полено, всё нормально, лежит тихо на месте. На ужин у нас – лапша с тушёнкой, вкуснотища такая, с дымком. Дежурить никому не хотелось, но, чем темнее становилось, тем больше хотелось возродить традицию

ночного бдения. График оставили тот же. Костер решили не тушить всю ночь, дежурные будут его поддерживать, всё-таки с ним спокойнее, тем более дрова у нас есть. И еще – чем больше мы спалим поленьев – тем больше у нас будет шансов на счастливую старость. Это сказал наш мудрый Илья.

Глава 2. Ночной гость

Ночь была просто волшебна. Звуки лета, тихие и нежные, лились на нас со всех сторон – сверху, снизу, от речки, из высокой травы. Первого из нас сон сморил Илью и уже, через несколько минут, он добавил в звуки ночи красок своим богатырским храпом. Я тоже начала дремать ещё у костра, но, как только я улеглась в палатке, сон с меня слетел, мысли унесли меня далеко, вспомнилось моё детство у бабушки в деревне, мои деревенские приятели и весёлые приключения. В конце концов, незаметно подкравшись, сон всё-таки меня догнал. Разбудил меня Дениска.

–Что уже два? – спросонья спросила я.

–В доме кто-то есть.

–Как ты отсюда видишь? Ты ходил туда?

–Я что, больной? Один не пойду, пошли вместе, всё равно тебе через полчаса вставать.

Темнота была, как говорится, хоть глаз выколи. В паре метров от костра уже ничего не было видно. Я боялась, что мы переломаем себе ноги в темноте.

–Ты что костер так запустил, он еле шевелится? Одни угольки.

В это время, где-то возле дома, что-то скрипнуло.

Денис вздрогнул:

–Слышала?

–Да. Ничего особенного, может ветер.

Снова скрип.

–Нет. Днём там ничего не скрипело. Может, папу разбудим?

–Давай посмотрим издалека, там видно будет, если что, крикнем.

Мы стали тихо красться по дорожке. Звуки стали слышны более отчетливо. Без сомнения, они доносились из дома. Мы остановились. Опять скрип, скрип.

–Может, всё-таки, просто ветер? -с надеждой спросила я.

–Так давай посмотрим.

Мы, крадучись, прошли несколько шагов. Теперь нам хорошо был виден вход в дом и окна. Свет от свитка ночью можно было бы назвать почти ярким. Тишина. Вроде никого. Опять тихий скрип. Мы ещё немного постояли, прислушиваясь. Прошли ещё пару шагов. А потом появилась смутная тень на косяке комнатного окна. Тень извивалась, как от ветра, постоянно изменяя свои контуры, и становилась похожа то на тень худого человека, то на бесформенную груду, потом опять вытягивалась. Мы замерли. Я тихонько потянула Дениску вниз, мы присели. Тишина, потом опять скрип, скрип. Похоже, кто-то пытался оторвать доску. Я приподнялась и ещё взглянула на окна, тень теперь мелькала на кухонном окне. Я снова присела и прошептала Дениске:

–Крикнем Илью?

–И погибнем смертью храбрых? – прошептал он в ответ со смешком, но тут же им подавился, поймав мой взгляд.

–Ладно, наблюдаем молча.

Он согласно закивал. Я испугалась своего шепота, мне показалось, что он разнёсся по всей деревне. Теперь мне уже чудилось, что вокруг меня грозно шуршала трава, приглушая чьи–то шаги. Всё сразу стало зловещим. На фоне звёздного неба, даже колодец ухмылялся, как зубами, редкими досками крыши. Сердце билось, как бешенное. В доме установилась тишина, похоже, ночной гость или исчез, или затаился.

Не знаю, сколько мы так сидели, прислушиваясь, но у меня всё затекло. Я знаками показала Дениске, что отходим. Мы ползли по тропинке к палаткам, останавливаясь каждую минуту, оглядываясь и прислушиваясь. В костёр мы бросили сразу четыре полена и журнал «Наука и жизнь».

В четыре мы разбудили Илью, он округлил глаза:

–Опять оба дежурили?

Я сказала ему замогильным голосом:

–В доме свет!

Потом таинственно кивнула и медленно поплыла в палатку, уверенная, что напугала его до жути.

И уже в палатке поняла, какую сморозила глупость. Конечно в доме свет, там же рукопись! Я же хотела сказать, что в доме тень! И, вспомнив удивленное и непонимающее лицо брата, засмеялась. Сначала смеялась беззвучно, закрывая

рот руками, потом поняла, что не могу сдерживаться и захохотала во весь голос. Представила, как слушает мой смех Илья, и остановиться уже не могла. Слезы ручьём текли по моим щекам, и я сотрясала свою палатку еще минут пять.

Когда я успокоилась, услышала голос Ильи:

–Успокоилась? Нет, я не обделался. Другое что-нибудь придумай.

Утро, как всегда, было солнечным и приветливым, на небе ни облачка. Я подошла к краю берега. Живописный пейзаж настроил меня на лирическую волну и напрочь прогнал от меня все ужасы ночи. И почему я не художник? Но никакие краски не смогут передать раскинувшийся во все стороны простор, играющий на солнце всеми оттенками зелёного цвета. Вода в речке была чистой, прозрачной и освежающей. Я покачивалась на спине, закрыв глаза и подставив солнцу лицо. Хорошо-то как! И уже совершенно умиротворённая вернулась к палаткам.

Илья, который встал позже всех, подозрительно спросил:

–Вы что, замёрзли вчера? Дров столько накидали! Как только кирпичи у вас не полопались.

–Замёрзли .– Я долила воды в котелок – Слышал ночью что-нибудь?

–Да, какая-то дура хохотала, у меня аж мурашки по коже поползли. Что там у вас вчера произошло?

–А мы вчера к дому ходили. Там кто-то был, может даже помело. Мы только тень от него в окошке видели.

–Какое помело? – Илья округлил глаза.

–Как «какое»? Ты что, забыл, какое помело мы тут ищем?

–А, тьфу ты, я думал это шутка.

– А я вот, так больше не думаю.

Я рассказала о наших ночных приключениях. Илья сразу набросился на меня:

–А меня что не разбудили?

Я язвительно ответила:

–Берегли твой сон.

–Ага. Сказок наслушались, как дети малые. Перепугались они! Надо было просто заглянуть в окно. Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. Может зверек, какой ночной, забежал. Кругом лесà, полно диких зверей, они тут не пуганные, вполне могут и забрести сюда. Или птицы, какие ночные, здесь гнёзда свили. На крыше. Совы, например. У них тут может охотничьи угодыя. Видела всё мышами изъедено? Мышей тут полно. Охоться – не хочу. Может собака забежала, Полкан, например. Ольга, ну взрослая же женщина, нормально на корточках в траве ползать?

–Конечно, днём хорошо сидеть тут и рассуждать, вот сейчас пойдем и посмотрим, кто мышей там ловил.

Завтракали молча. Опять дежурный Дениска пошел мыть посуду, а мы двинулись к дому. Илья, шедший первый, резко остановился:

–Оль, посмотри. – Он указал на вход на веранду.

В порог была воткнута вилка с длинной ручкой.

–Мать честная!

Илья достал вилку, повертел в руках:

– Смысл?

–Может, это обряд против нас, чтобы мы тут не ходили?

– Может когда ты засмеялась...

–Да хватит тебе!

–Что тут скажешь, сначала полено убежало, потом тень какая-то мелькала, а сейчас вот вилку воткнули. Может и правда, ночью кто-то сюда ходит. Неприятностей или много, или очень много.

Мы вошли осторожно в дом, я на всякий случай прихватила с собой какой-то черенок от лопаты.

Наш свиток лежал на столе, на том же самом месте, на каком мы его оставили, не переставая излучать свой загадочный свет. И больше нигде никаких следов ночного гостя! А может хозяйина?

–Илья, мне кажется, что ночью пытались оторвать доски, может тайник искали. Я, почему-то, уверена, что они знали, что искать.

–Может силенок не хватило? Пойду, топор из машины возьму, будем искать.

Мы отодвинули шкаф от стены и Илья начал срывать топором обивку со стен, я внимательно просматривала их, и для верности, ещё и рукой прощупывала. Потом он начал отрывать подшивку с потолка. Над кухонным окном потолочная доска не была прибита, а просунута в зазор между брев-

нами и другой доской. После того, как мы разворотили верхний угол дома, доска поддалась, и на нас посыпались свёртки. От такой удачи мы оба радостно вскрикнули. Свёртки были завернуты в вафельное желтоватое полотенце, из которого высыпалась сухая трава. Полотенце было со следами копоти, длиной оно было метра полтора и пахло полынью. Илья подобрал несколько сухих обломков травы, выпавших из полотенца, растёр их между пальцами, понюхал и сказал:

–Полынь.

–Я где-то слышала, что запах полыни отпугивает всякую нечисть.

–А еще мышей. Моя бабушка раньше везде раскладывала пучки полыни по дому.

Зашёл Дениска, радостный и возбуждённый. Илья его спросил:

–Что так долго?

–Я на гору лазил, телефон проверял, маме позвонил. Это откуда?

Я показала на развороченный угол:

–Там у Помошко тайник был, и это всё из него выпало.

–Это они ночью все доски оторвали?

Я покачала головой:

–Нет, это мы всё разобрали, они только вилку в порог воткнули.

– Жесть. Наверное, чтобы нас напугать. Как гангстеры. Они тоже сначала нож в стол вгоняли, а если кто не понял

– тому в глаз.

– Денис, хватит поддерживать наш боевой дух! Смотрите, – Илья держал в руках кожаный поясок, с вырезанными на нем какими-то треугольниками и кружочками – Какой-то он игрушечный, только на младенца годится. А пряжка, смотрите, какая занятная.

Мы склонились над пряжкой. На вид сделана она была просто – пустая коробочка с закрепленным с одной стороны ремешком и с прорезью с другой стороны. На её лицевой стороне сделана чеканка – серп луны и овал с отверстием.

–Куриный бог. – Сказал Илья.

–Кто куриный бог?

–Куриный бог – сильнейший амулет от нечистой силы. Это плоский камешек с естественным отверстием. Вот он, на пряжке изображен рядом с серпом.

Илья взял острый конец ремешка и продёрнул в прорезь, раздался звук щелчка, пряжка закусилась ремешком. Илья попробовал вытянуть обратно ремешок, но он не поддавался.

–Занятно, а как его обратно достать?

Мы его крутили, дергали, нажимали на пряжку – она никак не хотела открываться. Попытались достать ножиком, но и ножик не помог.

–Занятно, – Снова повторил Илья – что за механизм такой? Или просто так заржавел, что заклинило. – Он потянулся за тряпкой, в которую был завернут ремешок, а из неё выпал еще малюсенький сверточек, он его подхватил, развер-

нул, а там камешек маленький, с дыркой.

Мы радостно завопили: Куриный бог!

А Дениска ещё и добавил:

–Теперь мы защищены! Будем на дежурство с ним ходить.

О, великий Куриный бог! Ты один нам помощник и защита!

Потом долго его разглядывали, заглядывая в крошечную дырку. Камешек был серый, гладкий и теплый.

Во втором свертке был лист из ученической тетради в клетку, исписанный аккуратным мелким почерком. Текст привожу полностью:

Кругом себя окружаю

Кругом себя закрываю

Кто супротив круга моего пойдёт

Тот всё зло на себя заберет

Оберегаюсь Закрываюсь

Кругом огораживаюсь

От всякого зла колдовства

Коварного языка

От руки поднятой

От ножа и топора

От воды и от огня

От слова заговорного

От проклятия чёрного

От погостной земли

От дорожной пыли

От болот морочных

*От дней чёрочных
От злости лихоима
От вражьего зажима
Круг меня береги
Всяку злость отрази
От того кто думает Кто делает
Кто молча творит
Кто на распутье кричит
Кто шепотом ладит
Иначе говором правит
Всякое зло обойдет
Развернется и обратно пойдёт
Я в кругу
Круг обережный со мной
Атуамас ста*

– Вот, так сказать, и тяжелая артиллерия пошла. – Илья перевернул лист – Тут ещё что-то написано, другим почерком – «три свечи, три раза, в двенадцать, в час, в два». Красным карандашом цветок с пятью лепестками нарисован. Да уж, осталось только бубен для плясок найти и по деревням ходить, нечистую силу изгонять.

– Илья, я бы на твоём месте не очень-то ёрничала, народная мудрость вечна, правители приходят и уходят, эпохи меняются, а душа народная всегда жива!

– Всё, остановись. Ты что, репетируешь интервью для первого канала? Что-то не очень эти три свечи помогли деду.

Один всеми позабытый тут дни доживал.

–Папа, ты забыл, к нему дрова сами из леса приходили.

–Ну да, а потом он на печке теплой зимой по полям катался! И пирожками горячими заедал счастье своё. А мы от кого собрались защищаться? Может они нам вовсе не враги?

–А вилка в пороге? От кого- то нам всё-таки придётся защищаться. – Я взяла последний свёрток – Этот тяжёлый и зашит нитками, наверное, самый ценный и, смотрите, узел как интересно завязан!

Денис закричал:

–Стойте, я его сфоткаю, вдруг придётся его снова завязывать.

Он достал телефон:

–Блин, зарядка почти на нуле, пап, достань генератор, подзаряджу.

–Пошли. Ольга, давай свой телефон, все сразу зарядим.

Я отдала свой телефон, и они ушли. Я решила ещё раз залезть в тайник и посмотреть, не завалялось ли там ещё что-нибудь. Да, предчувствия меня не обманули – там лежала газета, старая, пожелтевшая, с датой выхода – 1914 год , 16 октября. Ровно три года до революции. Я стряхнула с неё пыль. Буквы все выцвели, некоторых уже даже не были видно. Стала аккуратно её разворачивать, но она распалась на отдельные листки. Я её разложила на столе и начала изучать. Называется «Российский еженедельник». Первую страницу невозможно прочитать, ничего не видно, я её перевернула.

Ага, на другой странице кое-что видно.

"Вчера трое жандармов изрубили саблями слепого певца за песни возмутительного содержания: "Ой, настанет доброе время, станет труженик есть досыта, а панов – на одну ракету", автор статьи некто П.Горман.

Следующая, более или менее читаемая статья: «Почти каждый десятый крестьянский ребенок из числа осмотренных являет собой различные признаки умственной недостаточности. Но недостаточность эта не есть только прирожденная. Значительная доля ее проистекает от того, что родители, занятые трудом, не имеют времени хотя бы как-то развивать его». Ну что же, полезная информация.

Ещё: «Сенаторская ревизия петербургского интендантства обнаружила злоупотребления таких громадных размеров, перед которыми бледнеют даже московские. Особенно прибыльны для интендантов были операции по отправке съестных припасов на Дальний Восток».

Прямо новая новость для всех! Гордость за петербургских – даже московских переплюнули. Я повернула следующую страницу. И вот заметка небольшая, первой строчки не видно, начинается со второй: «приехавший с Исетского завода, сам не видел, но мужик Кузьмин рассказывал мне и божился. Прибыли на место и увидели большое скопление народа вокруг деревянного дома. Жандарм Вохашкин завел нас в дом, где, по его словам, было передвижение дров и чугунков в печи, а кувшин оказался приплюснутым внутри умывальника.

Хозяйка голосила, у неё была кровь на лбу и рубахе. Детей она выгнала к соседям. Пока мы стояли, с печи сама собой сорвалась заслонка и стукнула меня по колену. Мы вышли на улицу, там старуха начала орать «всем смерть! Лихоимку позвали!». В доме опять послышался шум. Всех свидетелей повели в участок».

Значит, про наше помело ещё в 1914 в газете писали. Надо было поподробнее у старухи поспрашивать, так нет, он её в участок!

Вернулись мои товарищи, я им прочитала заметку, Дениска предположил:

–Может это сам лих... помело собирает о себе вырезки, так сказать приятно, иногда вечером у камина, почитать о себе прессу.

Он сфотографировал узел со всех ракурсов, а потом сфотографировал остальные наши артефакты. Пора развязывать последний свёрток. В нём было два плоских камня. На них были фрагменты текста с такими же символами, как и на свитке. Обратная сторона одного камня была залита воском с коричневым красителем. Под камнями свернутый вчетверо листок. Мы развернули его. Похоже на карту. На нём снизу шла пунктирная линия до четырех схематично нарисованных домиков, под которыми печатными буквами было написано «один». Дальше пунктирная линия уходила вверх и влево и упиралась в ещё один крестик, под которым надпись «час», потом снова вверх, до места, обозначенного крести-

ком с подписью «камни», потом опять влево вверх до следующего крестика, без подписи.

– Лед тронулся, господа! – торжественно объявил Илья – Мне кажется, пора собираться в путь. Дениска, возьми из бардачка номер лесничего и чеши на свою гору, позвони ему и спроси, как нам его найти. Скажи, дело у нас к нему. Срочное.

Дениска вздохнул и пошел.

Я еще раз повертела листок:

– А если это где-нибудь на Камчатке? Может, посмотрим пока по картам?

– Оля, какие карты нам покажут «один» и «час»? Хорошо ещё, если лесник знает это место. Мы можем сначала к Павлу Анатольевичу заехать, спросить у него. А ещё, нам нужно показать наши письма палеографу.

– Кто такой палеограф?

– Специалист по старинным рукописям, письмовед. Чтобы он не только перевел, что там написано, но и определил время создания рукописи.

– Может, зря беспокоимся, это просто шпион тут свои донесения зашифровал?

– Да, если он жил в каменном веке.

– Нет, серьёзно, а если этими символами пользовались лишь кучка каких-нибудь колдунов или шаманов? Или один колдун зашифровал свои тексты, или заклятия, чтобы любопытные граждане не могли воспользоваться?

– Мне почему-то кажется, что если мы найдем то место на карте, у последнего крестика, у нас будет меньше «А может».

– И где нам найти такого письмоведа?

– На кафедре, в моём родном университете, их там целая команда, а сейчас среди них есть и программисты. Существуют целые методики и для буквенной расшифровки и для слоговой. Они какое-то время там работали над старыми рецептами лекарств. Им много всяких раритетов приносят, у них картотека знаешь какая огромная? Десятки документов на разных старинных языках.

– А ты откуда знаешь?

– Славка, мой одноклассник, у них трудится. Они там все просто фанатики! Последний раз, когда созванивались, он со старомонгольскими текстами работал. Говорит, что если раньше переводчик с одним текстом работал до трёх лет, то сейчас нейросеть справляется за два часа.

– Печально.

– Что печально?

– Скоро люди не будут нужны как работники, если машина делает всё лучше и быстрее.

– Это называется прогресс!

– Это называется отупение человека. Зачем нам думать, если машина всё знает? Машина будет развиваться и дальше, станет абсолютно самодостаточной, а мы на лугу коров пасти будем.

– Так я не понял, мы покажем рукопись Славке или нет?

–Покажем, а он язык за зубами будет держать?

–Нет, он растреплет всем.

–Может, тогда, только камни ему отдадим?

–Нет, знаков мало, не получится.

–Отдадим ему листок, который сами перерисовали со свитка.

–Говорю тебе – даже смотреть не будет. Отдадим рукопись. Всё, вопрос закрыт. И ещё, нам пора вести хронологию всех событий. Летописцем будешь ты. Всё подробно, пошагово начинай записывать, до самых мелочей, даже если считаешь, что это не важно. И опиши все наши артефакты.

–Я думала, что я руководитель экспедиции, а не писарь.

–Уже нет. Ты писарь-спонсор. Я просто чувствую, что мы стоим на пороге великих открытий! И это надо увековечить. Мы найдём этого лихоимку, и раскроем все его страшные секреты!

–Неизвестно ещё, кто кого вперёд найдёт. Мы его или он нас.

Мы собрали все свои трофеи, кроме свитка и пошли к палаткам. Я села возле очага, достала блокнот, ручку и начала описывать все события по порядку. Свой сон тоже решила записать.

Пришёл Денис:

–Лесничий недоступен.

Илья командным тоном:

–Иди обратно, пока не дозвонишься – не возвращайся.

– Можно после обеда?

– Нет!

Я заступилась за Дениску:

– Что зря на горè сидеть, всё равно, если поедem к нему, то это будет только завтра. Может, в деревню пока смотаетесь? Хлеба купите, канистра одна уже пустая. К Павлу Анатольевичу зайдёте, карту ему покажете, поспрашиваете его. И Фриду Анатольевну тоже, похоже, она больше чем он знает про деревенских. Или только руководитель у нас имеет право своим крепостным задания раздавать?

– Если умные мысли пришли – пожалуйста, я готов при- слушаться.

Дениска засмеялся:

– А что, пока меня не было, папа карьеру сделал?

Я вздохнула:

– Да, головокружительную. Я меня низверг до писаря.

– Ну, хорошо, будешь ты не писарь, а хроникёр. – Мило- стиво разрешил Илья.

Он забрал у меня листок с самодельной картой и листок с разговором, аккуратно вложил их между страницами жур- нала «Атлас автомобильных дорог», они сели с Дениской в машину и уехали.

Сон. Продолжение

Дом внутри оказался не домом, а пещерой. Темные, неров- ные, с блестящими подтёками, стены пещеры уходили,

сужаясь, высоко вверх, в непроглядную высоту. Под сводом пещеры гулко и протяжно раздавался то ли смех, то ли лай. Пещера была огромна, но освещалась только высоким костром, обложенным камнями. У костра сидел человек в накинутых не плечи лохматых тёмных шкурах. Он махнул мне рукой, и я подошла, снегурочки рядом со мной уже не было. Я подошла ближе к костру и взглянула ему в лицо. Разные половинки его крупного лица были неоднородны, левая половина лица принадлежала старику и была испещрена глубокими морщинами, правая половина лица – только череп, с жуткими клочьями отслаивающейся кожи. Волосы его были седыми и спутанными. И только живые глаза его, с играющими в них отблесками огня, были цепкими и чёрными, как ночь. Он долго и пристально смотрел на меня, потом спросил:

-Поняла, зачем ты здесь?

– Где я?

– Садись, разговор наш не будет коротким. Равновесие нарушили люди там, наверху, на земле. – Он вздохнул – Порой люди не зная о последствиях, пытаются играть с силами, о которых ничего не знают и которые намного их сильнее. Выпустят на волю эту силу, а она сомнет их, как листок и раздавит. И вот человек, который мнил себя их властелином, умирает в страшных мучениях, порождая цепочку неотвратимых событий и на земле, и здесь, у нас. Очень уж прочно связаны два мира – ваш верхний и наш нижний. У

нас свои законы, которые родились намного раньше, чем вы люди, появились на земле. Мы – мир духов природы и свято храним эти законы. Вы думаете, что природа жестока к вам – вы боитесь разгулявшейся стихии, бедствий, которые она вам несёт, потому, что бессильны перед ней. Но природа не зла и не добра. Она просто живёт, как жила тысячи лет до нас, и будет жить тысячи лет после нас. Мы, нижний мир, это понимаем. То, что вы называете колдовством – это для нас понимание сути природы, следование её воле. А вы, люди, постоянно пытаетесь подчинить себе природу. Стараетесь отхватить у неё побольше, не давая ничего взамен. А иногда и ещё более страшное происходит – слабый человек возомнит о себе и пытается управлять духами природы. Такое вмешательство, как большая волна в море – сносит все защитные барьеры между мирами. Ломает не только жизни людей наверху, но и делает безумными и опасными обитателей нижнего мира, которых выпускает в верхние земли, чтобы их силой добиться исполнения своих желаний. Мы по своей воле не можем прийти к вам и исправить случившееся, потому-то приходится искать избранного, который с нашей помощью в силах уничтожит предмет, подчинивший одного из наших братьев. Видела, когда проходила через двор, сколько крови на траве? Это дождь из вашего мира, кровь невинных жертв, которые пали от рук нашего безумного брата. И не очистится наш мир от неё, пока не положим мы этому конец. Вот почему ты здесь.

– Почему я, разве не богатыри должны спасти свои родные края?

– Только в ваших сказках

– А это разве не сказка?

– Для кого как. Тебе знакома эта вещь? – и он протянул мне старинную железную булавку с нанизанным на неё комочком застывшей смолы.

Я узнала эту булавку, она у моей мамы дома в шкатулке лежит.

– Да, а что в ней такого необычного?

– Вы, люди, быстро забываете своих предков, забываете те славные дела, которые они совершили ради вас, своих потомков. Слушай. Два века назад, предок твой, по отцовской линии, Федот Портнов, вернулся с войны с французами домой, в родную деревню. Пришёл цел и невредим, не получив не единой царапины, хотя в кустах не отсиживался, и все тяготы военные переносил наравне с другими солдатами. Дома его ждала любимая жена его Марья с тремя сыновьями. И ещё один солдат из его деревни вернулся с той войны, и привез он трофеей небольшой, железную лошадку, деткам на потеху. Игрушку сделал искусный кузнец, небольшая такая лошадка, и даже седло было выковано со стремянами. Игрушка то простая, а вот глаза её... Вместо глаз были вставлены желтые камни с меча древнего проклятого воина Файссия. И, как только лошадка попала к его старшему сыну в руки, вселился в парня дух проклятого. С каждым годом

становился он всё угрюмее и злее. Уже никто из односельчан не рисковал с ним связываться, больно лют был. Не осталось у него в сердце ни любви, ни жалости. И игры его становились похожими на дикую охоту. И никто не мог остановить его. И свою семью перестал признавать он. И отныне хотел он только одного – мучить и убивать. Много душ он загубил, и ещё больше бы загубил, да Федот его остановил. Мы тогда помогли Федоту, дали ему амулет – вот эту заговорённую булавку. Выманил он проклятого Фауссия из парня и навеки запечатал его в смоле. А выбран Федот был неспроста. Он был последним, оставшимся в живых, прапра-правнуком Саин-Булата, прямого потомка Чингисхана и Анастасии Мстиславской, в жилах которой текла кровь Ивана III и Софьи Палеолог. Славный род сей был искоренен во время бесконечных дворцовых переворотов при Иване Грозном. Только одного младенца удалось спасти кормилице, ценою своей жизни, вынести из дворца и спрятать в крестьянской семье от опричников. А помог ей в этом подарок старой татарки-колдуньи, оберег сильнейший, который надет был на младенце. В новой семье воспитали мальчишку, как своего родного, вырастили, никогда не раскрывая его настоящую историю. Он вёл крестьянскую жизнь со всеми её тяготами и заботами, а потом так же и дети его, и внуки. Только от меня Федот и узнал трагическую историю своей родной семьи. Пришёл твой черед исполнить свой долг.

* * *

Я продолжала описывать наши события, стараясь вспоминать точное время, чтобы было похоже на официальный документ. И, понемногу, так увлеклась, что не заметила, как прошло три часа. Спихватилась я только тогда, когда услышала шум подъезжающей машины. Из неё вылезли улыбающиеся Илья с Дениской. По их лицам я поняла, что съездили они не зря. Но, оказалось, что светятся они больше оттого, что Фрида Анатольевна накормила их крошкой, свиной рулькой, ватрушками и с собой ещё дала пакет ватрушек и трёхлитровый бидон с квасом. Очень кстати, так как об обеде я, честно говоря, даже не вспомнила и ничего не приготовила. Они оба, довольные, растянулись прямо на траве. Я налила себе квасу, взяла ватрушку и спросила:

–Узнали что-нибудь полезное?

Илья лениво ответил:

–Да так, немного. Фрида Анатольевна, когда я ей показал заговор, достала из-за икон штук пять таких же бумажек, написанных таким же почерком, только тексты на них разные, и бумажки уже все постарее выглядят. «Это, говорит, от головной боли, это, если корова заболевает, это, если мужик загуляет», ну и так далее. Спрашиваю, откуда они. Она мне – так раньше знахарка жила у нас в деревне, к ней придешь с какой бедой, расскажешь, а она «приходи завтра», а назавтра такую бумажку сунет и скажет, что делать. Всем помогала, без отказа. Я посмотрел её заговоры – стиль вроде один. Дал

ей наш почитать, она его дочитала до конца, и говорит «знаю я эти слова и кому они предназначались». Я ей – деду Помошко, мы этот заговор в его доме нашли, а она: «Нет, говорит, отцу нынешнего лесника Ивана, Василию Юрьину». Вот так поворот. Я говорю: «Не может быть!», а она: «Точно тебе говорю. Давно это было, меня мамка к знахарке привела ногу лечить, а та дала мамке листок свернутый, говорит: «Пусть твой мужик, когда в лес поедет, передаст Василию Юрьеву, беда, говорит, за ним ходит по пятам. Листок у нас неделю дома провалялся, пока батя его взял с собой в лес и передал Василию. Я за это время заговор этот наизусть выучила»

Я засомневалась:

–Так может знахарка не только леснику, но и деду Помошко такой-же заговор написала?

–Я ей тоже так сказал, на что Фрида Анатольевна ответила так: «Видишь на обратной стороне красный цветок? Я его нарисовала, за что от мамки нагоняй получила»

–А по карте что?

–Мы даже побывали в двух первых пунктах.

Дениска перебил:

–Ещё Баба Фрида нам рассказала, что, когда за дедом Помошкой соседка ухаживала, она один раз так напугалась, что потом одна не ходила, а подружку Марию с собой брала. Он тогда уже не мог на печку ползать и лежал на кровати, так вот, как-то вечером, приходит соседка к нему, молоко да хлеб ему принесла. Он еле с кровати поднялся и во двор по-

шёл, а она решила постельное ему поменять, открыла шкаф, чтоб чистое достать, а там, из темноты два глаза горящих на неё смотрят и злоба от них такая, что она похолодела. Она двери захлопнула и из дома в испуге выскочила с криками. А навстречу дед, она чуть не ревёт, а он на неё накинулся: " Дура, не придумывай, померещилось ". Зашли они оба снова в дом, он – к шкафу, открывает его, а там, на полках только тряпки и никого нет.

Илья напомнил Дениске:

–Хватит лежать, иди, лесничему звони.

Дениска набрал с собой ватрушек и направился к броду.

Илья продолжал:

–По карте. «Одина» – это селенье небольшое было в полукилометре от Лепихино, как раз четыре домика, но от них уже ничего не осталось. Мы с Дениской туда сходили, посмотрели, ровное место только. В начале тридцатых годов, приехали в Лепихино беженцы из Новгородской области, со своим скарбом, на нескольких телегах. Четыре семьи с кучей ребятишек. Народ у нас добрый и всегда готов помочь, поэтому приняли как своих, не спрашивали, какая беда согнала с родных мест. Мало ли что там произошло, времена-то не спокойные были. Выделили им деляну, помогли с лесом для стройки, помогли и со строительством. Кто им табуретку принесет, кто бочку, кто молоко да яйца, осенью цыплят дали на развод. Удивились, конечно, что они захотели отстроиться особняком от деревни, ну да мало ли, может ме-

сто понравилось! Название прилепилось – Одина. А как построились, то сразу свадьбу сыграли, так сказать, породнились с коренным населением. Дочку свою их старшой выдал за местного парнишку. Да только со временем, местные поняли, что не очень – то новые односельчане с ними горят желанием общаться. Уж очень неразговорчивыми и неприветливыми были, лишний раз не остановятся, не поговорят, в глаза не взглянут. Вроде народ-то работающий, с утра до вечера, с весны до осени, всё на огородах, но всё одни да одни. Ни на помощь позвать, ни самим помочь. А то, глядь, с утра пораньше, все, как один, в лес идут. И всё молча, без шуток, без смеха. Местные то бабы, если куда собрались толпой, так их за версту слышать. А эти всё молчком да молчком. А вскоре скот у местных начал пропадать. Раньше такого не было отродясь, да и зверьё дикое близко к домам не подходило. Только если зимой повоюют волки, и то, мужики стрельнут в воздух – этого и довольно, чтоб отпугнуть. Находить стали то копыта, то рога, ну и заметили – некоторые срезы ровные, как будто ножом разделанные, а некоторые рваные, такие только зверь мог сделать. Призадумаешься тут. От станции железнодорожной до деревни далеко тогда было, километров двадцать с гаком, пришлые редко забредали к ним. Это сейчас, станция рядом с деревней. Вот и стали думать на приезжих. Ещё случай нехороший произошёл. На Одину местные ребятишки бегали играть с их ребятишками, пока одного из местных собака хозяйская очень

сильно не порвала, еле ногу собрали. Одни лохмотья висели. Отец мальчонки схватил ружьё и побежал на Одину, пса этого пристрелить. Прибегает, а хозяин стоит у ворот и не пропускает его дальше: «Сам, мол, виноват, нечего сюда бегать и собаку дразнить». Отец мальчонки, не из робкого десятка, оттолкнул хозяина, забежал к ним во двор, а там старший сын того стоит, машет пустым ошейником, смеётся так и говорит: "Пошел отсюда, нету больше собаки, отец её убил". А отец мальчишки: "А что я выстрела не слышал?" А тот в ответ: "Так он горло ей перерезал". Вот они какие. Из местных никто не верил, что он собаку прирезал. После этого местных ребятишек больше не стали там привечать. Покусанный мальчишка долго в бреду лежал. Думали, не выживет, а нет, ничего, выжил, хромота только осталась на всю жизнь. После этого, поселенцев и видели только, когда они в магазин ходили. А перед сáмой войной они собрали свой нехитрый скарб и опять двинулись дальше на восток. Местные всё гадали, что, мол, им тут не жилось. Когда война началась, дома их на дрова все пустили. Так что мало там что осталось.

– Интересно. Ну а дочь свою, выданную за местного замуж, они в деревне оставили?

– Да, оставили. Девушка эта – как раз и есть та самая знахарка, которая всю деревню лечила. Она в позапрошлом году умерла, ей уже девяносто восемь лет было. В деревне дочь младшая её осталась жить, Татьяна, под семьдесят ей сейчас, одна живет, все дети и внуки в городе.

– Тебе не кажется, что как-то слишком уж тесно переплелись все истории, всё вроде тут, на поверхности, а кончик нитки от нашего клубка никак нам не даётся, ухватить не можем?

– Чтобы ухватить, надо систематизировать. Получилось записать всё?

– Да. Потом дам почитать, оценишь. А что там дальше по карте? Там ещё три креста.

– Со вторым крестиком проблем тоже нет. Второй крестик, с подписью "час» – это крест, поставленный на месте захоронения священника, которого расстреляли в 1920 году большевики, а потом повесили на звоннице разрушенной церкви. Сельчане ночью тайно сняли его, похоронили на опушке леса, под березкой. На стволе березки отметину сделали – красный крест нарисовали. Деревянный двухметровый крест поставили уже в 1941 году, когда почти всех мужиков призвали на фронт. Вот и молились бабы за всех, кто воевал, молились, чтобы вернулись живыми. А когда стали похоронки приходить, лесник сколотил рядом часовенку небольшую, чтоб иконы было где поставить. Местные, с тех пор, зовут это место «часовенка». Плохо то, что с расстояниями на карте непонятно, ни о каком масштабе речи нет. Так от Лепихино до Одины – полкилометра, а с Одины до часовенки – где-то пара километров, а нарисованы почти одинаковые промежутки. Поэтому до следующего креста с обозначением "камни" не известно сколько километров. Но направление, скажу

я тебе, правильно показано. А про «камни» ни Павел Анатольевич, ни Фрида Анатольевна знать не знают. И ещё, где-то там Вьюшка должна протекать, а на карте она не показана.

—Что, в город поедem, свиток наш волшебный твоему Славику отдавать на расшифровку?

—Да, обязательно. Надо разделиться. Может, я Славику письмо черкну, ты ему свиток отвезешь, а я с картой бы поразбирался?

—Может наоборот? Ты съездишь в город, а я с Дениской по карте поразбираюсь?

—Нет, не пушу вас одних по лесам бродить. Вечером к леснику съездим, а завтра с утра тебя на станцию отвезу.

Дениска вернулся через два часа и сообщил, что лесник нас ждёт:

—Он сказал, что надо ехать по дороге, по которой мы сюда приехали два с половиной километра и там, где будет отвороток на трассу, повернуть вправо по грунтовой дороге в лес, проехать с километр, там он нас встретит.

Мы быстро собрались и поехали.

Глава 3. Лес

Дорога, пересекая всё поле, свернула в лес, превратившись в две колеи, поросшие травой и запетляла вдоль подступившего к ней смешанного леса. Лесник нас ждал на обочине, сел к нам в машину и, показывая нам дальше дорогу, начал рассказывать:

– Сегодня случай с нами произошел интересный. Пошли мы с моими практикантами на обход. Идем по маршруту, рассказываю я им всякие случаи из жизни, дошли до сторожки, где я оставляю на всякий случай провизию там разную, спички. Сели передохнуть и, вдруг, из чащи выбегает заяц, пробежал вокруг поляны, потом к нему присоединился ещё один, потом ещё. В итоге семь зайцев вокруг поляны пробежали раз пять, на нас они не обращали никакого внимания. Потом так же быстро нырнули в кусты и исчезли в лесу. Вот такой вот цирк. А у вас, что за проблема? Опять полено сбегало?

– Сидит наше полено смирно на цепи, – ответил Илья – у нас тут поинтереснее история вышла, поэтому и решили к вам обратиться.

Полкан нас встретил, как своих знакомых, обнюхал, виляя хвостом, потом отошёл к крыльцу и сел, преданно глядя на своего хозяина. У длинного стола, под навесом, сидели

практиканты, двое парней в защитной камуфляжной форме. Подошли к нам, представились. Одного звали Саша, другого – Виктор.

Дом у лесника был построен на совесть – добротный, высокий, под шиферной крышей с большой верандой. У самого крыльца раскинулась большая ветвистая рябина, под которой стояла деревянная скамья. Тут же стояла деревянная собачья будка, тоже основательно построенная и даже покрашенная в синий цвет. Слева от дома, метрах в тридцати, были ещё постройки – огромный сарай, с открытыми настежь воротами, баня, с висевшими на стене березовыми вениками, да ещё один сарай поменьше. К стенке большого сарая приткнулся серый Уазик, или «буханка», как ещё называют такие машины в народе. Возле дома, со стороны веранды, виднелся огород, огороженный со всех сторон деревянным забором с калиткой, закрытой на деревянную щеколду. Лес подступал вплотную к самому огороду.

–Давайте к нашему столу, – пригласил лесник – за чайком и беседа веселее пойдёт.

На столе стоял настоящий самовар, блестящий, как зеркало. Мы расселись, лесник налил нам ароматного чая, заваренного с лесными травками, в чашках на столе стояло несколько сортов варенья, мёд, в плетеной корзинке печенье, пряники.

Илья достал из журнала карту, протянул леснику.

–Иван, мы в заброшенном доме нашли тайник, а там эта

карта. Но, начну всё по порядку. Оля, если что пропущу, добавляй.

И Илья рассказал всё с самого начала – и про рукопись, и про мой сон, и про находки в доме. Я иногда добавляла к его рассказу некоторые детали. Слушали все с заинтересованным вниманием, не перебивая. Когда Илья закончил свой рассказ, он издал такой вздох облегчения, что с меня чуть не сдуло кепку.

Иван покачал головой:

– Ну и дела.

Парни-практиканты, переглянулись и хмыкнули, но комментировать не стали.

– У меня такое чувство, что все события как-то связаны, а как связаны? Вот загадка. А разгадать очень хочется, – Илья повернулся к Ивану – жаль, что мы сразу тебе рукопись не показали.

– Не скрою, очень ваш рассказ меня заинтересовал. – Иван взял карту в руки, внимательно разглядывая её – Камни, значит. У меня есть только один вариант. Провал в лесу есть, километров десять отсюда. Заброшен он уже лет сто. Я, когда на него наткнулся, сухими ветками и стволами его закидал, чтобы ни зверё, ни люди туда не провалились. Можно попробовать его отыскать.

– Что за провал?

– Нам в школе учительница рассказывала, что в 19 веке была здесь шахта, её нашли случайно, провалился в неё один

охотник, а когда его товарищи из неё достали, то он рассказал, что там горизонтальная выработка заброшенная, и корзины брошенные с породой. Вот товарищи и смекнули, что к чему. Вернулись со снаряжением, и, видимо, что-то нашли, так как к купцу местному наведались и продали несколько камушков синеньких. Да потом только этих ребят никто больше не видел. Поговаривали, что не поделили они между собой добычу, перебили друг друга. Я, когда на него первый раз наткнулся, заглянул в него, глубоко, дна не видно. Спуститься в него без снаряжения не получится. Сколько метров вниз не знаю, но говорю, дна я не увидел. Рядом с ним ещё сохранился шалаш, но ни вещей каких, ни следов проживания людей я не видел. Я его разобрал и сделал наст, чтоб закрыть дыру. Через несколько лет я снова оказался около него – кто-то раскидал укрытие. Я тогда настил покрепче сделал, но сначала заглянул в него. Так же всё темно, никаких изменений. Я покричал в лаз, для порядка, – Иван усмехнулся – как и следовало ожидать, никто не откликнулся.

– Снаряжения у нас нет. – Я повернулась к Илье – Может, всё-таки, ты поедешь в город с рукописью и купишь хотя бы веревку?

Ответил Иван:

– Есть у меня всё необходимое, но одних я вас в провал не пущу. Примете меня в свою команду?

– С радостью – Ильа обвёл нас взглядом – вы ведь не возражаете?

Мы не возражали.

Иван продолжал:

–Тогда ты Илья, поезжай в город с рукописью. Может, правда, её смогут расшифровать. А я завтра зайду за Ольгой и Денисом, и мы пойдём к провалу. Можно на Узике, конечно, хоть полдороги проехать, но он завтра моим ребятам нужен будет. Сможете десять километров осилить?– Мы согласно кивнули – Порядок. Снаряжение у меня есть, карты подробные нашей местности тоже. На ноги надеть сапоги.

–У нас нет сапог, а кроссовки подойдут? – Я развела руками.

Илья окинул взглядом наши с Дениской ноги:

–Сейчас вам подберу. И ещё – продовольственный запас на два дня с собой взять.

Я удивилась:

–Мы что, ночевать там будем? В лесу?

–Нет, но когда собираешься в лес, надо учитывать и то, что всякое может случиться. Не пугаю вас, а такой порядок. Лес – не детская площадка.

Мы стали собираться в обратный путь. Иван вынес нам с Ильёй сапоги резиновые, размер конечно великоват, но он нам ещё и носки толстые дал, по паре. Хозяйственный мужик оказался наш лесник – всё у него имелось.

Приехали мы к себе уже часов в десять. Спать совершенно не хотелось. Сначала в дом сходили, рукопись проверили.

–А что, если нам засаду сделать напротив окон, чтобы

выследить визитёра? – Дениска выжидательно посмотрел на меня – Тётя Оля, ведь эту загадку мы сами можем разгадать. Просто посмотрим, интересно ведь.

Посоветовавшись, договорились сделать шалаш из веток, и залечь в нём все вместе для дозора. Сказано-сделано. Шалаш вышел крепкий, мы ещё и перед входом его поставили несколько веток, чтобы нас не видно было. Когда Дениска залез в него, то оказалось, что из него ничего не видно, так как кусты на дороге закрывали весь обзор. Илья вырубил часть кустов и к ночи наш наблюдательный пункт был готов. Только стемнело, мы взяли с собой фонарик, топор и залегли. Сначала лежали молча, но оказалась, что шалаш совершенно не защищает нас от комаров и от всяких мелких букашек, которые просто ринулись в наше убежище в огромном количестве. Я принесла средство от комаров и одеяла. Темнело. Где-то хлопала крыльями птица. Звуков было много, но это были звуки мирной ночной жизни. Из окон нашего дома лился неяркий зеленоватый свет. Рядом засопел Дениска. Похоже, уснул. Ничего не происходило. Лежать было неудобно, твёрдо, я несколько раз вытаскивала из-под себя ветки. Стало совсем темно. Завозился Илья, шепотом спросил:

– Мы же не всю ночь тут будем караулить?

– Подождём часик, если ничего не произойдет, пойдем спать.

Мы замолчали. Прошло ещё полчаса. Я закрыла глаза.

Похоже, даже задремала. Илья толкнул меня рукой. В доме свет от свитка замерцал неровно, как будто перемещаясь из стороны в сторону. Мы напряглись. Скрип-скрип. С моего места мне было видно часть печи на кухне и часть печи со стороны комнаты. Тень. Там была тень! Она какое-то время дрожала на печке в комнате, потом медленно поплыла в кухню, опустилась вниз, потом поднялась по оконному косяку, потом заскользила по кухонной стене. Илья повернулся ко мне:

–Пойдём?

–А если это не человек?

–Да брось, пошли.

Мы тихонько выбрались из шалаша, Дениска остался спать. Илья шёл впереди, я за ним. Как ни старались, совсем тихо идти не получалось, под ногами хрустели какие-то веточки, камушки. Подкрались к дому, прошли сени. Илья осторожно заглянул внутрь дома. Я из-за его плеча тоже потянулась посмотреть. Тень скользила вдоль стены с окнами. Только тень! Не было существа, которое её отбрасывает! Она на мгновение остановилась, мелко задрожала, и скользнула под печь. Илья сделал шаг в дом, я за ним, подошли к месту, где тень исчезла. Сзади что-то упало, мы вздрогнули и обернулись. С лавки упала оставленная Дениской рулетка.

–Что это было?– наконец произнесла я.

–Не знаю. Ты раньше видела, чтобы тень была отдельно от тела, её отбрасывающего?

–Конечно, нет. Но я верю своим глазам. Если это просто тень, как она может передвигать предметы?

–Наверно рукопись её притягивает каким-то образом.

–А может она охраняет рукопись?

Мы уставились друг на друга.

–Похоже на то. – Илья кивнул.

–Пошли спать. По-крайней мере, можем с уверенностью сказать, что для нас она не представляет реальной угрозы и из дома она не выходит. Тем более что завтра ты увезёшь рукопись в город.

Мы разбудили Дениску, он рассердился на нас, что мы не взяли его в дом. Мы разошлись по палаткам. Я ещё долго лежала и думала про все эти тайны, которые в последнюю неделю стали частью моей жизни. Раньше я думала: «Как только люди могут выдумывать разные мистические истории?». И вот я оказалась в одной из них.

Встали рано, сварили свою традиционную кашу. Дежурный Дениска вымыл посуду. Илья, позавтракав, осторожно взял в руки свиток, вложил его в свой журнал дорог России, положил его на заднее сиденье и поехал в город. Дениске строго-настрого наказал, чтобы вечером, в 10 часов, был на скале и ждал звонка от него или сам позвонил.

Около девяти пришел лесник, с пристрастием проверил нашу экипировку и рюкзаки. Я ему показала все наши трофеи. Когда он взял в руки ремешок то предположил, что может это и есть тот самый оберег для младенца, которого

спрятали от опричников. Мы намазали средством от комаров все открытые участки кожи и двинулись в путь. Идти было легко, солнце было ещё утреннее, не палящее. Полкан бежал впереди нас, периодически останавливаясь и прислушиваясь, и от такого дозора было спокойно на душе. Ну и, конечно, ещё то, что лесник шел со своей двустволкой. По пути я ему рассказала про то, что мы увидели в доме этой ночью. Иван хмыкнул:

—Сторож, значит, есть у старой рукописи? Может быть, может быть.

Поле мы прошли быстро, где-то за час, а потом зашли в лес. Лес был светлый от белых стволов березок, которые тихо перешёптывались между собой, качая ветками. По пути нам попадались земляничные поляны и мы ненадолго припадали к крупным, сладким и ароматным ягодам. Щебетали птицы, перелетая с ветки на ветку. По лесу Иван шёл легко, между делом проводя с нами ликбез по выживанию в дикой природе. Рассказывал он интересно, включал всякие истории и прибаутки. Один раз мы остановились, увидев коосулю вдалеке, вернее она нас первая увидела и, высоко подпрыгнув, скрылась в густых кустах, мы успели только увидеть её грациозное тело в прыжке. Мы с Дениской впервые увидели такой громадный муравейник, что, если бы муравьи задумали украсть человека, то запрятать его в нём удалось бы без труда. Прошли метров двести по берегу нашей знакомой Выюшки, которая весело отражала лазурь неба с редкими об-

лачками. До часу дня прошагали без привала. Остановились мы на краю елового леса, высокого и густого и он совсем не походил на радостный и веселый берёзовый лес, который мы только что пересекли. Ели стояли, как часовые, прямые, высокие и, похоже, им было уже лет по сто.

– Вот здесь мы и отобедаем. – Показал Иван на небольшой пригорок.

Мы расположились, расстелив газету, и выложили наши припасы, Иван достал из своего рюкзака большой термос с чаем. Полкан деликатно отошёл от нас подальше и, вздохнув, лёг, положив морду на лапы.

– Дядя Ваня, можно я дам ему колбаски? – спросил Дениска.

– Дать ты можешь, да он не возьмёт.

– А вы ему разрешите, пожалуйста.

Полкан понюхал колбасу и отвернулся. Иван ему бросил «Можно!» И колбаса в мгновение ока исчезла в Полкане.

– Оля, – обратился ко мне Иван – а это точно сон был?

– Наверное, сама я такое вряд ли бы придумала. Самое удивительное, что я его всю жизнь помню, до мельчайших подробностей. Когда я увидела листок с нарисованным лесом, я очень удивилась, так как никому, кроме мамы, я свой сон не рассказывала.

– А родители тебе ничего не рассказывали про булавку, которая у вас дома лежит?

– Ничего. Они, наверное, и сами о ней ничего не знали.

Странно, что за двести лет её вообще не потеряли.

– Действительно, очень странно. Нарисуй мне её – он достал свой блокнотик с карандашом и протянул мне.

Я, как смогла, нарисовала в натуральный размер булавку с наклепленным на неё кусочком серой смолы размером с ноготь мизинца.

– Вот такая. Обычная, только немного больше, чем простые булавки.

– Зато, с какой историей!

Мы зашли в лес. Небо над нашими головами исчезло за макушками деревьев. Лапы елей спускались низко к земле, вокруг был густой мох, который, мягко пружиня, сжимался под каждым нашим шагом. Идти стало труднее, мы держали дистанцию, чтобы не хлестнуть веткой шедшего позади. Как только Иван ориентируется в этом лесу, один бог знает! Стало непонятно, сколько мы прошли и куда мы идём. В лесу был полумрак. Мы шли уже второй час. Идти было трудно, так как полно было валежника. Наконец, Иван остановился и показал на высокий пенёк с тонким ростком посреди среза:

– Мы здесь уже были.

Достал компас, карту. Поизучал, карту убрал, а компас оставил в руках. Мы снова пошли, но через минут десять Иван остановился:

– Да что такое! Стрелка же только что показывала другое направление!

Мы устало попадали прямо на землю. Он тоже присел. Я

спросила:

–Может аномальная зона?

–Может. Провал где-то уже рядом. Значит так, вы отдыхайте, а я вокруг похожу, поищу его.

Я запротестовала:

–Нет, вместе будем искать, тебя это аномальное место уведёт и, поминай, как звали. Нас всех. Дениска вставай, пошли.

Дениска нехотя поднялся, но спорить не стал. Мы, перелезая через поваленные стволы, пошли дальше. Постепенно, мягкий мох под ногами сменила твёрдая почва, ковром покрытая еловыми иголками и мне даже показалось, что пошли мы немного в гору. Я шла последняя. Сзади меня что-то хрустнуло, я оглянулась. Позади меня был густой серый туман. Лежал как снег на голых ветках, земли тоже не было видно. На голых? Я вздрогнула. Резко развернувшись, чтобы крикнуть Ивану с Дениской, я замерла. Со всех сторон меня обступил туман. Потом я громко позвала: «Денис! Иван!». Никакого ответа. Я пошла вперёд. Из-за тумана, пришлось идти на ощупь. Через несколько шагов я наткнулась рукой на дерево, сделала шаг вправо – снова дерево. Деревья были без коры. Я снова закричала, уже от страха. Высоко надо мной раздался звук от натянутой струны и зазвучал, как бесконечная панихида. Вдруг, сзади, на моё плечо легла холодная рука. Я оглянулась и меня забила нервная дрожь – позади меня стояла снегурочка. Я отшатнулась и, запнувшись за корягу, полетела на землю. Надо мной сразу же сомкнулся туман. И

сквозь него ко мне потянулась рука. Я зажмурилась. А звон всё громче звучал и вокруг меня, и в моей голове. Очнулась я от того, что кто-то тряс меня за плечо. Понемногу я стала слышать: «Ольга, Ольга, да очнитесь же!» Звона уже не было.

Когда я открыла глаза, надо мной склонились с испуганными лицами Иван с Дениской.

–Тётя Оля, что случилось, ты сначала пропала, а потом снова появилась! Мы тебя долго растормошить не могли. Напугала нас.

–Оля, ты что-то видела?

–А сколько меня не было? – я попыталась сесть.

– Примерно минут десять. Мы заметили, что тебя нет, кинулись искать, кричали тебе. Потом Полкан стал нюхать это место, где ты сейчас лежишь, мы и поняли, что он что-то неладное почуял. А потом ты появилась. Прямо из воздуха.

–Меня окутал густой серый туман, и я оказалась в том самом лесу, из моего сна, только не на дорожке, а внутри тумана. И рядом стояла снегурочка. Потом я упала, а она ко мне руку тянула.

–Ты с ней говорила?

– Нет, я так испугалась, что закричала, потом упала и закрыла глаза. И опять этот тоскливый звук. Так неожиданно всё произошло.

Иван задумчиво посмотрел вокруг и сказал:

–Не знаю, в заднице какого мира ты побывала, но напугала ты нас здорово. Будем начеку. Идём так – сначала я, по-

том ты, потом Денис. Оля, если что пойдёт не так, сразу же кричи. Поняла?

Мне помогли подняться, Иван взял мой рюкзак и мы пошли дальше. Дорога шла в гору. Лес стал немного светлее, но был таким же угрюмым и тихим. Я шла и думала, что, скорее всего, такие провалы в странный лес будут ещё не раз. Ведь не просто так меня выхватило среди бела дня, а что-то хотели мне сообщить, или предупредить, а может посоветовать. А я, как дура, испугалась, закричала. Всё, больше никакого трусливого поведения и я буду к этому готова. Придав себе решительный вид, я вернула себе обратно свой рюкзак и зашагала вперед. Иван только присвистнул:

– Вот это я понимаю – самодисциплина!

Полкан крутился возле меня, Дениска тоже не отставал. Мои защитники. Через какое-то время перед нами оказался небольшой овраг, внизу которого бежал ручеек. Иван остановился и махнул рукой влево:

– Вроде дошли, возьмём немного влево, уже, похоже, близко.

И как только это он понял? Лес, он везде лес, одинаковые деревья, похожие друг на друга, бесчисленные пригорки и овражки. Не понимаю!

Я заметила какую-то неправильность пейзажа – сосны и ели были какие-то поломанные, однобокие. Кое-где поднимались из земли большие валуны, на некоторых был мох. Но самое главное – птиц не слышно.

Я обратила на это внимание Ивана, он ответил:

–В лесу много таких мест, не знаю почему, но живность не любит здесь селиться. Может, чувствует что, для меня это всегда остаётся загадкой. А может прав был мой отец, который рассказывал, что в начале шестидесятых, леса обрабатывали с самолётов препаратом ДДТ – против энцефалитного клеща. Клеща и вправду стало меньше, но ненадолго. А вот птицы исчезли надолго. И дело не в яде. В малых дозах ДДТ не опасен для млекопитающих и птиц. Но это очень стойкое химическое вещество, которое не разрушается и не теряет своих свойств годами. Птицы, наклевавшиеся отравленных насекомых, накопили в себе такие концентрации ДДТ, что это нарушило формирование скорлупы у их яиц. Она стала такой тонкой, что ломалась при насиживании, и зародыши погибали, не успев вылупиться. Год за годом птицы оставались без потомства – и их становилось все меньше и меньше. Обычно, птицы предпочитают селиться в тех же местах, где жили их родители. И очень нескоро опустевший лес заселится потомками тех птиц, которые жили в других лесах, не подвергшихся обработке. А именно сюда птицы больше не вернулись.

–Как всегда! Человек хочет, как лучше, а получается хуже некуда. – Вздохнула я.

–Мы учимся, но очень уж дорогая цена наших ошибок.

Мы уже целый час крутились на одном пяточке, прошаривая осторожно палками, которые нам срубил Иван, под каж-

дым кустом, каждую кочку. Потом перешли на следующую возвышенность, где, после долгих усилий, всё-таки нашли провал. Выглядел он как очередной пригорок, рядом с которым красовался огромный валун в форме сгорбленного медведя. Дыра в земле была закидана мелкими стволами, ветками, а сверху над ними уже колосились травы и кустарники. Мы расчистили спуск в провал, размер у него был не маленький – примерно метр на полтора. Иван осторожно проверил края, включил свой мощный фонарик и мы легли вокруг провала, свесив головы вниз и пытаясь разглядеть хоть что-то. Пахло сыростью. Стенки уходили вниз и в бок, поэтому дна провала не было видно. Провал внизу был немного уже, чем наверху. Видно было метров семь-восемь. Поверхность стенок была шероховатая с множеством острых сколов.

–Надо спускаться, пока солнце не село и светло – Иван поднялся, пошёл к рюкзаку.

–Ты что один собрался? Нет, я с тобой спущусь, а наверху для подстраховки Дениску оставим.

–Я тоже с вами хочу! – решительно возразил Дениска.

–Да, давайте все спустимся и ещё веревку плохо привяжем, и рюкзаки с собой возьмём, чтобы наверняка нас никто не нашёл! – Иван достал веревку, привязал её к своему ремню – Веревка тридцать метров, я закреплю её на этой сосне. Ваша задача – молча слушать и, если надо будет, помогать тянуть верёвку, чтобы я быстрее выбрался. Я буду её перио-

дически дёргать. Если два раза – значит всё нормально, ждите дальше, а если три раза – тяните её вверх. Если что найду и вверх вам передам – снимите, веревку снова опустите. Ну и если никакого движения – тоже тяните вверх. Ну, и сами ориентируетесь тогда на месте. Понятно? Я что смогу, то сфотографирую. – Иван посмотрел на часы – Без пятнадцати три, всё, поехали.

Крыть нам было нечем, у Ивана всё-таки опыт в таких делах, а мы с Дениской городские жители. Иван прикрепил к поясу фляжку, походную небольшую сумку, фонарик свой он прикрепил на кепку, защитный респиратор повесил на шею и стал спускаться вниз. Мы с замиранием сердца стали за ним следить. Полкан, поскуливая, лёг на край провала и с тоской глядел вслед хозяину. Опустившись метров на пять, Иван поднял голову к нам и сказал: «странный запах, похоже, какой-то токсин». Надел маску и стал спускаться дальше. Потом его не стало видно, только свет от фонарика качался. Потом не стало видно и света. Дениска взял в руки веревку:

–Так я лучше буду чувствовать, когда он будет её дёргать. Вроде, он перестал уже спускаться, веревка уже не так туго натянута.

Как Иван и обещал, он периодически дёргал веревку. Мы с Дениской сняли сапоги, куртки. У меня тоже был фонарик, поэтому я внимательно стала рассматривать стены провала, отковырнула какой-то камешек, но не удержала его и он скатился вниз. Прошло минут сорок, пока верёвка дёр-

нулась три раза и мы потащили её наверх. К ней была привязана корзина, в которой лежал заплесневелый и почти истлевший мешок, из дырок в нём виднелись острые камни. Пахло от него землёй и ещё чем-то сырым и неприятным. Мы отвязали корзину и сбросили верёвку обратно. Мешок, когда мы его переставляли подальше от провала, рассыпался и оттуда вывалился десяток камней с игольчатыми символами, близнецов камней, найденных в тайнике. И ещё толстый грязный предмет, похожий на походный командирский планшет, набитый какими-то бумагами. Верёвка дёрнулась еще три раза. Мы начали её тянуть, вернее попытались её тянуть, но, так как по ней поднимался Иван, то наших с Дениской сил не хватало, чтобы вытянуть его самим. Иван вылез из провала грязный, с чёрными угольными следами на всей одежде, на руках, на лице и даже на кепке. Он сразу сбросил куртку, я полила ему на руки воды, он умылся, попил и растянулся на траве. Полкан тщательно его обнюхал. Я попыталась отчистить его куртку. Он махнул рукой:

–Ольга, не старайся, я специально старую надел – Он сел – Итак, лаз ведет в природную пещеру, небольшую, метров двадцать площадью, почти круглую. От неё тянутся в две противоположные стороны уже выработанные коридоры. Длинный коридор оканчивается такой же природной пещерой, как и первая, только вытянутой. Я прошёл сначала по правому коридору, короткому, потом по длинному. Оля дай мне куртку, – я подала ему куртку, и он достал из неё

блокнот – вот, я схематично начертил расположение пещер и коридоров, один коридор метров двадцать, другой меньше, всего метров пять.

Он протянул мне листок, на котором была нарисована круглая пещера и уходящие друг от друга лучики-коридоры, один длинный, заканчивающийся овалом, а другой короткий. Иван продолжил:

– Видимо те, кто здесь работал, пытались и в другие стороны копать. Со всех сторон пещеры сколы и ниши глубиной до полметра, но дальше дело не пошло. Я думаю, что его забросили ещё и потому, что не было смысла копаться в пустой породе. А в коротком коридоре ещё, и потолок обвалился в конце – в штреках одной искры достаточно, чтоб обрушился верх, а раньше только открытым огнём освещали разработки. И что меня ещё насторожило, когда я спускался – запах, не могу сказать какой. В первой пещере раскиданы несколько корзин сломанных и истлевших. И ещё ... Там два скелета.

Мы, как пораженные, смотрели на Ивана. Он взял из куртки телефон:

– Драка была не шуточная.

Мы посмотрели фотографии. Два скелета были рядом – один сидел, прислонившись к стене пещеры, другой лежал напротив лицом вниз (или тем, что было когда-то лицом), вытянув к своему противнику, или товарищу, одну руку. Иван достал из голенища нож, который был завернут в чёр-

ную тряпку и протянул нам. Я не захотела его брать, взял Дениска и стал его рассматривать. Ручка у ножа деревянная, грубо вытесанная, лезвие сантиметров двадцать пять, ржавое и всё в пятнах.

– Это что касается обстановки, чтобы вы имели представление. Бумаги в сумке рассмотрим, когда домой вернёмся. А насчёт нашего дела. Когда я пошёл по длинному коридору, то услышал шёпот, который эхом разнёсся по всем коридорам.

Мы с Дениской напряглись. Я спросила:

– Чей?

– Женский. Мне показалось, что женский. Я даже, сначала, подумал, что ты мне кричишь, выскочил обратно к лазу, а там – тишина. Вернулся в пещеру, а там опять слышно шёпот. Что шепчет – не понятно, то ли жалуется, то ли молится. – Он усмехнулся – Мурашки – то по мне сначала побегали, да думаю, шёпот никого ещё не убил. Может токсичный запах как-то на голову действует, чудится всякое. Пошёл снова в длинный коридор, он немного вправо идёт, не по прямой, а по большому кругу. Вышел ко второй пещере, а там вот это – он снова протянул мне свой телефон – листай.

Мы с Дениской начали просматривать фотографии – на каменной стене высечены опять эти же символы в виде рассыпавшихся иголок.

– Но это не самое главное. Они изменяют очертания. Это фотография одной и той же стены, только в разные промежутки времени.

Я внимательно взгляделась. Да, символы были разные!

–Как это возможно? Они же на камне высечены!

–Да, на камне. Представляешь, идеально ровная стена из серого камня, на ней выбиты символы, кажется, уж куда надёжнее, а потом, бац! И на этой же стене, на всей, появляются другие символы. Сам не понимаю. Самое удивительное в том, что глаз не ухватывает момент, когда один символ сменяет другой, я это понял, когда увидел вот это. – Он показал мне на вторую фотографию – Смотри, во второй строчке в начале с десяток вертикальных единичных палок. А потом – он пролистнул на следующий снимок – эта же вторая строчка, но уже после двух вертикальных палок идут под разными углами несколько сдвоенных палок. Трудно в такое поверить, даже когда видишь всё своими собственными глазами. Это было бы сразу понятно, если бы было написано на знакомом языке. А эти знаки все, как на одно лицо. Ёлки-иголки. Может, там просто пара текстов меняется, может каждый раз новый, разбираться надо. Я сделал десять фотографий. Потом посмотрим. На полу валялось несколько сколотых камней, я их нагрузил в мешок, который нашел рядом со стеной, и поднял вверх. Но на сколотых камнях символы остаются статичными. И ещё вот. – Он достал из нагрудного кармана маленькую палочку, заострённую с одного конца и со следами тёмного вещества на конце.

–Похоже, символы переписывали на бумагу, может даже наша рукопись отсюда.

–А сколько там символов? – спросил Дениска.

–Да я их и не считал, атмосфера там не располагает на-долго задерживаться.

Мы снова и снова рассматривали фотографии. Поверить в это было очень сложно. Строки везде были ровными и высота символов была одинаковая. То, что тексты начали повторяться, первым заметил Дениска. Восьмая фотография была копией первой, девятая – копия второй, десятая – копия третьей. Это по первой строчке мы поняли. Но надо, конечно, их внимательно изучать, а нам уже было некогда, пора было собираться в обратный путь, чтобы вернуться засветло. Мы быстро доели все наши припасы, собрали пожитки. Стали закидывать лаз. Мы аккуратно разложил те палки, которыми раньше он был закрыт, потом стали закидывать сверху ветками, как вдруг зарычал Полкан и кинулся к провалу. Из завала поднялась по веткам неясная тень. В тот же миг, невидимое солнце окрасило огромный валун, стоявший рядом, в кроваво-красный цвет. Под ветками мелькнули пятна клубившейся темноты, потом всё исчезло. Не двигаясь, мы простояли с минуту.

Первым очнулся Иван:

–Ну вот. Я в вашем клубе.

–Добро пожаловать! – Невесело ответила я – Всё лучше и лучше. Мне кажется, что камни надо вернуть.

–Да, ты права. – Подумав, согласился Иван – Вряд ли нам они нужны, а сторож, похоже, очень волнуется за них. Может

нам и не надо знать, что на них нацарапано.

Я согласилась, и мы, разобрав с одной стороны нашу конструкцию, скинули камни обратно в провал. Они с грохотом покатались в тёмную пустоту.

—Иван, а может тень, которую мы видели в доме, не рукописью интересуется, а камни хочет вернуть? На место, то есть сюда?

—Вполне такое возможно. Нам надо вернуть все камни сюда. И не просто скинуть, а отнести во вторую пещеру.

Обратно дорога заняла меньше времени, чем мы потратили на путь до провала. Даже Полкан не бегал вокруг нас, а неторопливо шёл в двух шагах от хозяина. Иван показал на содранную кору на одном из деревьев:

—Рысь со своим выводком здесь охотится. Давно уже это её вотчина. Зимой часто вижу следы, иногда близко подходит к охотничьей сторожке. Она в поисках пищи проходит до 30 км в день. Выходит на охоту затемно, молча подкарауливает добычу, и делает прыжок до четырёх метров. Один раз, зимой прыгнула на меня, я в последний момент почувал и отпрыгнул. Она промазала и в несколько прыжков скрылась. Если бы на моём месте был бы заяц, то она бы за ним погналась. Человек для неё крупноватая добыча. Хотя отец мне рассказывал, что на его памяти один раз рысь задрала охотника в лесу. Долго она не гонится, не больше ста метров, выдыхается быстро. Красивое животное. В этом году у неё котята появились в конце апреля. Если, обычно, ей одного

зайца в сутки хватает, то сейчас, чтобы троих котят прокормить, а им уже месяца по два, надо ей хорошо побегать, чтобы всех подкармливать свежей добычей. Волков у нас здесь нет, так что, дай бог, поднимет всех своих малышей.

Так, за разговорами, мы и дошли до Выселок. Было ещё светло. Иван отказался с нами поужинать, заторопился домой, но оставил нам Полкана:

– Умный пёс, охранять вас будет добросовестно. Завтра с самого утра приду к вам. Отдыхайте.

Он ушёл, а Полкан ещё долго жалобно смотрел вслед своему хозяину, потом лёг у ног Дениски. Перед ужином мы сбегали к речке искупались. Всё время, пока мы плескались в реке, Полкан ходил по краю воды, с тревожным видом глядя на нас, и время от времени склонялся к воде полакаться.

Необходимость в дежурстве отпала. Я села за свои записи. Дениска пошёл к скале звонить. Полкан остановился в нерешительности, сначала оглянулся на меня, внимательно посмотрел, потом снова сделал несколько шагов за Дениской. И видя, как он мучается от необходимости сделать выбор, я тихонько махнула ему рукой: «Полкан, иди за Дениской». Пёс рванул вслед за Дениской. Какой же он умный! Сразу захотелось завести собаку. Записав все события ночи и дня, решила посмотреть бумаги в планшете, которые нашёл Иван в провале. Осторожно достала их, страницы были очень ветхие и пахли плесенью. На первых восьми листах были нарисованы символы, видимо, срисованные со стены в провале, в

нескольких местах перечёркнутые. Одна страница была вся перечёркнута. А на следующем листке, неровными печатными буквами, был написан текст (сохраняю стилистику письма):

Чтобе зло забыло твоё лицо
камни наперёд обратно задрузь заростет всё
с другой стороны выйдеш хозяин встретит
вещь каку попроси у него
инно блазить будет не выйдеш из лесу ево

Следующий лист отличался от других, бумага была лучшего качества, потоньше. Наверху крупными буквами были перечислены слова: «Торна, неслыш, шишига, баган, вазила». Все слова зачёркнуты.

А ниже снова текст, написан неровным угловатым почерком:

«Когда бабка Лукерья помирала долго мучилась
Мамка моя около неё сидела она ей говорит
Отнеси камни обратно он не даст покоя пока
Обратно не получит потом заревела

Пустовалова-то он убил
ночью его на телегу и в лесу закопал зверь
Молись я молилась чтоб господь простил
Мамка не поверила говорит бабка в бреду была

А камни отнеси их дома держать не надо»

Я аккуратно всё переписала себе в блокнот. И пошла к Дениске, чтобы поискать в интернете имена незнакомые. Я,

почему-то, решила, что это имена. Перешла речку, пошла по другому берегу. А там, по полю, Дениска бегают с Полканом, играют. Вот же поросёнок, отец там, наверно, с ума сходит, а он и не думает звонить. Я их окликнула, и мы вместе залезли на гору. Сначала Дениска поговорил с мамой, потом с папой. Потом мы стали искать в интернете имена. Оказалось, что например, «вазила» – это дух-покровитель лошадей, а «баган» – дух-покровитель рогатого скота. Не нашли «неслыш» и «торна». А «Шишига» оказалась какой-то мелкой нечистью.

На обратной дороге Дениска говорит:

–Папа сказал, что завтра они приедут.

–Они?

–Ну да.

–С кем он приедет?

–Не знаю, какой-то он нервный, завтра сами увидим.

–Ты хочешь домой?

–Нет, классно здесь, мне нравится. Я бы на всё лето осталась. Настоящие приключения, у меня никогда раньше таких не было.

Мы ещё раз искупались, Полкан зашёл в воду уже по пузо и радостно лаял. Хорошо летом, комаров только очень много и букашки в кашу падают. Мы не стали подбрасывать в костёр дров, наш сторож не боится остаться в темноте. Дениска пошёл побродить по деревне с Полканом. Я развернула наши артефакты. Ещё раз разглядела камни. Да, их нужно

отнести на место.

Спать мы легли поздно. Надо же, как расслабляет людей чувство защищённости! Мы даже ещё раз сходили в дом. На удивление, Полкан не высказывал беспокойства ни в доме, ни в холодной кладовой, куда спустился с ним Дениска. Мы вернулись к палаткам. На улице было душно, как перед дождём.

–Знаешь. Тётя Оля, я решил, как вырасту, заведу себе такую же собаку – Он ласково погладил Полкана, который сидел возле него.

–А почему когда вырастешь, а не сейчас?

–Мама не хочет. Говорит, что шерсть будет кругом и хлопот много с собакой.

–Я тоже подумываю взять щенка, так что приедем из деревни в город и ходим вместе на птичий рынок и выберем щенка. Ты будешь приезжать ко мне, гулять с ним, он к тебе привыкнет и будет тебя любить. И будет нашей общей собакой. Согласен?

Дениска радостно закивал. Я залезла в палатку, оставив их с Полканом у догорающего костра. Растянулась на одеялах и подумала, что последние две ночи я так толком и не спала, закрыла глаза и провалилась в долгожданный мирный сон. Среди ночи пошёл дождь, и я слышала, сквозь сон, как капли весело стучали по палатке, напоминая мне какую-то знакомую мелодию.

Сон. Окончание.

-А кто ты?

-Имя моё тебе ни о чём не скажет. Про жизнь нашу тебе знать не нужно, глазами главного не увидишь, а истину мы чужим не открываем. И показываем мы вам не истинный вид нижнего мира, а обманку, морок.

В этот же миг, сильный смерч закрутился от костра, и синим светом смазал все очертания пещеры. Как будто краски по стеклу, потекли стены, камни, человек, сидящий передо мной. Всё закрутилось в бешеном вихре. И я очутилась посреди огромного мрачного зала, со стоящими вдоль стен шкапами с книгами. Шкафы уходили на десяток метров ввысь, под круглый застеклённый свод, с которого лился нежный зеленоватый свет. Передо мной стоял высокое существо с туловищем человека и головой медведя. Одет он был в чёрную длинную мантию.

-Не оценить вам величие всего того, чем мы владеем. И зовём мы сюда не каждого, а только избранных. Горе тому, кто со злым умыслом гостем незваным заглянет к нам. Сколько бы он не прятался, какие бы закупы не предложил – не укрыться ему от страшной участи. Но ты – званная.

Он пошёл вдоль шкафом с книгами, приглашающе махнув мне рукой:

-Сдвинулся с места затворяющий камень, сотряс льдо. Люди не могли это сделать, но они могли вызвать того, кто смог сделать такое. Прорехи ещё нет, печать не сорвана, но

уже показались возле закрова ростки злых намерений. Ты исправил то, что ещё не случилось.

— А как можно исправить то, что ещё не случилось?

— Можно исправить всё, даже то, что ещё не случилось.

Это у вас, наверху, время течёт в одном направлении, а у нас здесь всегда безвременье. Всё, что уже свершено, что сейчас свершается и чему суждено свершиться — всё сплелось в одну ткань бытия. Дам тебе ключ, закроешь закров с вашей стороны. И принесёшь ко мне сизгил, вещь, которая держит на земле нашего брата.

Он протянул мне руку, повернул ладонь кверху, и на ней возникла свиток, перевязанный тонкой лентой.

— Ты не сможешь уйти с ним отсюда, но ты можешь положить его там, где возьмешь, когда придёт время.

Я взяла свиток, и, перед моими глазами, как кадры кино, сменяя друг друга, начали мелькать города, дороги, дворцы, дома, корабли, крыши, подвалы, мосты, деревья, деревни, залы, коморки. В сплошном калейдоскопе образов мой взгляд выхватил деревянный дом, я сразу же очутилась в нём, подошла к полке и положила свиток на неё.

Я услышала голос:

— Я не ошибся в тебе. Ты узнала это место. Будь крепка!

И я проснулась.

* * *

Полкан учуял Уазик, когда его ещё не было видно, а толь-

ко едва слышался звук мотора. Радостно к нему кинулся, не разбирая дороги и перепрыгивая через заросли кустарников. Иван, спрыгнул из кабины, наклонился к нему и погладил по голове.

Все вместе мы сели вокруг неторопливо разгоравшегося костра с поставленным на кирпичи закопчённым чайником. Я показала ему листки из найденного им планшета:

– Камни надо не просто отнести к стене, но и как то их там закрепить.

Иван согласился:

– Ты права. Как именно закрепить, не представляю, ну не клеем же, и потом там написано, что зарастёт всё. Может и зарастёт, мы ведь не пробовали. А ещё к Татьяне надо съездить, дочери нашей знахарки. Поговорить с ней, она человек отзывчивый и добрый. Может мать ей и рассказала поболее, чем другим, посоветует чего.

– Давай дождёмся Илью, он сегодня придет. Вчера Дениске вечером сказал, что не один придет.

– Хорошо. Оля, скажи, а как ты поняла, что свиток этот находится в Выселках?

– Так накануне вот что произошло. Заходит вечером ко мне в аптеку старушка, беленькая такая вся, шляпка с алым цветочком, юбка длинная и такого яркого красного цвета, словно костёр полыхает. Ходит вокруг витрин, бормочет что-то. Дождалась, когда в аптеке не осталось никого, подходит к окошечку с кассой, достаёт из сумочки своей коше-

лѣк, из него бумажку свѣрнутую и мне протягивает. Я беру, разворачиваю и читаю "Деревня Выселки". Я, думая, что бабуля перепутала рецепт с какой-то своей памяткой, обратно протянула ей и говорю: «Бабуля, это не рецепт. У вас другой должен быть». Она сразу заойкала, в сумке начала возиться, потом и говорит: «Дома, наверное, оставила! Потом придёшь». Повернулась и пошла. А я ей вслед: «А эту-то бумажку возьмите, она же ваша, вдруг что важное». Она ко мне поворачивается и серьёзно так говорит: «Да, это очень важно. Очень. Очень важно для тебя». И вышла из аптеки. Я так и осталась стоять с протянутой рукой. После работы прихожу домой, а сама только и думаю об этом. Включила компьютер, набираю «деревня Выселки» – и сразу быстрый ответ: «Выселки – деревня в таком-то городском округе такой-то области России. Расположена там-то и там-то, на правом берегу реки Выюшка. В окрестностях деревни расположен ботанический природный памятник – Чернышовский бор». И карта. И даже несколько фотографий. Старых, чёрно-белых. И фотография этого самого дома. Не знаю почему, но я сразу поняла, что это именно тот дом, который мне нужен. Той же ночью аптеку затопило. На случайность это не похоже. И главное, столько совпадений – во-первых, бабушкина записка с наименованием деревни, во-вторых, сразу отпуск дали из-за потопов в аптеке, в-третьих, Илья и Дениской сразу же собрались, и мне их не пришлось долго уговаривать. Вот такие вот дела.

–Похоже, у всех совпадения. Ко мне вон тоже на участок направили парней, ребята толковые, с пониманием отнеслись к проблеме. Я утром вчера им задание дал, чтобы начали высаживать саженцы сосны, вечером пришёл, они девять ящиков рассадили. Молодцы ребята. Сегодня встал, на карте им путь показал, сказал, на что особо обратить внимание, какие замеры сделать, какие записи в журнале, так они вперёд меня уже в лес выдвинулись. И напоследок ещё сказали, что если какая помощь в нашем деле нужна будет, чтоб не стеснялись, обращались, помогут.

–А ничего, что тебя с ними нет?– спросила я.

–Я в отпуске лет пятнадцать не был, и выходных почти нет, так что, я думаю, заслужил пару дней с вами поездить. Вроде отпуска. Да и мне самому интересно. Дело-то совсем не обычное. – Потом спросил – Во сколько Илья приедет?

–Я, думаю, не раньше двенадцати.

–Предлагаю зря времени не терять и съездить к Татьяне, дочери знахарки. Поговорим с ней. Может, какую новую информацию узнаем.

Мы попили чайку, собрали свои артефакты, я взяла свой блокнот, чтобы записать, если возникнет необходимость. Полкан запрыгнул в машину и сел у задней двери, видимо это было его место. Дениска сел впереди, я на заднее сиденье и мы поехали. Дождик ночью, похоже, прошёл основательный. Дорогу так развезло, что мы порадовались, что едем на русском вездеходе, хотя, в одном месте он так надрывно ры-

чал, что я было подумала, что придётся толкать. Но молодец, выехал. Заехали в деревню. Иван остановился возле магазина, купил конфет в гостинец и мы поехали дальше. Татьянин дом стоял на последней улице. Домишко был старенький, покосившийся, забор тоже пережил своё лучшее время, завалился в сторону огорода и его, похоже, держали только подпорки из толстых жердей. Ворота были не заперты, мы, для порядка, постучали железным кольцом, прибитым к калитке, и зашли внутрь ограды. Во дворе ходили куры и коричневый гордый петух, которые сразу же, увидев нас, встрепенулись и разбежались в разные стороны. Из-под крыльца вылез огромный рыжий кот, начал потягаться, потом сел на крыльцо и уставился на нас своими жёлтыми глазами. Иван крикнул:

–Тётя Таня! Ты дома?

Никто не ответил. Иван прошёл мимо крыльца и дровенника к невысокому заборчику. Заглянув через него, повернулся к нам и сказал:

–Здесь она, в огороде копается – и крикнул – Тётя Таня, встречай гостей!

Через некоторое время за заборчиком показалась голова в светлом платочке, скрипнула дверка и к нам вышла сама хозяйка. Тётя Таня была невысокой худой старушкой с небесно-голубыми глазами, руки которой и фартук были испачканы все в земле. Она посмотрела на Ивана, потом на нас, улыбнулась, сказала тихим, певучим голосом:

–Хорошо, что гости. Гостям я всегда рада. Сейчас вымою руки и в дом пойдём.

Она подошла к бочке, наполненной водой, сполоснула руки и лицо, сняла фартук и пригласила нас в дом. В доме у неё было чисто и светло. На полу лежали половики, на всех полочках, сундуках, комоде и стульях лежали вязаные круглые салфетки. Большой стол был застелен тяжёлой скатертью с вышитыми по краю петухами, на окнах были занавески с васильковым орнаментом, проём в кухню был завешан шторами с вышитыми на них птицами немыслимой красоты. Кровать украшали три подушки гигантских размеров, взбитые и положенные друг на друга, заброшенные огромной узорчатой накидушкой. Всё просто светилось от накрахмаленной белизны, пахло свежестью и сладкими травами. Я не смогла сдержать восхищённый возглас:

–Как у вас красиво!

–Так чем ещё заниматься старухе зимой в деревне – засмеялась тётя Таня – вот и вяжу, да и от мамки много чего осталось. Она у меня была рукодельница и меня научила. Последние годы только она не вязала – зрение подвело, ничего уже не видела, да и руки уже не те были. Очень она из-за этого расстраивалась!

Она пригласила нас к столу, сама пошла на свою кухню, включила чайник, достала с полки красивые чайные кружки с блюдцами, поставила посреди стола блюдо с пирожками, чашки с вареньем. Пока она накрывала на стол, рассказывала

про свою мать:

—А больше всего она расстраивалась, что не могла больше помогать никому, сокрушалась: «Если нет зубов, лечить уже нельзя, не поможет». А потом она уж не стала никого узнавать. Бывало, сижу с ней рядом, а она встрепетается и меня спрашивает: «Таня, а что Андрея так долго нет, он всё ещё в поле?». Это она мужа своего, отца моего, вспоминала. Он с войны без одной ноги пришёл, недолго пожил — в пятьдесят третьем его уже не стало. А она его перед своей смертью всё чаще и чаще вспоминала. Однажды мне и говорит: «Сегодня Андрей приходил, говорил, что завтра поедем в новый дом, чтобы я собиралась». Я на следующий день батюшку из соседнего села к ней привезла, она вот на этой кровати лежала, а я в кухне сидела и не слышала, что она ему говорила, да только очень горько плакала. А через два дня её не стало. Любили её в деревне, горевали по ней очень.

—Тётя Таня — спросила я — а с вашими родственниками, которые на Одине жили, вы поддерживаете связь?

—Сейчас иногда перезваниваемся. А раньше, когда не было телефонов, мамка им писала письма, и они ей тоже писали. Меня ещё на свете не было, когда они уехали в Абрамово, это в Тобольском районе. Поэтому бабку с дедом своих я ни разу не видела. Мамка, как придёт письмо от них, уйдёт в кухню, сядет там возле печи, читает и плачет. Некоторые письма в печку бросала. Два старших брата её на войне погибли, один в сорок первом, под Москвой, а другой в сорок

четвёртом, в Польше. Младшего брата убили в сорок девятом в Абрамово, затеял драку с приезжими, они его и закололи. Сестра ещё одна у неё была, так повесилась, на сеновале, никто не знает, что произошло. Вот такая несчастливая судьба у семьи. Мамка, вообще, часто мне рассказывала про свою родню. Кержаки они были.

–Кержаки? А кто это?

–Старообрядцы. Предки их ещё в восемнадцатом веке, после разгрома Керженских скитов, бежали сначала в Пермскую губернию, потом всё дальше и дальше на восток уходили. Преследовали их всегда – то местные власти, то церковники. Видишь ли, кержаки всегда свою веру хранили, в православную церковь не ходили, только на свои иконы молились, чужим никому не показывали их и мало с кем чужим общались. И верили всегда в различных нечистых духов: домовых, водяных, леших. Семьи у них были большие. Проживали в одной семье сразу по три поколения и порядки у них были строгие. Главой всегда был старший мужчина – большак, помогала ему хозяйка – большуха. Молодые невестки без разрешения большухи никогда ничего не делали и продолжали своё послушание, пока не родится первый ребенок. Потом только можно было отделиться. Когда бабка с дедом приехали сюда, с ними было ещё три семьи: два родных брата деда и двоюродный. Самый старший брат, мой дед, он и был большаком. У деда было пятеро детей. У среднего его брата с его женой двое детей, у младшего – один ре-

бёнок был, он только год назад женился. И двоюродный брат Николай с дочерью. Семью его убили ещё на прежнем месте, где они жили. Он на работе был, а жена его с сынишкой и дочкой дома были, жена его только-только родила дочку и та в колыбельке спала. Завалился пьяный солдат к ним в дом, что там было, не знаю. Но когда Николай домой вернулся, жена и сынишка трёхлетний зарезанные лежали. Вот только дочка и осталась. Мамка говорила, что он нашёл того солдата, кто это сделал и отрезал ему руки. После этого они спешно ночью и уехали все. Боялись мести властей.

—А сейчас где они?

—Так и живут в Абрамово. Надоело им мыкаться, вот и остались там, прижились.

—А почему они отсюда уехали?

—Так пришло письмо из райкома, что надо в коммунисты да в колхоз вступать, и, когда представитель приехал к ним, увидел иконы кругом, тут и началось. Угрожали, что мужиков в лагеря отправят, а детей в приюты. Да и с местными тоже ладу не было. Люди здесь открытые, живут в деревне, словно одна семья. Поэтому и не поняли их, решили, что сторонятся их, каждому ведь не объяснишь, что воспитаны они в такой вере. У них даже в одной семье у всякого была своя чашка и ложка. Вот откуда и непонимание. Люди ведь часто, когда что не понимают, начинают это ненавидеть. Да ещё в это же время, начал скот у людей в Лепихино пропадать, вот и подумали они на них. А они никогда на чужое не

зарились, не грешны были.

–А как они решились маму вашу здесь оставить, вера ведь у её мужа другая?

–Когда всем миром дом моему деду строили, помогал им среди прочих Андрей Пустовалов, он в ту пору уже из армии пришёл, отслужил. Вот и полюбил мою мамку. И он ей понравился, хоть и родители её против были. Но у неё характер был упрямый и отец сдался. После свадьбы они начали жить у родителей моего отца, в одном с ними доме. Потом бабка Пустовалова умерла, они в её дом переехали, в котором я теперь и живу. В Выселках ещё одни Пустоваловы жили, брат моего отца с семьёй.

–Пустовалов? Про какого Пустовалова здесь написано – про вашего деда или про Пустовалова из Выселок? – Я достала письмо, которое было в планшете, и отдала его тётке Тане – Вот что мы нашли вчера.

Она прочитала и говорит:

–Да, мне бабушка Ульяна моя, мать моего отца, рассказывала, что мужа её Пустовалова Спиридона, убили, когда он возвращался из города, он тогда работал бригадиром трактористов, а сын его, Андрей, мой отец, в это время в армии служил. До войны это ещё было, в 37 году. Тело его долго не могли найти. А нашли случайно, осенью за грибами бабы пошли, смотрят, а из-под веток и травы торчит сапог, они приподняли ветки, а там труп. Они с криком побежали в деревню. Опустили его только по документам, в кармашке все за-

литые кровью лежали. Следствие было, да так никого и не нашли, кто такое сотворил. Но бабушка Ульяна догадывалась, кто убил её мужа, только доказать ничего не могла. Народ у нас в деревне знает больше, чем говорит. Поэтому и слухов было много. В то время в деревне вдова одна жила, Шилова, так вот, пригрела она у себя в доме одного пришлого мужика, Сёмкой его звали, пьяница и лентяй, работать не любил, всё по лесам шнырял, да охотой промышлял. Поговаривали, что он со своим дружкой, тоже пришлым одним, нашли какой-то схрон, камушки драгоценные там были. Один раз за ними увязался Лёшка Петров, хотел посмотреть, где место это, так они его заметили и так отхамаздали, что он из леса только через сутки домой еле живой приполз. Лёшка тогда только школу закончил и работал в бригаде Спиридона Пустовалова. Так вот, узнал Спиридон про то, что Лёшку избили, пришёл к Сёмке, и пригрозил ему, что посадит его за такой произвол. Ну и сгоряча ему раза два стукнул. И ещё сказал, что они этот схрон, когда Лёшка выздоровеет, найдут, и всё государству сдадут, мол, новый трактор за это им дадут. Вот за это они его, скорее всего, и порешили.

—А кто, тогда, мог написать это письмо?

—Так, наверно сын Шиловой и написал, у неё сын Пашка уже взрослый был. Может его бабка, которая с ними жила, что услышала там или сама догадалась и ему сказала. Осенью, когда нашли труп Пустовалова, Сёмка со своим поделником куда-то исчезли. А Пашка Шилов, видать знал, где на-

ходится схрон, отправился туда. Да только больше его и не видели. Искали его всей деревней, из города милиционеры приезжали, но так и не нашли. Он тогда дружил с Помошко Петькой, так того несколько раз допрашивали, да он отвечал, что ничего не знает.

– Он дружил с Помошко? Так мы в его доме нашли вот эти камни, которые принесены из провала. А провал этот мы по карте нашли. Камушки точно оттуда.

Я вытащила все наши находки из сумки и рассказала, как они к нам попали. Тётя Таня взяла в руки ремешок с пряжкой, подержала его в руках, потом посмотрела на меня:

–Оберег. Старый ещё, очень старый. И связан с тобой. Рядом его держи, возле себя.

–Тётя Таня, а вы тоже людей можете лечить?

–Нет, милая. Так, иногда, боль могу снять. Могу видеть, какая болезнь зреет в человеке, но лечить не могу. Не передалось это мне от мамки. Она ведь не с рождения такая знающая была. Хотя в родне у нас, в каждом поколении, рождались знахари. А случилось это так. Мне может годик тогда был, провалилась она под лёд весной, кругом никого не было, она из сил выбилась, пытаюсь из-под обломков льда выбраться. И, вдруг, как будто кто опору под ноги ей поставил и, легонько так, вытолкнул из ледяной воды. Она очнулась уже на берегу. Лежит вся мокрая, дрожь её бьет, а она уже знает, что живая домой вернётся и не заболит даже. Сколько лет её бабка пыталась научить знахарству – всё без толку

было, а тут всё само к ней пришло. И лечить начала, и заговоры все вспомнила.

Иван кивнул:

– Да, мне отец эту историю рассказывал. Все её знали в деревне. Ты про Помошко расскажи, что знаешь.

– Так что я знаю. Он, когда Пашка Шилов пропал, тоже его искал долго. Или делал вид, что ищет его. В лес уйдёт, день его нет, два. Один раз его с неделю не было. А вернулся исхудавший весь, глаза ввалились, одежда лохмотьями висит, но, сколько его не спрашивали – ничего не рассказывал. После этого как будто подменили его, стал угрюмым, людей начал ещё больше сторониться. Всё по лесам продолжал рыскать, как будто потерял что. А однажды, он вернулся из леса с ранами, как будто когтями истерзали его, это было уже после войны, может в году пятидесятом, не знаю точно. Только после этого, как сглазили его, всё потерял он, всё под откос пошло. Наперво у него корова сдохла, потом они с женой телушку купили, так она тоже не долго пожила. На жену свою руку начал поднимать, несколько раз избил её. А на следующий год жена его заболела тяжело. Врачей вызывали, лекарством всяким поили, никаких результатов. Мамка ходила её лечить, отвары какие-то готовила, да только не смогла помочь. Только через несколько лет она мне рассказала: «Легит она в кровати бледная вся, отрешённая, будто всё равно ей – помрет она или нет. А ведь у неё дочка мала была совсем. Взяла я её за руку, а меня как хлыстом ударили. Вижу,

будто сидит на её груди тёмный кто-то, и давит её, и душит. И нет у меня сил справиться с такой дикой злобой. Так и умерла она, бедная». Пётр похоронил её. Дочка Зинка, одиннадцати лет, осталась на его руках. Он её не баловал, воспитывал в строгости, никуда она не ходила, с нами, девчонками не гуляла. Сходит в школу и быстрее домой бежит. По дому всю работу тащила, совсем как взрослая. И лишнего слова никогда не скажет. Училась хорошо, потом в город уехала после школы, там замуж вышла. А ещё, мамка мне говорила, в то время у нас пошли в деревне несчастье за несчастьем, один покойник за другим. Сначала на Береговой улице муж с женой в бане угорели, утром их нашли. Потом учительница к нам молоденькая приехала, так пошла она на ферму за молоком, наступила на гвоздь, ранка вроде не большая, а не спасли в больнице, заражение крови случилось, за неделю угасла. Потом один за другим умерли два брата, Копытовы, врач сказал, что сердце. Мы, считай, всей деревней с кладбища не выходили – то похороны, то поминки, то девять дней, то сорок. А Пётр Помошко, мою мамку встретил в магазине и как закричит ей при всём народе: «Что, помогли твои молитвы? Такая же ведьма! Все ведьмы! Будьте вы все прокляты, и дети ваши, и внуки!» Народ аж отпрянул от него, а дети малые заплакали. Вот сколько злобы было в человеке.

Я развернула перед ней листок с заговором и протянула ей:

– Это ваша мама написала?

–Мамка у меня была полуграмотная, буквы то она знала, читала немного по слогам, а писала только печатными буквами, да с ошибками. В школу-то она никогда не ходила, дома её грамоте учили. Я ей все заговоры писала. Она мне их диктовала, а я записывала. – Она надела очки – Да, это я писала, для отца твоего, Иван. Мамка сказала, что за ним нехорошее что-то ходит, вроде он сам притянул его к себе. Ты, Ваня, наверное, помнишь, как в школе рассказывал, что собаку вашу какой-то зверь разорвал. В тот день Митька мой прибежал из школы, давай нам взахлёб рассказывать об этом, вот мамка моя услышала и всё поняла, нам ничего не сказала, сразу пошла свечки зажигать, молиться. А потом мне надиктовала этот заговор.

–Помню. – Ответил Иван – Только собаку нашу никакой не зверь разорвал, не было никакого зверя. Отец всё окрест посмотрел, следов не было, а птиц таких больших, чтобы с нашей Стрелкой справиться, нет в наших местах. Вот ещё у нас занятая бумажка с напутствием имеется, мы её из провала достали – Иван протянул тётё Тане листок – посмотри, не знаешь что это?

Тётя Таня прочитала:

–Чтобы нечисть забыла твоё лицо.... Может и мамка писала. Да, это она, похоже, нацарапала буквы. Так это она для деда Помошко и написала!

Тётя Таня задумалась, потом пошла к комоду, открыла верхний ящик и начала рыться в каких- то бумагах. Достала

одну, поднесла поближе к глазам, внимательно вглядываясь в неё. Потом вернулась к столу и протянула мне листок:

– Прочти вслух, это письмо от старшей дочери Серафимы Петровой, соседки Петра Помошко. Начало пропусти, а начинай отсюда. – Она ткнула пальцем в середину листка.

Я начала читать:

– «Она как сходит к деду Помошко, так вечером и ляжет, всё у неё заболит. А пуще всего она стала бояться темноты и свет даже на ночь в комнате не выключает. А в последнем письме пишет, что пришли они с Марией к нему утром пирогов ему принесли и сливок, он сидит у стола голову на руки положил их услышал, поднял голову и глаза такие тоскливые и тихо говорит что, мол, лихо теперь до смерти не забудет его лицо, и после смерти покоя ему не будет. А потом как будто опомнился начал говорить что, мол, просто сон видел. Сходи к ней Христа ради может дом почистишь, помолишься. Ко мне она не хочет переезжать говорит, умру дома не поеду в город». – я отложила письмо – И что, сходила ваша мама к Серафиме?

– Да, мамка не отказывала никому никогда, всегда старалась помочь, чем может. Она из леса принесла выкопанный из земли корешок, и долго над ним читала свои заговоры, смолой его мазала. Нитками закручивала со словами заговора. Оберег сделала. У нас в деревне почти у всех разные обереги были, мамка их делала. – Она достала из-под кофточ-ки что-то, похожее на лапку птичью, обмотанную нитками –

Вот у меня мой оберег, она мне его, когда я ещё маленькая была, повесила на шею, с тех пор и не снимаю.

Я повернулась к Дениске:

–Покажи фотографию узелка.

Денис достал телефон, нашёл нужный снимок и отдал тётке Тане.

–Да, узнаю. Такие узелки мамка научила всех завязывать, если надо вещицу сохранить. Этому её мать научила, а ту – бабка. Они верили, что это спасает от нечистых духов.

Я показала тётке Тане фотографию нашего волшебного свитка:

–Тоже в доме Помошко нашли, сейчас мой брат в город поехал, может там помогут прочитать его.

Она долго смотрела на него, потом головой покачала:

–Нет, никогда про такое не слышала, и видать не видывала. Может твой брат и узнает в городе, про что там написано. «Лихоимкой» мать называла всякие недуги. Даже если что и знала, мне об этом не говорила. Я у себя в бумагах посмотрю ещё. Вдруг, какую подсказку найду.

Про карту она тоже ничего не смогла сказать.

Иван поднялся:

–Спасибо тётя Таня, задержались у тебя мы, пора и честь знать.

Мы поблагодарили её, стали собираться. Она вышла нас проводить до ворот.

Уже прощаясь, тётя Таня взяла меня за руку, посмотрела

пристально в глаза и сказала:

–Дочка у тебя есть, далеко от тебя живёт.

–Да, есть дочка, зовут Ирина. Она в Москве живёт пятый год. Учится там и работает.

–Вернётся. Не скоро, но вернётся.

–Вроде пока не собирается, работа у неё хорошая, в следующем году диплом защищает. Да и кто из Москвы добровольно уезжает.

Тётя Таня покачала головой:

–Позовут её.

Глава 4. Башня

Иван довёз нас до Выселок, а сам поехал к себе, сказав, что приедет через пару часов. Приглашал к себе нас на обед, да мы отказались, обед всё равно надо было готовить, Илья вот-вот должен был приехать. Я поставила вариться нехитрый наш суп, достала блокнот и, пока всё свежо в памяти, начала записывать. Солнце припекало и мы сходили с Дениской искупались. Я постирала в реке некоторые наши вещи. Илья приехал часа в два. С ним приехала приятная черно-волосая женщина, Илья нам её представил:

–Наташа, прошу любить и жаловать. Она к нам на пару дней, до понедельника. Наташа работает медсестрой, очень вкусно готовит и, она очень хороший человек.

У Дениски заметно испортилось настроение. Мы все сели вокруг нашего очага, Наташа достала из большой сумки миски с жареной курицей, нарезанными овощами, были ещё парочка салатиков и целый мешок с конфетами. Да, готовила она вкусно. Мы с удовольствием поели. Приехал Иван, мы его тоже усадили за наш стол, хоть он вначале и отнекивался. Даже Полкану досталось вкусенького.

–Сразу вас хочу огорчить – начал свой рассказ Илья – рукопись не поддаётся расшифровке, два дня Славка изучал её орфографию, и даже его новый хвалёный алгоритм не помог,

он сказал, что это совершенно новая, ранее не встречавшаяся структура письма. И ещё одна неудача – он встал, пошёл к машине, достал свой «Атлас» – я не знаю, когда именно это произошло, так как был за рулём и не наблюдал за свитком, но смотрите – Он раскрыл журнал и достал свиток, который испускал всё так же свой неземной свет – Чёрт! Да он был просто бумагой! Ребята, когда я пришёл к Славке, он не светился! Славка мне, по-моему, даже не до конца поверил про свечение, хоть я ему и показывал фотографии. Нет, вы посмотрите, это я не могу объяснить!

– Вот и хорошо, – сказал Иван, взяв свиток в руки и разглядывая его – похоже, нам и не нужна шумиха вокруг свитка, у нас тут такое произошло, что лучше никому не рассказывать, чтоб в психушку не загребли. Всей командой.

– Его подпитывает близость к первоисточнику. – Предположила я.

– А какой у нас первоисточник? – спросил Илья, убирая рукопись в журнал, и отнеся его в машину.

– Долго рассказывать, я дам тебе почитать свои записи, поймёшь.

Мы с Наташей пошли мыть посуду, заодно и искупаться, Иван пошёл с нами. Надутый Дениска остался с отцом. Из прохладной воды не охота было выходить. Если неподвижно лежать больше минуты, то вокруг собирались стайки мелких рыбёшек, стараясь ущипнуть своими крохотными ротиками за кожу. Мы ещё два раза успели искупаться и обсохнуть,

пока к нам присоединились Илья с Дениской.

– Ну, как тебе наши приключения? – спросила я.

– Ты сама хоть читала, что там написала?

– Я писатель, а не читатель. Забыл? Писарь я.

– Если упустить неприятный момент с твоей грамотностью, то вы тут время зря не теряли. Надо идти дальше по карте. От успеха, образно выражаясь, нас отделяет один удар сердца.

Иван перебил:

– Я бы не стал на это надеяться. Самоутешение – первый шаг к поражению. Надо сначала камни попытаться на стену закрепить.

– На клей?

– Судя по происходящему, клей нам может не понадобиться. Завтра с утра доедем, сколько сможем, по лесной дороге, потом пойдём пешком. Захватим эти два камня. А уж там, по ходу развития событий, будем думать.

На этом и договорились. Иван поехал к себе. Илья повёл Наташу показывать дом и окрестности. Мы с Дениской сели играть в карты. Позже к нам присоединились Илья с Наташей. Наташа оказалась милой и разговорчивой женщиной, со своими советами не лезла, охотно поддерживала общий разговор. К концу вечера, Дениска уже весело хохотал с ней, в очередной раз, рассказывая про наше злополучное полено, и про то, как второе полено мы посадили на цепь. Как вдруг, среди тишины и покоя безмятежной природы, раздался та-

кой грохот, как будто десяток горных обвалов разом сорвались с места и понеслись в пропасть. Нас окутало пылью и какой-то грязной копотью. Мы соскочили со своих мест. О боже! Наш дом рухнул. Над ним взвилась тонна пыли, похожая на дым от костра. Мы стояли оглушённые.

–Илья, рукопись?– опомнилась я.

–В машине.

Мы посмотрели друг на друга. Волосы, лица, одежда, папки, посуда, всё в сером налёте, который ещё не весь улёгся и кружил в воздухе. Дома как будто никогда и не было, осталась только полуразрушенная печь и куцый столбик от трубы.

Мы собрали снова всю посуду, одежду, выстиранную мной накануне, и пошли к речке. Там снова всё перемыли, помылись сами. Посидели не берегу, чтобы не идти снова в пыльный туман. Когда мы поднялись, пыль уже улеглась. Мы подошли к новому завалу, было очень грустно. Казалось, что дом дождался, когда мы достанем все его запрятанные секреты на свет божий, вздохнул успокоенный и умер. Я почувствовала, как по моей щеке прокатилась слеза.

Илья махнул головой в сторону привязанного полена:

– Этот, наверно сейчас сидит и радуется, что в доме его не оставили.

– Может его отпустим? – спросил Дениска.

Меня это не обрадовало:

– Нет, пусть сидит пока.

– Может ему блюдечко с едой поставить рядом? – Включилась в разговор Наташа – Так задабривают домовых.

Вы не поверите, но мы так и сделали.

Дениску переселили в машину, мы с Наташей выхлопали все одеяла и простыни, но запах затхлости долго ещё не выветривался.

Потом ещё посидели вокруг нашего очага. Понемногу смеркалось, дневная жара всё никак не хотела уходить, а лёгкий ветерок не хотел приносить ночную прохладу.

– А как же наша тень? – Спросил вдруг Дениска – Где она сейчас будет жить?

– Я думаю, под завалами полно места – ответил Илья – или она переедет в соседний дом, ещё ведь один остался. Ждите приглашение на новоселье.

Иван заехал за нами в восемь, мы только выползали из своих палаток. Он тоже остолбенело посмотрел на руины.

– Как так, враз рухнул? Хорошо, что вы были далеко от дома. Под такими толстыми балками не много шансов остаться целым и невредимым.

Полкан сбегал к колодцу и доел еду нашего полена. Он, определенно, уже освоился у нас. Мы за полчаса быстро позавтракали и умылись. Мы с Дениской надели сапоги, которые нам дал Иван. Илья, как джентльмен, достал из машины припасённые кроссовки сорок пятого размера и предложил их Наташе, та отказалась и осталась в своих, беленьких. Он

великодушно сказал ей, что если будет сыро, он возьмёт её на руки. Дениска фыркнул. Мы расселись в Уазике, заняв все места, и поехали. По лесной дороге ехать, скажу я вам, удовольствие очень сомнительное. Нас трясло из стороны в сторону, порой мы по очереди вылетали из кресел, в открытые окна то и дело бились ветки, а комарьё успевало залетать к нам с огромным желанием нами отобедать.

Машину мы оставили у самой кромки елового леса. Надели свои рюкзаки и цепочкой потянулись за Иваном, вернее за Полканом, так как он нас уверенно вёл по уже знакомой тропе. Пахло свежей хвоей, я по пути даже увидела гриб, но, похоже, что это была поганка. На этот раз к провалу мы вышли сразу, не поплутав, как прошлый раз. Сбросили рюкзаки у камня, начали раскидывать осторожно ветки. В кустах раздался хруст. Мы остановились и, все разом, повернули головы по направлению звука.

– Зверьё какое-то, – махнул рукой Иван – не стоит обращать внимания, Полкан ведь спокоен.

Но Полкан, вдруг сорвался с места и прыгнул в кусты, мы услышали только удаляющийся хруст веток из-под его лап. Иван свистнул, но Полкан не отозвался. Мы освободили лаз, Иван ещё раз потопал ногой по краям его, убеждаясь, что ничего не обваливается. Закрепил верёвку на том же дереве, что и в прошлый раз. Полкан не возвращался. Мы забеспокоились. Начали его звать, свистеть. Бесполезно. Спускаться, мы решили, будут двое – Илья и Иван. Иван достал из

рюкзака тубик клея для камня:

– Это на всякий крайний случай. – Пояснил он.

Дениска, не переставая, шнырял по окрестным кустам и звал Полкана. Иван тоже периодически свистел, но никто на его свист не бежал:

– Странно, он в лесу никогда так себя не вёл. Бывало, конечно, что он поднимет зайца или птицу, но всегда возвращался сразу же или лаем обозначал своё место.

Первым спустился Иван, за ним Илья. Мы с Наташей улеглись вокруг лаза и стали слушать. Спокойно полежать нам не пришлось. Видимо, в прошлый раз, когда мы откапывали лаз, мы повредили муравейник и сейчас, эти маленькие рыжие засранцы, решили нам отомстить по полной программе. Они на нас кинулись всем своим дружным полчищем. Мы с Наташей, когда встали с земли, ещё некоторое время отряхивались и откидывали вездесущих муравьев подальше от себя. Прошёл, примерно час, мы с Наташей успели поговорить обо всём, попить из термоса чай. Потом я присоединилась к Дениске в поиске Полкана, оставив Наташу караулить у лаза. Мы значительно расширили с ним поиски, но Полкана нигде не было, лая тоже не было слышно. Дениска предположил:

– Тётя Оля, может его специально увели?

– Он умный пёс, как его можно увести? Не похоже, что это был крупный зверь в кустах, а с мелким зверьем он, безусловно, справится. Пошли к лазу, что толку, что мы тут кругами ходим.

Но Дениска очень расстроился и никак не хотел прекращать поиски. Мы ещё походили и повернули к лазу. Наташа постелила куртку Ильи и лежала на ней, свесив голову в провал.

– Слышно что-нибудь?

– Нет, полная тишина. Может им покричать, вдруг, что не так.

– Нет, – возразила я – там внизу двое взрослых и сильных мужчин, тем более Иван уже спускался. Что с ними может произойти? Я думаю, что та тень, промелькнувшая, когда мы закрывали лаз, если бы хотела навредить, то навредила бы, когда Иван был там один.

Я сменила Наташу в дежурстве возле лаза. Беспокойство, понемногу, стало овладевать и мной. И почему-то я подумала, что не им надо было спускаться, а мне. Страх сковал моё сердце, хоть я пыталась отогнать эту мысль. Дениска предложил:

– Давайте я к ним спущусь и посмотрю, потом поднимусь.

Мы единогласно ему запретили. Минут через десять слышались голоса, верёвка начала дёргаться. Первым поднялся Илья, за ним Иван. Оба вылезли чумазые, тяжело дыша и отплёвываясь. С жадностью накинулись на воду.

– Ничего не выходит, – сказал Илья – камни падают.

– Ещё и не понятно, куда их присобачить. – Подхватил Иван – Они же постоянно меняются. И этот шёпот! Сначала мы на него не обращали внимания, потом от него уже голова

начала раскалываться. Ещё запах, а у нас и респиратор только один, пришлось его по очереди одевать.

– Мы с Иваном облазили все закоулки, во всякий уголок заглянули. – Подхватил Илья – Откуда шепчут, не понятно.

– Ага, и что ещё, – Иван скинул сапоги – мне кажется, что шепот женский, а Илье сначала казался мужским голос, а потом тоже женским, как и мне.

– Один раз, камень всё-таки зацепился, нам показалось, но потом упал.

– Мы пытались на земле собрать наподобие мозаики, чтоб, хотя бы по контуру, они подошли друг к другу, ничего не вышло. – Иван вздохнул – Полкан, я вижу, так и не вернулся.

– Мы ходили всё время и звали его! – Чуть не плача сказал Дениска – А он может домой убежать?

Иван отрицательно покачал головой:

– Нет, хотя теперь я и сам не знаю, настолько нетипичная ситуация. Собирайтесь, я отвезу вас обратно, потом вернусь и ещё поищу его.

Мы запротестовали. Илья ответил за всех:

– Нет, Полкан такой же член нашей команды, как и каждый из нас. А мы своих не бросаем. Будем искать, пока не найдём.

Дениска подхватил:

– Если мы уедем, а он в это время вернётся, он подумает, что мы его бросили.

– Тогда надо за продуктами к машине сходить. – Сказала я.

– Я пойду. – Иван нагнулся за рюкзаком – Я лучше вас ориентируюсь в лесу, вы здесь ждите. Даже если Полкан прибежит, всё равно меня ждите, не уходите.

Дениска вызвался идти с ним. Мы остались их ждать. Илья описывал свои ощущения в провале:

– Постоянно кажется, что мы не одни. Не знаю, как Иван там один ходил. Как-то себя там чувствуешь странно, как будто в гости пришёл незванным, да ещё и в отсутствии хозяев. К тому же, в первой пещере ещё эти скелеты сидят. Как в кино прямо. А, я совсем забыл. – Он достал из кармана брюк серый камень, с ладошку величиной, повернул к нам стороной, в которой было небольшое вкрапление, с копейчку, ярко-синего цвета с голубой полосой – Это я в коротком коридоре нашел, когда все углы мы высвечивали. Он блеснул, и я его увидел. Думал, ну вот, началось. Очередная тень на меня зыркнула. Это лазурит. Такие камни в старину растирали и делали из них минеральные красители для икон.

Мы долго любовались на вкрапление лазурита, на солнце он сиял такими оттенками, что глаз невозможно оторвать. Иван подарил камень Наташе и продолжил:

– Когда мы проверили, что нет никаких приспособлений для трансляции этого адского шепота, и мы не сможем его отключить, мы пытались уши заткнуть. У Ивана в рюкзаке аптечка с собой была, мы вату в уши вставили. Так этот про-

клятый звук, ни на один децибел не стал тише. Может правда, Иван говорит, что это от запаха тошнотворного, у нас в мозгу раздаётся этот шёпот. А только подошли к подъёму – этот барабашка заткнулся, хотя запах только в середине подъёма исчез. Всё в этой пещере как-то не так, неправильно. И стена, она смотрится нереально! Это невозможно себе даже представить.

Так, в разговорах и прошли два часа, пока Иван с Дениской ходили к машине. Мы поняли, что что-то не то сразу же, как только они вышли к нам. Дениска сразу начал тараторить:

– Представляете, идём мы по лесу, а впереди лай раздался, мы кинулись со всех ног. Пока бежали, лай прекратился. Мы давай кричать, звать Полкана. Прошли немного, опять лай, и так раз десять повторилось. И никого нет.

– Почти бегом до машины добежали. – Сказал Иван – Вымотались так, что прямо возле машины рухнули. Не знаю, кто с нами играет, но этого уже достаточно, чтобы испортить нам день.

Мы быстро разложили бутерброды, разлили чай и поели. Составили план поисков. Две команды по два человека расходятся, идут в ту сторону, куда убежал Полкан, между собой на расстоянии пятидесяти метров, а между командами метров сто, но так чтобы каждый человек видел двоих. Ну и перекликаться, если вне зоны видимости. Наташу оставили у лаза. Я пошла с Иваном, а Илья с Дениской. Мы вышли на

исходную позицию, и пошли, постоянно переговаривались друг с другом. Лес был очень густой, порой мы не видели друг друга, даже в десятке метров. Поэтому постоянно перекликались. Один раз Дениска радостно вскрикнул, но оказалось, что это пень, покрытый седым мхом. Прошли, наверно километра три. Собрались на привал. Иван говорит:

– Мне кажется, надо возвращаться. Мы видели только направление, куда он прыгнул в кусты, но он мог метров через сто повернуть совершенно в другую сторону, мог ещё десять раз поменять направление.

– Меня не покидает какое-то странное чувство, будто он кинулся не за зверем, а кто-то выманил его. Но зачем? – Илья повернулся к Ивану – А если он далеко убежал, он может дорогу домой найти?

– Теоретически, да. Если он, предположим, через какое-то время пробежал через болото, или через ручей, и потерял след обратно, он покружит, покружит и всё равно найдёт дорогу домой. Он должен обязательно выйти в лес, где мы с ним на дежурство своё ходим. А там он, как дома. – Он вздохнул – Это сколько надо было ему пробежать, чтобы нас не услышать!

Даже после слов Ивана, что Полкан найдёт дорогу домой, мы долго не могли решиться закончить поиски. Всё-таки решили пройти вперёд ещё пару километров, а потом повернуть назад и вернуться другой дорогой. Опять разбрелись и пошли. Ноги у меня уже так устали, что я шла на автомати-

ческом режиме, как заведённая.

Только что было так жарко в сапогах и куртке, а сейчас стало заметно прохладнее. Идти стало легче, воздух стал свежее. Я ещё подумала, может недавно дождь в этой части леса прошёл. Мне было слышно, как Иван переговаривается с Ильёй, потом Дениска о чём-то спросил. Стало ещё холоднее, моё дыхание выбивало парок, замёрзли нос и пальцы. Голоса стали звучать всё тише и тише. Я повернула вправо, чтобы подойти поближе к Ивану, потому что мне его опять не было видно, из-за плотно стоявших друг к другу ёлок, крикнула ему. Никакого ответа. Я пошла быстрее, непрерывно его окликая. Когда я пробежала метров пятьдесят, напрямик, не разбирая дороги, я поняла, что я одна. Больно горело лицо, расцарапанное ветками. Я подняла голову вверх. Небо было свинцовое. Где-то недалеко за деревьями, встал туман сплошной стеной. Но вокруг меня его не было. Я всё-таки где-то перешла границу, но я на дороге и иду правильно.

Страха не было. Лес не был таким зловещим, как тогда, во сне. Просто мрачно всё и холодно. Сумерки. Воздух тоже, казалось, застыл, никакого дуновения, ни одной травинки не шевельнётся. Шла я довольно долго, лес совсем не менялся, бесконечные ели и сосны. Монотонный ландшафт совершенно притупил все мои ощущения.

Я увидела поваленную ёлку, с одной стороны покрытую мхом и села отдохнуть. Надеюсь, что моя команда не очень перепугается, когда меня не увидит. У меня уже был ведь

такой провал, я после него жива и здорова вернулась. Долго не посидишь, так как холод пробирал до костей. Я прошла несколько шагов и совершенно шальная мысль прожгла меня, а что, если я никуда не провалилась, а просто потерялась? Иду тут, такая, вся в сказке, а на самом деле, чёрт знает сколько уже прошагала в непонятном направлении. Спокойствие меня покинуло. Села, решила сначала успокоиться, а потом принять верное решение. Почему я решила, что провалилась в другой мир? Во-первых, холодно стало. Но ведь на самом деле, может это всего лишь природное явление, просто похолодало перед грозой. А может, в этом лесу рядом болото и от него веет холодом. Значит это не такая уж веская причина. Во-вторых, небо серое. Так может, оно серое точно по той же причине, то есть перед грозой. В-третьих, видела туман. А что на земле это первый туман, не было тумана с сотворения мира? В общем, сама себя сначала убедила, а потом разубедила. Какой-то внутренний голос мне шептал, чтобы я шла дальше, что так надо. Но мой инстинкт самосохранения его нещадно заткнул.

Я решила вернуться. Еле переставляя ноги, поминутно спотыкаясь о каждую ветку, я пошла обратно. Ощущение времени и пространства совершенно покинуло меня. Как говорится в сказке: «Далёко ли, близко ли», прошла я мимо поваленной ёлки, где я недавно отдыхала и пошла дальше. Кричать мне совсем не хотелось. Внутри ещё оставался страх, что я не на земле. Шла я очень долго, пока не вышла сно-

ва к уже знакомой мне ёлке. Чёрт возьми, как я могла к ней вернуться, я ведь шла всё время прямо! Может, просто, такая же. Мало ли в лесу поваленных деревьев. Но вот здесь я сидела, и ветку примяла вниз. Чтобы больше об этом не думать, достала из кармана носовой платок и привязала к ветке. Пошла снова в том направлении, где потеряла свою команду. Через несколько минут, а может через час, я снова вышла к этой ёлке. На ветке привязан мой платок. Так, а если сменить направление? Как бы я ни устала, во мне закипала злость, удесятерившая мои силы. Пошла резко вправо, уже почти бежала, но снова вернулась к своему платку. Села. Что бегать кругами. Я провалилась, это точно. Пойду вперёд. Хватит время терять на глупые эксперименты.

Как только вернулась решимость, я поднялась и пошла в своём первоначальном направлении, с которого меня сбивала моя глупость. Шла довольно долго, но вскоре, заметила, что перестали хрустеть ветки под моими подошвами, лес редел, а туман, наоборот, надвигался всё ближе и ближе. Между деревьями уже маячили проблески странного пейзажа. И вот, я вышла из леса. Передо мной была равнина от горизонта до горизонта. И выглядела она, как застывшее море, серое, безжизненное, со стоящей вдалеке четырёхугольной высокой башней. Налетевший ветер сразу вцепился в меня, как когтями. Я еле устояла на ногах и стала разглядывать башню.

Деревянная башня не выглядела злобещей, а наоборот, казалась, что именно она является целью моего пути. Но до

неё был немалый путь по огромным плоским валунам. Поверхность камней была ровной, хоть и один край каждого был причудливо поднят и изогнут на манер гребешка волны. Я осторожно наступила на камень. Сделала шаг. И отчётливо услышала тихий шум волн. Почувствовала мелкие солёные брызги на лице и руках. Я отскочила назад. Постояла немного. Потом опять встала на камень. Море было, но только я его не видела, я его чувствовала. Я сделала несколько шагов. Свежий морской ветер бросал в меня мелкие брызги, и я слышала, как невидимое море бросало свои невидимые волны на невидимые скалы. Я пошла вперёд по застывшему морю, прыгая с камня на камень. Расстояние до башни сокращалось очень медленно. Я даже не могу определить, сколько до неё – пара километров или все десять. Через некоторое время я встала, привалившись к гребешку и переводя дыхание. Там, вдали за башней, на краю равнины, я отчётливо увидела пики синеватых гор. Могу поспорить, что когда я ступила на равнину, то их не там было. Но не заметить такие высокие горы, было просто невозможно. Да, конечно, морок, и всё не так как кажется. Я снова пошла вперёд. Моё лицо, верхняя одежда и обувь промокли насквозь. Я не сводила глаз с далёких гор. Семь высочайших пиков уходили в небо, и оно над ними было намного светлее, чем небо над остальным миром.

И вот я подошла к башне. Высотой она была метров десять. Дерево, из которого она была построена, было чёрным

от времени, и мокрым от брызг. Я стояла перед массивной дверью с железными ржавыми засовами. Наверху, на уровне второго этажа, были два раскрытых окна. Я поднесла руку к двери, чтобы постучать, но дверь открылась сама и из башни вышла женщина. Тёмный, цепкий взгляд пристальных глаз, от которого я на мгновение окаменела. Да, именно так – окаменела. Но потом она улыбнулась, моментально став такой милой и домашней, и сказала:

– А я раньше тебя ждала, неужто заблудилась?

– Да, поплутала немного.

– Пошли быстрее к огню, согреешься. Да и проголодалась, небось.

Мы зашли в большую комнату, просто обставленную, с жарко растопленным камином у противоположной стены. Посреди комнаты был круглый стол, богато заставленный яствами. Сразу у двери, вдоль стены, круто шла лестница на верхние этажи. Я подошла к камину и села напротив него на низкую табуретку. В камине не было дров. Горели камни. Приятное тепло сразу же поползло по всему телу. Я украдкой посмотрела на хозяйку. На ней была длинная серая юбка, светлая кофта, с наброшенной на плечи шалью. Волосы у неё были зачёсаны назад, в тугий пучок. На вид её было лет сорок. Она повернула ко мне своё лицо, снова улыбнулась и пригласила меня за стол. Когда она открыла крышку супницы, я поняла, насколько я голодна. Аромат супа был дивный. И вкус его был соответствующим.

Я благодарно посмотрела на хозяйку:

– Никогда ничего подобного не пробовала. Очень вкусно.

– Так я старалась, очень уж хотелось тебя порадовать.

Я не стала просить добавку, потому что на столе было ещё десяток заманчивых блюд, и я попробовала едва ли половину из них. Хозяйка не ела, только пила из высокого непрозрачного стакана какой-то напиток. Она дождалась, когда я наелась и поблагодарила её, и пригласила меня в верхнюю комнату. Только я встала из-за стола, он моментально оказался пуст. Видя мой удивлённый взгляд, хозяйка улыбнулась и махнула на стол рукой, стол тоже исчез. Слава богу, что хоть чувство сытости во мне осталось. Я пошла за ней на второй этаж. Лестница была хоть и крепкая, но скрипучая. Каждая её дощечка подавала свой неповторимый звук. На втором этаже, в комнате невероятного очертания, презревшей законы геометрии, стоял массивный письменный стол, с разложенными на нём книгами и бумагами. Посреди стола стояла чернильница гигантских размеров и, под стать ей, лежали длинные перья. Напротив стола стоял небольшой диванчик, покрытый мохнатой шкурой какого-то животного. А ещё в комнате было два окна. И за ними не было бесконечной степи. За окнами плескалось настоящее море, причём, некоторые волны доходили почти до самого окна, закидывая в комнаты свои холодные брызги. Хозяйка закрыла оба окна и показала мне на диванчик:

– Садись!

– Я так долго ждала, когда снова окажусь у вас.

– Долго? – Она удивлённо подняла бровь.

– Да, больше тридцати лет.

– Девочка моя, – она повернула свои длинные тонкие пальцы, в которых оказалось зеркало – посмотри-ка сюда!

Я взяла из её рук зеркало и заглянула в него. Из зеркала на меня смотрела я, только мне снова было тринадцать лет.

– Невероятно. Но это просто у вас зеркало такое, волшебное, я знаю.

– А знаешь ли ты, как далеко отстоит то, что ты знаешь, от того, что есть на самом деле? В вечности нет времени. Я тебе в нашу первую встречу сказала, что время идёт за тобой с такой же скоростью, с которой ты пытаешься уйти от него.

– В нашу первую встречу? Это были Вы?

Она засмеялась:

– Какие же вы смешные и наивные, люди. Ладно, не буду тебя дальше мучить. Ты ведь пришла получить ответы на свои вопросы.

– Да, мне кажется, что у нас ничего не получается. Мы не смогли стену в провале восстановить, не знаем, в чём дело. Мы не нашли предмет, который разрушил стену и поработил вашего брата. Мы даже не знаем, что это за предмет. Мы не смогли прочитать знаки на свитке. У нас есть кое-какие догадки о злодее, но это всего лишь догадки. Слишком много не связанных друг с другом событий, которые происходят с большим разбегом по времени и факты совсем не последо-

вательны.

– На самом деле, ты ведь уже поняла, что закров простреть только ты сможешь. Одна иди. Не бери с собой ни огня, ни смолы. Всё поймёшь, когда у закова окажешься. Возьми с собой только свиток. И не пытайтесь его прочитать, закрыт он от людей. Прикосновение к древним знаниям не всегда имеет хорошие последствия. Не для вас знаки на закове начертаны, писал их тот, кто познал мудрость обоих миров, и своим милосердием закрыл суть их. Уничтожь все списки со свитка, которые вы сделали. Не надо их оставлять. И помни, что последствия от разрыва пелены разбросаны по вашему времени хаотично, без порядка. Потому что лиходей впал в неистовое безумие, когда понял, какая сила к нему из недр поднялась, понял, что может он, как в волны, прыгать в разные времена и пространства. Думал он, что безнаказанно может свои злодеяния творить. Но никто не имеет права изменять судьбы других. В конце концов, когда-то всё встанет на свои места и на каждого злодея есть свой меч карающий. Потому что, как нет края земли, так нет и края света. И когда вы, люди, делаете правое дело, обязательно у вас появляются товарищи, которые пойдут с вами до конца.

– А можно ещё задать вопрос?

– И не один.

– Снегурочки из моего сна. Кто они такие? Они у меня до сих пор перед глазами стоят.

– Снегурочки? – Она улыбнулась – А как, по-твоему, ма-

ленькой девочке объяснишь, что она оказалась в волшебном мире? И чтобы она себя не чувствовала одинокой в путешествии. И чтобы он ей запомнился. На тридцать лет.

– А что за звук был, когда я к вам во сне приходила, тревожный такой?

– Это голоса нижнего мира, скорбящие о потерянном брате, слились в единый отзвук. А сейчас ты их не слышишь потому, что уже вернулся он к нам, хотя ты только собираешься это сделать. Я же тебе говорила, что у нас здесь всё не так, как это кажется. Порой намерения в вашем мире, здесь у нас, производят такой же результат, как и само действие.

– Вы правы, мне, наверное, никогда это не понять. – Я кивнула – И ещё, нам кажется, что человек, который разрушил стену, уже умер.

– Ну, знаешь, смерть это не всегда избавление от тягот бренного тела. Не все отходят с миром. Может быть и такое, что тяготы и скорби лягут на них тяжёлым грузом там, где они будут искать отдохновения. И смерть их бывает люта. Но это их выбор, они сами отсекали себя от добра и мира.

– Но ведь все те люди, которые из-за него погибли, не виноваты в его действиях. Они за что пострадали? Их уже не вернуть, даже если справедливость восстановится.

– На этот вопрос ты будешь искать ответ всю свою жизнь. Но, боюсь, ответ тебе раскроется только тогда, когда будет подведена черта под итог твоей жизни.

– Мы нашли оберег моего предка, что мне с ним делать?

– Не надо тебе ничего делать, это он сделал своё дело, когда-то сберёг жизнь того, кому предназначался. Оставь его, как память. Глаз на нём остановится – сразу вспомнишь своего дальнего предка.

– Хоть какую-то подсказку вы мне дадите на дальнейшие поиски?

– Всему своё время, милая девочка. Всё приходит тогда, когда появляется в этом необходимость. Слушай себя. Сердце твоё уже открыто. А скоро ты откроешь и глаза. Сейчас, я думаю, тебе надо отдохнуть. Сегодня ты ночуешь у нас, не спорь. А по утрам, с новыми силами, возьмёшься за дело.

И глаза мои начали медленно закрываться. Когда я проснулась, то была уже не в высокой башне, а в простой деревянной избе. Спала я на мягкой кровати под пёстрым теплым одеялом. Как же я хорошо выспалась! У печки хлопотала вчерашняя хозяйка, в доме пахло свежим хлебом. Она ко мне повернулась:

– Выспалась? Я не стала тебя будить, чтобы ты хорошенько отдохнула. У тебя сегодня будет трудный день. Иди, умойся у бочки и приходи кушать.

Вокруг дома был всё тот же лес. Блики сумеречного света с трудом достигали земли. Я умылась из большой бочки, вытерлась полотенцем, висевшим на гвозде, рядом с бочкой, и вернулась в дом. На столе уже стояла кринка с молоком и целое блюдо с румяными ватрушками. Хозяйка опять ничего не ела, зато я уминала за обе щеки.

– Спасибо вам большое. Я, наверное, больше вас не увижу?

– Мы будем помнить тебя, и ты будешь помнить, и это, поверь мне, не просто слова. И помни- слушай себя.

Мы вышли из дома.

– Я должна попросить у вас какую-то вещь, чтобы выйти из леса.

– Она уже у тебя. Но покажется она тебе только тогда, когда сама решит. Не удивляйся, такие вот у нас волшебные вещи. И вот ещё, возьми мои хлебцы, я думаю, они вам пригодятся.

Она посмотрела вдаль и сказала:

– Иди, дорога уже легла к твоим ногам.

– Я не заблужусь?

– Нет, думай о том месте, куда хочешь идти, туда и выйдешь. Прощай.

Отойдя на несколько шагов, я обернулась и помахала ей рукой. Она улыбнулась и тоже мне махнула.

Обратная дорога, мне показалось, была намного короче, чем вчерашняя. Было прохладно, но меня это совершенно не беспокоило. Оказывается, от состояния нашего духа, зависит и окружающий нас комфорт. Или отсутствие его. Ещё немного и я бы запела, так у меня было хорошо на душе. Я знала, что у нас всё получится.

Постепенно лес становился светлее, а когда на небе показалось солнышко, я на самом деле начала напевать. Сначала

тихо, а потом и во весь голос. Песня моя была новая для меня, но очень близкая и, как будто мне ещё кто-то подпевал. Я даже не заметила, как вышла к провалу. Сначала ко мне кинулся Полкан. И мы вместе с ним появились у огромного шалаша, который смастерила моя команда и в котором, скорее всего, провели они ночь. Надо было видеть их глаза, когда я такая вся счастливая и вдохновлённая свалилась им на голову.

– Ты, реально, знаешь, как преподнести своё появление! – Выдохнул Илья.

Они набросились на меня, как сумасшедшие. Когда наобнимались, я сначала решила их покормить:

– Вы не завтракали? Я тут к вам с гостинцами. – Все, кроме Ильи, кинулись к моим ватрушкам – Илья, а ты что не голоден?

– Нет, не голоден, я же в том месяце ел.

– Да ладно тебе, сейчас вам всё расскажу. А когда Полкана нашли?

– Как только тебя потеряли. – Ответил Иван – Давай, не томи, рассказывай.

Рассказ получился довольно долгим, потому что все постоянно перебивали меня своими вопросами. Когда я сказала, что мне надо одной спуститься к стене и её восстанавливать, они даже перестали жевать.

– Может, спустимся с тобой, но останемся в первой пещере? По крайней мере, тебе не так будет страшно – Иван во-

просительно на меня глянул.

– Нет. Она чётко сказала, что никакого света, никаких сопровождающих.

– Как ты там будешь в незнакомом месте пробираться? – Илья возмущённо взмахнул руками – Там такая темень! Там с фонарями-то не особо разгуляешься.

– Свиток ведь светится. Вот с ним и пойду. – Категорично ответила я. – И ещё, Дениска, удали все фотографии свитка. Илья сожги свой рисунок. И у Славки всё удали.

– Вместе со Славкой?

Мы ещё немного поспорили и я начала готовиться к спуску.

Спортивная форма у меня не ахти какая, поэтому спуск был не из приятных. Когда я под ногами почувствовала твёрдую почву, я уже устала и была измазана как чёрт. Сразу же достала светящийся свиток из куртки и освободилась от верёвки. Пещера осветилась зеленоватым светом. Да, жутковато. Я старалась не смотреть на скелеты у стены, но особо не получалось, так как взгляд всё равно притягивался пугающим зрелищем. Свет от свитка исходил мерцающий, поэтому, казалось, что скелеты дёргались и наклонялись. Я поспешила быстрее пересечь пещеру и свернуть в левый коридор. Я не почувствовала никакого запаха, на который жаловались Иван и Илья. Прошла коридор и оказалась в дальней овальной пещере. С минуту стояла перед стеной, как заморожённая. Стена была словно живая. Тёмные чёткие символы вре-

зались в камень, как нож в масло. Они не бежали, заменяя друг друга, не изменяли форму. У меня создалось впечатление, что, когда смотришь на них, выпадает один единственный кадр, по которому можно было бы определить, как они появляются. Мне пришло на ум подходящее слово – фантазмагория. Тишина была полная. Я подошла ближе к стене, положила на пол рядом с собой свиток. Взяла первый камень из груды и задумалась. Не знаю, что делать. Я склонилась над свитком и стала его снова рассматривать. Потом подняла глаза на стену и стала ждать. Текст на стене сменился. Эта страница текста не соответствует тексту на свитке. Ещё раз сменился. Тоже не соответствует. Ещё раз сменился. Это он! Стоп! Это же он! Текст опять сменился. Значит, времени у меня будет очень мало, когда на стене покажется текст, идентичный тексту на свитке. Я снова стала рассматривать свиток. Почти все строчки на нём были или без начала, или без конца. А может и без того и другого. Снова дождалась, когда на стене появилась моя страница. Успела только увидеть, что первая строчка текста на стене начинается точно с такого же символа, как и на соответствующей строчке в свитке. Дождалась следующего появления моего текста на стене и проверила вторую строчку. То есть, какими бы неровными и оборванными не были края рукописи, на оригинале, то есть на стене, они были точно такими же. Проверила третью, четвёртую и пятую строчку. Значит, это не рукопись повредили, просто она является точной копией текста на стене. Я отло-

жила рукопись и начала наблюдать другие страницы текста на стене. И пришла к неожиданному выводу. Все остальные семь страниц текста не были повреждены. У них был чёткий формат страниц. То есть, если моя страница была нарушена с обоих боков, то когда появлялись следующие страницы, то там строчки шли все ровные. И поверхность на стене была тоже ровная и гладкая. Ну и дела. Я снова присела над свитком. Восемнадцать строчек ровных, как будто вычерченных по линейке, символов. А нет, есть в самой последней строчке, после четырнадцатого символа круг в круге и ещё в одном круге. Тройной круг. Я стала ждать свой лист на стене. Да! Между четырнадцатым и пятнадцатым символами было чуть больше расстояние, чем между другими. Мне на одно мгновение показалось, что в этом промежутке мигнул зелёный блик. Я снова дождалась смены всех страниц. Теперь я уже точно знала, куда нужно смотреть. Я трижды просмотрела внимательно свою страницу на стене. И каждый раз, в последней строчке чуть заметно, как свет мотылька, всего на одну десятую доли секунды, появлялся неярко-зеленоватый отблеск. Я посмотрела другие страницы, но на них не было никаких миганий. «Ну, с богом!» Подумала я, и, дождавшись, когда мигнул на моей странице огонёк, приставила к нему камень. Камень с громким стуком упал на пол. Я, от неожиданности, потеряла равновесие и упала на спину. Что не так? Я лежала, прикрыв глаза, и снова и снова прокручивала порядок своих действий. Я дождалась своей страницы.

Сомнений нет, что это она. Не скажу, что я её выучила наизусть, но, по крайней мере, символы с первых трёх-четырёх строчек уже узнаю. Зажигается какой-то сигнал. И место пустое. Я туда пытаюсь поставить камень. Так, стоп! Камень. А на свитке не один круг изображён, а круг в двух кругах. Думай же, думай!

Я села. Предположим, что круг в центре это камень, а следующий круг – это моя рука. Тогда должен быть ещё один предмет, который обозначает ещё один круг. Хозяйка мне сказала, чтобы я ничего больше не брала с собой. Значит, у меня есть с собой только один предмет. И предмет этот – свиток. Но как я его должна держать? А может, он должен быть между моей рукой и камнем? Я взяла свиток, положила на него камень. Так, опять вопрос. А на какую его сторону я должна положить свиток? Решила положить камень на лицевую сторону, на которой изображены символы. Дождалась своей страницы и прижала к мигнувшему огоньку камень. И тут же отдёргнула руку обратно, потому что, мне показалось, словно резкий вихрь пытался затащить внутрь мою руку. И раздался звук, похожий на тихий треск. Я посмотрела на руку – на ней лежал только свиток. Камня не было. Я привалилась спиной к стене. Неужели у меня получилось? Эйфории не было, но, честное слово, лучше не скажешь, но у меня как будто камень с души свалился. Я сидела без движения минут пять, а может больше. Потом взяла следующий камень. Всё повторилось. И вдруг, мне показалось, как будто за стеной

стал слышен какой-то шум. Я прислушалась. Шум, как от реки. Наверное, надо поторопиться. Я снова взяла камень и свиток, и повторила все свои действия. Посмотрела на свиток. В начале шестой и последней строчек срез на свитке стал ровным. Свиток восстанавливался. Это меня вдохновило, на самом деле – именно вдохновило! Так, раз за разом, я подносила к стене камень, он исчезал, а свиток мой становился всё ровнее и ровнее. Пока я не взяла последний камень и не поняла, что камней для восстановления стены не хватит. Камень был один, а строчек с рваными краями было, как минимум, три. Как минимум. Потому что их может быть больше. Я поднесла последний камень, он исчез в стене. Ну что ж, время собирать камни.

Я поднялась, взяла свиток и пошла искать камни по пещере, где на каждом метре была рассыпаны десятки камней. Каждый камень я поднимала, вертела в руках и искала на них символы. Похоже, искать придётся очень долго. И вдруг, о счастье – я нашла ещё один камень. И заметила одну существенную деталь. Свиток мне помогал. Да, именно, помогал. Когда я склонилась над нужным камнем, он сверкнул более ярким светом. Как бы моргнул. Если это так, а это именно так, это значительно упростит мои поиски. Я подошла к стене, дождалась своей страницы и приложила камень. Он исчез. Я посмотрела на свиток. Стал ровным край у второй строчки. Остались без камней десятая и одиннадцатая строчки. Я пошла со свитком вдоль стены, он мерцал ров-

но и спокойно, потом он моргнул, и я подняла ещё один камень. Одиннадцатая строка стала ровной. Я обошла ещё раз всю пещеру. Больше свиток не моргал. Я вышла в коридор и медленно пошла вдоль него, водя свитком низко над полом. В коридоре не было нужных камней. Жаль, конечно. Совсем не хочется идти искать в первую пещеру, где придётся искать рядом с такими неприятными останками. Я стала обходить пещеру, старательно не поднимая глаз на скелеты. Но тщетно, так как свиток моргнул как раз возле сидящего скелета. Через его костлявую руку были перекинуты остатки сгнившего мешка. Я дёрнула мешок к себе, скелет рухнул на пол. Моё сердце бешено забилося, но я подтянула мешок к себе и из его дырок выпали два камня. Я их резко схватила и помчалась в дальнюю пещеру. Сердце моё билось с таким шумом, что, казалось, скелеты гонятся за мной, громяхая костями. Я просто впечаталась в стену, буквально обняв её. Мелькание строчек успокоило меня. Пусть я не знаю сути того, что написано на камне, но я верю мудрости этих строк. Верю, потому что, тот, кто их написал, видит мир подлинным и неискажённым, каким он и является на самом деле. И ещё, мне кажется, что там есть такие слова: постоянство, справедливость, доброта, любовь.

Я приставила по очереди оба камня. Они были последними, так как, когда я приставила последний камень к кругу, он исчез вместе с свитком. Затем страницы перестали сменять друг друга. На камне выступил текст с более крупными сим-

волами, сквозь которые начал пробиваться молочный свет. По поверхности заструились тонкие ручейки воды. Буквы вспыхнули ярким светом, я зажмурилась, но их очертания отпечатались у меня на сетчатке. Когда я открыла снова глаза, свет уже тускнел, зато лились уже потоки воды. Под ними не было больше каменной стены, там был бескрайний простор. Буквы слабо светились на фоне дальних синих гор, над которыми медленно, на фоне серого неба, поднимались ввысь искрящиеся ослепительные столбы. А с гор, через долину, сметая всё на своём пути, с неистовым грохотом, неслась бурная река. Ещё минута – и она докатится сюда. Я повернулась и побежала к выходу. В коридоре была полнейшая темнота, я сбавила шаг, но постоянно натыкалась руками на стены. Наконец-то я вывернула в первую пещеру, где было относительно светло, пробежала мимо потревоженных скелетов, подбежала к лазу и, натянув на талию петлю, крикнула во весь голос: «Поднимай!»

Верёвка сразу пошла вверх. Внизу, в пещере, нарастал гул. Слышно было, как падают камни. Я уже видела склонившиеся Ивана, тянувшего верёвку и радостные лица моих товарищей, как вдруг, раздался громкий хлопок, как кувалдой ударив по перепонкам, словно тысячекратно усиленный эхом рушившейся позади меня пещеры. От неожиданности, Иван ослабил веревку, и я полетела вниз, больно ударившись обо что-то твёрдое обоими коленями. Но через секунду верёвка опять натянулась, и я снова стала подниматься. Ме-

ня подхватили и выдернули из провала, мы все кучей повалились на землю. И вот тогда раздался настоящий рёв обвала. Теперь я знаю смысл выражения «сокрушительная сила». Там внизу кто-то или что-то очень хорошо заделал дверь в свой мир.

Потом всё стихло, как будто ничего не было. Не было и зияющего провала.

– Не знаю, сестрёнка, что ты там делала, но домой к себе я тебя больше не приглашу. – Сказал Илья, поднимаясь, и протягивая мне руку.

Мы засмеялись.

– Поехали отсюда быстрее, – я оглянулась – а что тут у вас всё перевернуто?

Вокруг в беспорядке валялись наши вещи и поломанные ветки.

Дениска радостно сообщил:

– Так на нас напали! Мы все лежали вокруг провала и смотрели вниз, когда ты туда спустилась, а потом ветер такой сильный поднялся, вон наш шалаш даже раскидало. Мы в лесу и отсиживались.

– Нас в лесу держали, пока ты там была. – Продолжил Иван – Ветер стих буквально минут пять назад. Мы сразу кинулись к провалу и тут ты, как раз, нам крикнула, чтоб мы тебя поднимали.

– Как только мы пытались подойти к лазу, сразу в нас ветки и шишки летели. – Денис показал мне на горы шишек во-

круг – Тёте Наташе одна шишка в глаз попала.

– Да, попала прямо в глаз, слава богу, что синяка нет. Вернулась бы в понедельник, после пикника, на работу с фингалом. Никто бы не поверил, что ветер шишкой ударил! – Наташа смущенно заулыбалась.

– А сколько времени я там пробыла?

– Спустилась ты без пятнадцати одиннадцать, – Иван посмотрел на часы – а сейчас десять минут восьмого. Считай, восемь часов там была. Скажи, у тебя всё получилось?

– Да, всё расскажу, дайте только что-нибудь пожевать.

Мне оставили два бутерброда с колбасой, я их проглотила, даже не заметив. Полкан грустно вздохнул, когда я доедала последний. Мы быстро собрались и отправились к машине. По пути я им рассказала про удивительное восстановление стены, про наш свиток, который был мне верным помощником и, конечно, про тот фантастический мир, который мне открылся в последние мгновения перед обвалом.

– Как жалко, что свиток исчез!– Вздохнул Дениска – Если бы он остался нам на память, мы бы обязательно его прочитали, пусть не сейчас, пусть когда-нибудь. А может, с его помощью, можно было бы попасть в нижний мир.

– Ты удалил фотографии его?

– Конечно, я же не враг всему человечеству.

– Когда я прикладывала камень к стене, то его, словно кто вырывал у меня и сам ставил на место.

– Ух-ты! А ты в любом порядке их подавала, или сначала

по порядку раскладывала?

– Какой первый мне попался под руку, тот и ставила. Как бы я угадала, какой надо первым ставить, если в свитке он появлялся только тогда, когда он уже стоял на месте?

– А тень ты там видела? – Спросил Иван.

– Нет, не видела и не слышала. Знаешь, такое впечатление, что всякие там звуки и запахи появлялись в провале только тогда, когда кто-то чужой спускался в пещеру. Самым неприятным моментом для меня было – это отобрать камень у скелета.

– То есть, когда ты летела к выходу, думая, что за тобой катится горная река – это не страх, а так, попытка подольше остаться тёплой на ощупь? – Илья, шедший с Наташей впереди меня, оглянулся.

– Я тогда вообще ни о чём не думала.

– Ну как всегда. – Илья хитро на меня поглядел.

– Илюша, а ты знаешь, что вежливость ничего не стоит...

– Начала я.

– Я знаю.

– Ты не дослушал, а ценится очень дорого!

– Илья, перестань! – Наташа замедлила шаг и пошла рядом со мной и Дениской – Это он очень переволновался за тебя.

– Ага, – Дениска ухмыльнулся – просто очень. Он вообще-то сказал, когда ветер поднялся, что, скорее всего, ты вернёшься ведьмой.

Мы дошли до машины, допили из канистры остатки воды и поехали домой. Иван сказал, что едем все к нему, там ужинаем, составляем план на дальнейшие наши действия. Так как нам больше не было смысла жить в Выселках, мы решили, что ночуем там последнюю ночь. Утром Илья отвезёт Наташу на станцию, посадит на поезд, а мы переедем с палатками к Ивану.

Когда мы подъехали к дому Ивана, уже начало смеркаться. К нашей великой радости, у ребят была натоплена баня. Они ещё натаскали воды в бочки. Мы все перемылись и поели наваристого борща. После таких удовольствий, на обсуждение планов у нас не хватило сил, и Иван отвёз нас к палаткам.

Глава 5. Книга

Мы расползлись по своим спальным местам. Записывать я ничего не стала, всё оставила до утра. Даже не помню, как провалилась в сон. Проснулась я от того, что в бок мне что-то впилося. Я, спросонья, пошарила рукой и наткнулась на какую-то книгу. Достала её и откинула в сторону. Потом сквозь дремоту подумала, что никакой книги раньше у меня не было в палатке. Я приподнялась и взяла её, поднося поближе к глазам. Уже светало, и я ясно прочитала название: «Дар духов. Сила твоего слова». Откуда она? У нас точно её не было. Когда и кто её сюда положил? Я надеюсь, что это произошло тогда, когда мы были в провале. И ещё больше надеюсь, что ни тогда, когда я спала. Сон с меня моментально слетел. Внезапно меня озарило – эта та вещь, про которую мне сказала хозяйка. Я вылезла из палатки, развела костёр и поставила на очаг чайник с водой.

Сев на табуретку, я взяла в руки книгу. Книга на вид очень старая и потрёпанная. Коричневая кожаная обложка в нескольких местах была вытерта до серого основания. Переплёт тоже переживал свои не лучшие дни, по краям его торчала бахрама из серых ниток. Напечатана она была на жёлтой бумаге, довольно крупным шрифтом. Фамилии автора не было. Просто было написано чёрными буквами название. Я

открыла первую страницу. Название главы было: «Пути духов». И в первой строчке было написано: «Если ты держишь в руках эту книгу, значит, она тебя нашла. Она будет с тобой, пока не уйдёт к другому. Не читай вслух. Не рассказывай никому. Всяк читающий видит свою историю». Вот так дела! Меня, конечно, теперь сложно удивить. Я видела изменчивый текст на вековом камне и каменные волны неподвижные, но живые, видела небеса с застывшими печальными голосами. Но то, что случилось дальше, не поддаётся логическому объяснению, просто никакому. Только что я сидела и с интересом разглядывала книгу, а потом я бессознательно её отложила, как будто её не было вовсе. Я совершенно забыла про неё! Я пошла на речку и искупалась в прохладной воде. Когда вернулась с речки, с удовольствием попила чайку, поставила варить кашу, насладилась в полной мере прохладным тихим утром, потом залезла в палатку и стала записывать все события вчерашнего дня. Примерно через час проснулся остальной мой коллектив, и я ещё раз с ними сходила на речку. Потом все вместе поели кашу. Мы все ходили возле книги, но никто из нас не обратил на неё внимания. Потом мы попрощались с Наташей, Илья с Дениской повезли ей на станцию. Вернулись оттуда. Приехал Иван, мы стали собирать наш лагерь к переезду. Я даже не заметила, когда положила в свой рюкзак книгу. Я увидела её только на следующее утро. Она опять меня разбудила меня в 4 часа. Книга, как будто, сама выбирала, когда о ней помнить, а ко-

гда забыть. Но буду описывать всё по порядку.

Когда мы приехали к Ивану, мы раздумали ставить палатки. Его практиканты захотели спать в сарае на сеновале. Дениска тоже там с ними устроился. Мне Иван уступил свою спальню, в которой и места-то было, чтобы вошла одна кровать и малюсенький столик у окошка. Они с Ильёй расположились в другой комнате, которая служила одновременно и столовой, и кабинетом, и библиотекой. Илья занял большой диван с круглыми кожаными валиками, а Иван – полати у печки. Большую русскую печь Иван летом не топил, для готовки пищи у него в кухоньке была маленькая электрическая плитка, а во дворе, под навесом, стояла железная печка. Цивилизация дошла и до него, так как в дом у него со скважины была заведена труба, и вода у него была круглый год. За домом у него был вырыт колодец, но он им редко пользовался, говорил, что со скважины вода вкуснее. Про семью свою он рассказывал мало и неохотно. Сказал только, что жена от него ушла сразу же, как только дочку замуж выдали, объяснив это тем, что надоело в лесу жить. Уехала в город, там у неё мать ещё жива. А Иван без леса не может, он в городе никогда не будет жить. После обеда Иван с практикантами загрузили ящики с саженцами и мешки с удобрениями в Уазик, и они уехали на плановое лесовосстановление. Мы поехали в Лепихино за продуктами.

По дороге Илья нам с Дениской сообщил, что насчёт Наташи у него серьёзные планы, поэтому, когда мы вернёмся в

город, он найдёт хорошую работу, ну и так далее. Дениска на это ему резонно, как опытный в таких делах человек, сказал:

– Если будешь заботиться не только о себе, и цветы ей дарить, не забывать о её дне рождения, может у вас что и получится.

– Как мать твоя говоришь, той раньше тоже всё цветы подавай, – буркнул Илья и, подумав, добавил – как будто, я сам не знаю.

На обратном пути из магазина мы заехали в гости к Анатольевичам. Фрида Анатолевна стояла с соседкой возле своих ворот. Когда увидела нас, радостно сказала:

– Вон наши археологи приехали, мы уж беспокоиться начали, думали, что даже за продуктами что-то не едут. Дед каждый день про вас вспоминал. Хотел сам к вам идти. Да я его не пустила, что, говорю, мешать им, как освободятся, приедут.

Павел Анатолевич был в огороде, но услышал, как мы приехали, сразу свернул все свои полевые работы и мы пошли в дом. Фрида Анатолевна усадила нас за стол, начала доставать всяческие деревенские разносолы. Оказывается, грибы уже пошли, они с дедом сходили в ближайший лесок и нарезали их целое ведро. Жарёнка вышла на славу. Павел Анатолевич про каждый гриб целую оду нам рассказал, как увидел, как подошёл, как срезал. Мы, в свою очередь, рассказали о том, что дом наш обвалился, и мы переехали к леснику. Рассказали про провал, ну, естественно, что мож-

но было рассказать, чтобы нас не приняли за сумасшедших. Павел Анатольевич выслушал нас и говорит:

– У нас тут тоже ситуация случилась. Сосед наш, Егоров Радик, пошёл два дня назад в лес ружьишко пристрелять, ушёл далеко, за старую переправу, чтоб значит, выстрелами старух не пугать. Так вот, повесил он мишень на сосну, прицелился, а с боку что-то мелькнуло за кустами. Он опустил ружьё, стоит тихо, слушает. Собаку свою он дома оставил. Не охотничья у него собака, от выстрелов пугается. Кусты, значит, шевелятся немного и, как будто, сопит кто там. Радик, понятно, приглядывается. И показалось ему, что там медведь. Летом медведь не опасный, он там ягод всяких наестся, сытый, но совсем безобидным, понятно дело, его не назовёшь, зверь всё-таки. Он, потихоньку, стал пятиться, сделает шаг – прислушается. Сделает ещё – опять прислушивается. Допятился по толстой сосны, встал за ней и выглядывает, значит, наблюдает. Стоял он так, наблюдал, вдруг, слышит, вроде человеческая речь. Прислушался, точно, слов не разобрать, но говорит точно человек. Мужской голос. Он обрадовался, понятно дело, вышел из-за дерева и пошёл к кустам. А чё ему бояться, в конце концов, он же с ружьём. Свои деревенские его все знают, не испугаются, ну, а если пришлый какой, так вот он и выяснит, кто там прячется. Подходит он к кустам, только за ветку взялся, чтобы откинуть, а оттуда на него харя звериная взглянула, пасть разинула, он отшатнулся, а она отскочила дальше в лес. И снова затаилась. Он пал

на землю и лежит. Потом немного прополз на животе. Ползёт он, значит, перед собой ружьё толкает. Понять не может, что за зверь. Понял только, что крупный, почти с медведя. А по морде не понял. Говорит, не видел раньше такого. Там, куда зверь отпрыгнул, тишина. Радик тоже тихо лежит, удары сердца считает. Лежал так минут десять. Решил выстрелить в дерево, поднять медведя, или кто там, отпугнуть его от деревни. Прицелился в березку, которая над кустами, и пальнул. Кусты зашуршали. По звуку определил, к нему шаги. Он аж похолодел. Если зверь не испугался выстрела, тут уж как судьба. Да. Подскочил он, ружьё перед собой держит, палец на спусковом крючке. А сам трясется, как нырковая утка. А из-за кустов мужик немолодой выходит. И говорит ему, что, мол, ты в людей стреляешь? Радик поначалу растерялся, а потом отвечает: «я, говорит, там медведя видел». А тот как захохочет, откуда тут медведи. Их тут сорок лет уже не видали. Отвернулся от Радика и обратно в лес, быстро так. Потом повернулся и говорит Радика, чтобы тот передал привет Петьке Пустовалову. А Радик ему в ответ, ты чё, дед, его уж столько лет нет в живых. А тот ему, опять со смехом, а вдруг придёт, так ты ему передай, не забудь. Радик от этих слов похолодел весь. А ещё, этот мужик, вроде, как в дыму был. Только мужик скрылся за деревьями, Радик припустил в деревню, аж мишень свою на дереве забыл. Вот. А когда он нам про это рассказывал, вдруг замолк на полуслове, помолчал, потом и говорит, что с испугу сначала не понял, а сей-

час вспомнил, что лицо ему показалось знакомым, не могу, говорит, только вспомнить, но точно знаю, что где-то видел его.

Мы слушали, затаив дыхание, Потом Илья спросил:

– А Радик любит выпить? Может он выпил, заснул в лесу и ему это приснилось?

Павел Анатольевич замотал отрицательно головой:

– Нет, он уже лет десять в завязке, как прихватило его один раз зимой, что он чуть ноги не отморозил, так после этого в рот ни капли не берёт. Нет, не пьёт. У него и хозяйство большое, считай три коровы у них, индюков держат. Ему, знаешь ли, некогда пить. Как в пять встанут со своей женой, Ленкой, так и до позднего вечера. А он ещё работает на лесопилке, в соседнем посёлке. На велосипеде ездит летом туда. А это восемь километров. Зимой-то за ним бригадир заезжает. Ценят его. Вот. Дочка у него, школу в следующем году заканчивает. Они ещё одного ждут, пополнение в сентябре у них будет.

– Так он вспомнил, на кого мужик похож? – спросила я – Может ему фотографии показать, память чтоб освежил.

– Какие фотографии?

– Так у вас, наверное, сохранились какие-нибудь старые фотографии ваших односельчан.

– Да кто нас фотографировал? Это сейчас, внуки к нам приедут и давай нас фотографировать, то нас, то вон бабкины пирожки, то тузика, всякую хрень. Я их спрашиваю,

зачем столько фотографируете. А они мне, на память, дед. Можно подумать, нас с бабкой не станет, так они её пирожки будут рассматривать.

– А сколько Радику лет?

– Так он помладше будет нашего Толика, ему где-то лет сорок. Говорит, чуть не поседел, когда вместо медведя мужика увидел. А, ещё говорит, что мужик этот был одет в пиджак чёрный и штаны армейские.

– Да, странно всё. – Илья покачал головой – Чем больше мы про вашу деревню узнаём, тем быстрее хочется уехать отсюда.

– Ну, запугал дед совсем! – Фрида Анатольевна махнула на своего мужа рукой – А вас Татьяна хотела увидеть, знахаркина. Что-то там нашла ещё.

– Мы к ней заедем сейчас.

– Нет её дома, сегодня утром в районную больницу уехала, там заночует у свояченицы, сказала, что завтра приедет. Будет вам повод ещё к нам приехать.

Мы у них ещё с полчаса посидели, а потом отправились на нашу новую базу. Я растопила железную печку, поставила варить суп и картошку. Илья читал мои записи, а Дениска нашёл в сарае старый велосипед и пошёл кататься на лесную дорогу. Через некоторое время, Илья подошёл ко мне и спросил:

– Слушай, тебе не показалось, что этот мужик, которого Радик встретил, вполне мог бы быть Петром Помошко?

– Думаешь, что он восстал из мёртвых? Не слишком ли это невероятно?

– Не спору, невероятно. Но может душа его неупокоена до сих пор. И нам именно его нужно искать. Может тот предмет у него всё ещё. Вот он и мыкается, пытается вернуться, или что там он может делать после своей смерти.

– По-своему, это звучит логично. Хотя и страшно. Если это был не какой-нибудь грибник из города.

– А морда звериная? Такое не выдумаешь. И, по словам Петра Анатольевича, Радик тот не особо похож на сочинителя странных историй.

– Но кроме Радика, его никто больше не видел. И к дому своему он не возвращался. Мы же там были.

– А может он до нас возвращался туда, взял, что надо, и ушёл. Может, с того времени, прошёл уже десяток лет. Если он может появляться в разное время, где захочет, то его не просто будет найти.

– Странно то, что он привет передал Пустовалову. Тот ведь тоже умер. Зачем один мёртвый человек передаёт привет другому мёртвому человеку? Не вижу смысла.

И вдруг меня, как молнией озарило:

– Илья, надо Радика предупредить. Срочно!

– О чём?

– Не знаю, но у меня плохое предчувствие. Поезжай в деревню.

– Конкретнее можешь сказать? Ты что-то увидела?

– Нет, но я знаю, что ему надо быть осторожнее. Да поезжай же ты скорее!

– Оля, а что я ему скажу? Мне тоже не по себе. Но представь, я приеду к нему и скажу, что моя сестра считает, что ему надо быть осторожнее. Как это будет выглядеть?

– Илья, это не важно. Пожалуйста, просто его предупреди.

Илья с минуту постоял, раздумывая, но потом быстро пошёл к машине:

– Может, вместе поедem?

– Я суп поставила варить.

– Дениска где-то по дороге катается, ему скажем, чтобы он караулил твой суп.

– Хорошо, поехали.

Где-то через километр мы увидели Дениску, возвращающегося с прогулки. Он выслушал наши сбивчивые фразы, не особо понимая, что мы от него хотим, но кивнул и поехал к дому.

В Лепихино мы сначала заскочили к Петру Анатольевичу, взяли его с собой, чтобы он нам показал дом Радика. По пути я ему сказала о своих опасениях. Как ни странно, но Пётр Анатольевич принял мои слова серьёзно. Радика дома не было. Нам навстречу вышла его жена Лена с большим круглым животиком. Мы не стали её пугать, сказали, что Радик нам нужен для дела, не усложняя объяснение деталями. Она сказала, что он работе, на лесопилке. Дед знал, где она находится, и мы поехали туда. Мы подъехали к старому зда-

нию с выбитыми стёклами. Радик работал на большом ленточном станке. Возле станка лежала аккуратная пачка ровных и гладких досок. В цехе пахло свежим и влажным деревом. Шум стоял такой, что бесполезно было ему кричать. Но он нас сам увидел. Дед ему жестами показал, что мы к нему. Радик выключил станок, снял маску и подошёл к нам.

– Надо поговорить. – Сказал ему Пётр Анатольевич.

– Звучит серьёзно. – Усмехнулся Радик.

Мы представились друг другу, и вышли из цеха на улицу, где стояла длинная скамья с надписью «Место для курения».

– Радик, я чего приехал, – дед замялся – вот, учёные хотели с тобой поговорить.

Ну, дед, ну и помог! Да после его слов мои предчувствия будут звучать более чем странно.

Илья меня опередил:

– Не такие уж мы и учёные, по крайней мере, не все. Но это не важно. – Он взглянул на меня – Оля, давай ты, это же твоя идея.

– Радик, – начала я – я даже не знаю, поверишь ты мне или нет, но я должна предупредить тебя, что ты в большой опасности.

Радик повернулся ко мне, и недоумённо спросил:

– Да?

– Пожалуйста, просто выслушай. Ты волен мне не верить. Но сначала выслушай. Моя бабушка, перед смертью нам сказала, что за ней её тётка приходила. После этого она умерла.

Ты и сам наверно, подобные истории не раз слышал. Совсем отмахиваться от них не надо. В этом, определённо, что-то есть.

Он согласно кивнул. Я продолжила:

– Так вот, мы считаем, что ты видел Петра Ивановича Помошко, который умер в 1991 году. Ты же знаешь, какие слухи ходили о нём в деревне. Ну, вроде как, он с нечистой силой знался. С нечистой, или какой там другой, это на его совети. Но мы, когда приехали в Выселки, осмотрели весь его дом и нашли тайник с разными вещами. Так вот, среди разных вещей письмо было там одно, любопытное. Мы думаем, что написал его Павел Шилов, сын вдовы Шиловой. А в том письме он утверждает, что именно Помошко убил отца Андрея Пустовалова. А потом и Пашку, похоже, тоже убил Помошко. То есть он не просто плохой человек, он ещё и убийца, как минимум убил двоих человек. Ты про него слышал?

Радик резко повернулся ко мне:

– Я вспомнил! Это был он! Я видел его раньше несколько раз, он в контору к нам приезжал, я тогда ещё молодой был, только с армии пришёл. Лицо его я плохо помню. А взгляд такой не забудешь. Как волчара глядел из-под седых бровей, с какой-то ненавистью. Ему тогда уже было лет за семьдесят. Да, это точно был он, но только как бы помолодевший, лет так на пятьдесят выглядел. Поэтому я его и не узнал. Но взгляд, с которым он вышел ко мне... Я ведь, бывало, в разных ситуациях оказывался за свою жизнь. И на границе, по-

ка служил, на волоске от смерти висел. Но тут, конкретно, испугался до холодного пота.

– С ним очень много непонятных и странных событий происходило, пока он был жив, – продолжила я – но определённо, последствия его жизни аукаются и после его смерти. Будь осторожен. Мне больше нечего сказать тебе, Радик, но просто, будь осторожнее. И внимательнее. Мы у лесника остановились. Если что-то увидишь, или кто ещё его увидит, или просто странности какие-нибудь, то позвони, – я сходила к машине, достала блокнот и записала свой номер и номер Ильи, протянула Радику – По любому из них звони. Это мой номер и Ильи. Или приезжай.

Радик помолчал, потом достал из-под рубашки висевший на шнурке амулет, обмотанный красными нитками:

– Тётя Таня дала, говорит, чтобы я не снимал. Вам спасибо. От судьбы, говорят, не уйдёшь...

– Но бережёного бог бережёт. – Закончил Павел Анатольевич.

Мы попрощались, сели в машину и поехали. Радик стоял и смотрел нам вслед.

Мы высадили Павла Анатольевича возле его дома, а сами поехали к лесничему. Дениска нас не подвёл, суп был сварен и поставлен на стол под навесом, картошка тоже. Я взяла свой блокнот и села записать про то, как Радик встретился с Помошко, вернее с тем существом, которым стал Помошко. Не знаю даже, как его называть, ну не писать же, в самом

деле, что это дух Помошко. Вскоре к дому выбежал Полкан, за ним показался Уазик Ивана. Они приехали усталые, но довольные. Иван опять нам повторил, что с практикантами в этом году ему особенно повезло. И они, конечно, страшно проголодались.

Всей большой компанией мы расселись за столом и с удовольствием накинулись на суп и картошку. Я рассказала Ивану про Радика. Он его хорошо знал, поэтому к рассказу отнёсся очень внимательно.

После ужина, Иван подтопил баню, и практиканты первые пошли мыться. Мы снова собрались за столом.

– Так просто Помошко нам не найти, – начал Илья – мы же не можем за Радиком по пятам ходить постоянно. И нет гарантии, что он снова рядом с ним появится. Надо подумать, а зачем этот Помошко здесь? Если мы догадаемся, что ему надо, мы узнаем тогда, где его можно сцапать и отобрать предмет.

– Сцапать? Начать надо с того, каким образом можно его сцапать, прежде чем делать на него засаду. – Возразил Иван – Он ведь не просто человек. Вернее, он просто не человек. К нему нельзя подойти и схватить за руку. Он ведь мёртвый. А что мы про мёртвых знаем? Ничего. Тем более что он может появляться в разные временные промежутки.

– Просто путешественник во времени. – Сказал Илья – Вот и не верь фантастам. Тут похлеще дела.

– Он может на кладбище живёт, у своей могилы? – С про-

сил Дениска

– Или в доме, где он умер. – Я задумалась – А с другой стороны, у него больше нет дома.

– Дома у него больше нет, это правда, но деревня его родная осталась. – Возразил Иван – Он прожил в ней всю свою жизнь. По сути, ему больше идти некуда.

– Может в деревне на него засаду устроить? – Спросила я.

– Звучит как фраза «Это были их последние слова»! – Скептически произнёс Илья.

– А что, наверно, надо так и сделать! – Не обращая внимания на слова Ильи, поддержал меня Иван – Только мы должны вернуться к вопросу номер один – а как нам его задержать и отобрать предмет? Надо посоветоваться с Татьяной, тем более, у неё что-то для нас есть.

Мы ещё подискутировали, потом Иван пошёл в баню, за ним Илья с Дениской, а последняя пошла я. Когда я вышла из бани, в доме был уже выключен свет, а из сарая доносился хохот молодых людей. Меня встретил верный Полкан, проводил до крыльца, и я в темноте пробралась до своей кровати. Как всё-таки хорошо опять спать в человеческих условиях! И как мне надоело спать в палатке, этом ненадёжном подобии дома. Я закрыла глаза. Тихо тикали часики где-то в другой комнате, но была такая тишина, что стук их разносился по всему дому. Проснувшись я в 4 утра с мыслью, что надо заглянуть в книгу. Кто может знать всё о разнообразных духах? Конечно же, книга о духах, созданная в мире духов!

Я тихонько достала из своего рюкзака книгу, бережно положила её на колени и открыла на первой странице. На том месте, где я вчера прочитала предупреждение о неразглашении, было пустое место. Текст начинался ниже. Вот так. Значит, в книге исчезает то, что я уже прочитала. Похоже, фразу «Повторение мать учения» в нижнем мире не признают. Дальше я прочитала:

*Тот, кто хочет узнать тайны,
прежде всего, должен уметь их хранить;
и открывать то, что должно быть открыто,
и скрывать то, что должно быть скрыто*

*Соблюдай эти законы,
и пусть глаза твоего разума будут открыты,
чтобы понять тайны;*

*Используй Духов, которые тебе будут служить,
осторожно и обдуманно как своих Помощников*

И всю оставшуюся жизнь стремись не уронить свое достоинство,

Не трать времени даром, но употребляй его на пользу всем.

Приложи к делу свое умение, помни о своем призвании;

Сила Знаков и Имен Звезд не связана с их внешним обликом

или с произношением, а всецело зависят от силы и свойств,

которые даны им от рождения,

что верно как в отношении Имени, так и Знака.

Если открыто имя, тогда открыты и настоящие свойства и природа вещей,

*порядок и гармония созданий, видимых и невидимых
чтобы использовать их,*

вызвав эти свойства на свет из тьмы.

Ты должен узнать имена Духов,

их предназначение и пределы власти,

*каким образом они подчиняются и используются,
чтобы помогать тебе.*

Я закрыла книгу и убрала в рюкзак. И сделала я это не потому, что не хотела дальше читать, а потому, что это сама книга решила, что на сегодня достаточно. Я снова легла и закрыла глаза. Имя. Надо узнать имя. В моём волшебном сне хозяин не открыл мне своё имя. Видимо, в мире духов имя имеет гораздо большее значение, чем у нас, у людей. Но ведь у Помошко есть имя – его зовут Пётр. Так, стоп. Но ещё есть сущность, которая тоже сидит в Помошко, подчиняя его и заставляя делать мерзости. Лихоимка? Да. Не знаю почему, но я знала, что это именно то имя, которое теперь навсегда связано с Помошко. И что нам это даёт? Как его уничтожить? Исполнить какой-то колдовской ритуал? Или прочитать определённое заклятие? Да, надо прочитать определённое заклятие. Все наши оставшиеся артефакты у Ильи в машине. Достану, когда все проснутся, не буду сейчас топтаться. Странно, но я до последней строчки запомнила весь

текст, который сегодня я прочитала. Он у меня был перед глазами, как фотография. Я могла спокойно снова и снова пробегать по нему, перечитывать. Удивительная книга! Но ещё написано, что кроме имени надо знать предназначение и пределы власти. Предназначение. У Лихоимки нет предназначения, но оно есть у духа, которого Помошко пленил. А когда я была во сне, и снегурочка завела меня во двор перед домом, в котором меня встретил хозяин, там был кровавый дождь, вместо обычного дождя из воды. И ещё. Было окаменелое море перед башней. Значит, этот дух каким-то образом связан с водой. Значит, этот дух может на земле быть связан, например.... Например, с колодцем! Я, почему-то, сразу вспомнила сидящее на цепи возле колодца несчастное полено и, на минуточку, мне даже стало его жалко. Я схватила блокнот и стала быстро записывать:

1. Проверить колодец в Выселках.

2. Узнать есть ли заговор у Татьяны на уничтожение Лихоимки.

Про пределы власти я не стала даже думать. Как говорила хозяйка башни: «Всему своё время».

Илья и Иван встали рано. Илья сразу начал копаться в Узике, а мы с Ильёй готовить завтрак на всю нашу немалую компанию. Парней на сеновале еле добудились, они, похоже, полночи болтали. Илья со своей командой с утра собрались ехать на лесопосадку, Денис вызвался с ними помогать. Обедать приедут сюда, а после обеда Практиканты на Узи-

ке снова уедут в лес, а мы вчетвером поедem в деревню к Татьяне.

Илья пошёл мыть посуду, я прибралась в доме. Потом села за свои записи, Илья достал журнал «Наука и жизнь», и стал его изучать.

– Знаешь, Оля, спасибо, что ты взяла меня с собой. Не поверишь, но я, словно заново начал жить. Совсем по-другому. Не смейся, но я теперь знаю, что земля наша не какой-то шарик из грязи и пыли, а живая и загадочная планета.

– Сейчас последует «но»?

– Нет, не последует. Беден наш язык. Вот я думал сказать всё это тебе по-другому. А вышло как-то коряво.

– Нормально вышло, я поняла тебя. Я тоже задумалась о том, что мы все из этой поездки вернёмся другими. Хорошо это или плохо, ещё не знаю.

Так, болтая ни о чём, сидели мы, далеко от своего дома, в тихом уютном месте, которое за несколько дней нам стало таким родным и знакомым. Солнце изредка пряталось за маленькими весёлыми облаками, которые спешили по небу по своим облачным делам.

В обед приехали наши труженики, голодные и весёлые. Рассказали, что Полкан пытался вырыть то, что они садили, а именно – мелкие сосёнки. Они его отгонят, он отбежит недалеко, затаится, только они отвлекутся, он опять давай лапами саженыцы вырывать. Ивану даже пришлось закрыть его в машине. Полкан слушал, отвернувшись, будто это не про него

рассказывали. После обеда, пока я мыла посуду, остальные развалились на траве во дворе. Примерно через час парни сели в Уазик и поехали продолжать своё нужное дело, а мы поехали в Лепихино. Полкана оставили сторожить дом, хоть он и показывал всем своим видом, что готов ехать с нами.

Денис, молчавший полдороги, повернулся ко мне и виновато говорит:

– Тётя Оля, я ведь тогда не все фотографии свитка удалил.

– И что?

– Ничего, потом достал посмотреть, а там нет больше его.

– Фотографии нет?

– Фотография есть, на ней стол, а свитка нет.

Он достал телефон, показал мне фотографию. На ней был сфотографирован стол.

– Странно, – я задумалась – зачем тогда надо было мне говорить, чтобы мы все рисунки свитка уничтожили, если он и так сам с фотографий исчез?

– Я думаю, чтобы мы добровольно это сделали. А не так. – Он мне показал свою правую руку, на ладони у него был след ожога – Он у меня сразу же появился, как только я удалил фотографии, а одну решил оставить. Будто кто-то клеймо мне поставил.

– Ого. А ты уверен, что причина именно в этом?

– Стопроцентно. Как только ожог появился, я как будто приговор услышал. Нет, никто ничего не говорил мне, но я почувствовал это.

– Ну и дела.

– Тётя Оля, а когда ты была в нижнем мире, ты не хотела там остаться? – Денис внимательно посмотрел на меня – Это же, наверно, так классно, походить там, среди невероятных пейзажей, такого на земле не увидишь.

– Знаешь Денис, а я и не видела нижнего мира. Они мне показали только картинки, придуманные для меня. А какой он настоящий, я не знаю. И никто никогда не узнает. Может, весь мир их – это чёрная пустота, или мир кристаллов, или мир световых вихрей, или мир неизвестной нам энергии. Это мир постоянного движения, и в то же время, мир вечного покоя. Нам никогда не ухватить его суть.

– Но мне кажется это всё равно должно быть очень красиво.

– А вдруг человеческий взгляд не сможет оценить эту красоту? И потом, меня там не приглашали надолго остаться. Я просто удивлена, что меня на ночь-то там оставили. Им нужно, чтобы я совершила определённые действия, поэтому они меня, можно сказать, что просто напутствовали. Никакой лирики. Просто задание.

– Всё равно, я не хочу верить в это.

– Я тоже хочу верить в сказку, но нас туда не пригласят.

Тётя Таня была дома. Она развешивала выстиранное бельё на верёвку в ограде, рядом ходил её кот и тёрся спинкой об её ноги.

– Когда вы в тот раз уехали, я начала перечитывать пись-

ма от моей бабушки и деда. Они часто писали нам, но мама большинство писем сожгла. Но я нашла то, что вам пригодится.

Мы прошли в дом и расселись за столом. Она выставила на стол чайник и разнообразное варенье и печенье. До чего же гостеприимен русский народ! Голодным не уйдёшь. Татьяна достала из тумбочки несколько конвертов с письмами. Вытащила из самого пухлого конверта пожелтевшие листки:

– Это мой дед письмо написал мамке, сразу же после того, как они спешно покинули деревню. – Она развернула толстое письмо, быстро пробегая его глазами и начала нам читать – «Думал, вместе с нами уедете, поэтому не хотел я тебе говорить этого, да видно, придётся. Прошлый год весной, как только сошёл снег, пошли мы с ребятишками за берёзовым соком. Зашли в лес, сразу березу заприметили, проделал я отверстие, ребят оставил следить, а сам дальше пошёл. Смотрю, ещё хорошая берёза, я к ней, а возле неё снег ещё не весь стаял. Я наступил, провалился и упал. Рука, когда в снег ушла, наткнулась на что-то мохнатое. Я снег ногой разбросал, а там труп телёнка, наверно с осени ещё лежал. Всё тело его было исполосовано, как будто рвали его огромными когтями. Если бы напали волки, так горло бы было вырвано, да и от него одни кости бы остались. Когда вечером вернулись домой, мать твоя, как только мы зашли в ограду, нас окропила солёной водой с ячменными зёрнами. А поздно вечером сказала, чтоб, когда в следующий раз в лес пойду, сначала в

косяк ворот гвоздь забил. Сказала, что в округе злыдень появился, слышит она его. И ещё то, что его уже кто-то привёл за собой в свой дом. Я подивился, какой злыдень. А потом, летом, начала скотина в деревнях пропадать. То корова сгинет, то коза. У нас пропала молодая телушка. До поздней ночи я её искал, если бы не пёс, в жизнь бы не найти. Она была примерно в верстах четырёх от дома, также вся растерзана. Я заметил, что раны на всех задранных животных одинаковые, резано – рваные. Тот, кто это делает, сначала прорезает, а потом рвёт. Что я ещё заметил, когда мы находили мёртвых животных, так из них были вырваны сердце, селезёнка, лёгкое и вымя. Иногда, к тому времени, когда находили труп, он уже был обглодан дикими животными. А чаще всего, труп вообще не находили. Деревенские начали на нас коситься, думать, что мы это. Даже Василий Ефимыч, когда в магазине меня встретил, сказал, что до нас такого сроду не бывало. Когда я ему начал рассказывать, что сам понять не могу, кто это лютует, он только отмахнулся» А вот письмо мне мамка диктовала, это уже году в шестидесятом было написано, то есть лет через двадцать, как они уехали. Но почему оно не отправленное у нас лежит, не помню. Скорее всего, забыла я тогда про него. Вот что моя мамка мне диктовала:

« А потом случилось вот что. За мной прибежала девчонка малая, вся в слезах, из Выселок. Говорит, что отец избил её мать, та лежит, стонет и трясётся вся. Я собралась и пошли мы с девчонкой, а уже вечерело. Я Андрею говорю, не жди,

потемну обратно не пойду, заночую у них, а утром вернусь. Я, когда в дом к ним только зашла, сразу почувяла неладное. Поняла я тогда, кто за собой злыдня привёл и в какой дом. Но делать нечего, помочь надо бедной женщине, очень сильно ей досталось, просто места живого не было на ней. Начала лечить, а у самой руки холодеют. Зажгла свечку заговорённую и с божьей помощью, отпоила больную, та уснула. А потом вернулся хозяин дома, глянул на меня и говорит, чтобы уходила. А я ему отвечаю, куда я, на ночь глядя, уйду, посижу тут ночь, а утром и уйду. Он мне, ну смотри, сама так захотела. Повернулся и ушёл из дома. Сижу я возле кровати, дремать уже начала. И мне показалось, что на груди у Лидии сидит тёмный кто-то, а потом почувствовала, как ноги начали мёрзнуть, будто в снег их опустила. Провела рукой над Лидией – да нет никого. Я встала и походила по избе. Хожу, а сама чувствую на себе чужой замогильный взгляд, и страх начал сжимать моё сердце. Сжала в руке я свой оберег и начала молиться. Вдруг кто-то меня в спину толкнул и я упала на колени. Прежде чем потерять сознание, привиделось мне, что кто-то чёрный надо мной склонился, а глаза у него горят как уголья. Очнулась я под утро. Прислушалась. Достала свечку свою заговорённую, зажгла её и пошла по дому, углы осеняя. Только дошла до угла возле печи, раздался вздох, и свечка зачатила, я руку засунула в щель между печкой и стеной и пальцы наткнулись на свёрнутую веревку. Я потянула её к себе, а на ней петля завязана. Пальцы у меня как

иголками начало колоть. Сильное проклятие я почувствовала на ней. И в это время в дом ворвался хозяин, я быстро сунула всё обратно. Он как накинулся на меня, что тут шарить ходишь. Я еле дождалась, когда светать начало, оставила девочке отвар, которым та должна была поить больную, и пошла домой».

– Не удивительно, что его не любили в деревне! – Согласилась я – Если он избивал жену, то почему милиция не вмешалась, соседи не заступались? Мне кажется, что в деревне всегда жили не равнодушные люди.

– Да заступались, и его предупреждали не раз! – Татьяна махнула рукой – Даже я помню это. И как Зинка вечно зарёванная в школу приходила. Учительница к нему не раз ходила сама и в школу вызывали его. И председатель к себе не раз вызывал. Он даже не обращал внимания на всё это. Жил как хотел. С ним особо никто и связываться то не хотел. Не помню, кто рассказывал, что он, как-то свою лодку отвязывал на реке, и чужую лодку отпустил, та и уплыла. Так вот, когда хозяин лодки, узнал и спросил, почему он не догнал и не привязал лодку, тот ему ответил: «Твоя лодка, ты за ней и бегай». А когда тот его попытался усостыдить, Помошко проходя мимо него, так толкнул его плечом, что у этого мужика почти год рука в плече болела и не поднималась.

Она достала ещё одно письмо:

– А вот ещё письмо, то же в этот же год пришло, но уже сама бабушка моей мамке нацарапала: «Прошу тебя, дочка

не ходи, не лечи его. Ему тяжело, потому что не раскаялся и греха на нём много. По нему уже звучит чёрный колокол. Сходи лучше к соседке его, которая за ним ходит, дай ей оберег от злого глаза и вели ей по дому разложить полынь. А как помрёт, камень на язык ему положите, иначе будет приходить. В тот тайник его за печкой не лезьте. И схрон его не доставайте, придёт время, кому надо, тот и достанет».

Она достала ещё один конвертик:

– А это бабушка написала, когда Помошки уже не было в живых, а его не стало в девяносто первом. Я думаю, что вас это больше всего заинтересует: «Помнишь, ещё старая бабка твоего мужа говорила, что Вьюшка была раньше полноводная, а потом враз как то обмелела. Так вот, к нам приехала погостить сестра моя Физа, из Перми, а ты знаешь, что ей многое открыто, я ей давно писала про то, как ты ходила к Помошко и как там напугалась. А она говорит, что Помошко этот, скорее всего, закрыл какой-то приток к Вьюшке, вот она и обмелела. А закрыть он мог его только подкладом, связав его. Надо найти связанный ручей, он пересох уже конечно, его трудно найти, но на нём должен остаться обруч от бочки и верёвка к нему привязанная. Ритуал этот раньше чёрные колдуны делали, когда хотели власть над водой обрести. Верёвку надо сжечь в костре, а вокруг солью посыпьте и за круг не входите. В костёр бросайте полынь, сосновые иголки, чертополох, что найдёте. После этого надо достать верёвку с петлёй, встать на перекрёсток в полнолуние

и ждать, когда за ней придут».

– Офигеть! – Дениска присвистнул – Даже подумать страшно, кто может прийти! – И затряс головой, будто невидимая муха кружила возле его уха.

– Зачем ему ручей закрывать? – спросила я

– Скорее всего, не ручей закрыть было его целью, а подчинить себе духа воды, чтоб тот его желания исполнял. – Ответила Татьяна.

– Что-то не очень похоже, что он лучше стал жить, после того как духа заполучил. – Илья вопросительно посмотрел на Татьяну – У него, вроде как, пропали сначала домашние животные, а потом и жена умерла, да и богатства у него не было. Остаток жизни в одиночестве доживал.

– Да, всё правильно. – Ответила Татьяна – Он своё колдовство сотворить то сотворил, а что дальше-то делать? Дух этот, скорее всего, является служителем Чернобога. Удержать его своею волею он не смог. Вот и получилось, что вместо того, чтобы ему силу дать, этот призванный помощник ещё и у него самого все соки высосал. Потому-то и не было больше в его жизни ни радости, ни покоя, метаться начал. Может под конец жизни своей он и хотел что исправить, да обратного пути уже не было. Так и получилось, что вместо богатства и здоровья получил нищету и болезни. Есть пословица про это – «Впросилися злыдни на три дня, а в три годы не выживешь!»

– Используй духов, которые тебе будут служить, осторож-

но и обдуманно, как своих помощников. – Процитировала я – И всю оставшуюся жизнь стремись не уронить своё достоинство. Я это где – то прочитала. Не помню, где.

– Вот-вот! – Согласно закивала Татьяна – Правильная книга.

– А кто такой Чернобог? – Поинтересовался Дениска.

– Мне мамка раньше говорила, что над проклятыми душами есть Чернобог. Она и сама, наверно, не знала кто он такой. Ей её мамка про него рассказывала, а той – её мамка. Может, в ранешные времена кто и знал кто он, да до нас не дошло. А может и к лучшему. Меньше знаешь, крепче спишь.

– Не всегда. – Ответил Иван.

– Верёвки с петлёй в доме точно не было. – Подумав, сказал Илья – Мы там на три раза всё обыскали. Даже со стен и потолка обшивку содрали. Но что удивительно, верёвку нам кто-то подбросил, она у меня в багажнике лежит. Но она без петли.

– Иван, посмотри у себя дома всё хорошенько. – Повернулась Татьяна к Ивану – Может она у вас, мамка могла отдать её твоему отцу, после смерти Помошко, чтоб он её припрятал до времени.

– Посмотрю, – кивнул Иван – но если она где и есть, то очень хорошо припрятана, раз я её за столько лет не нашёл.

– Значит, надо нам отыскать этот пересохший ручей, верёвку спалить, и дух этот на место возвратится? – Снова об-

ратилась я с вопросом к Татьяне, не веря, что так просто можно вернуть духа в нижние земли.

– Не знаю, возвратится или нет, врать не буду. Но, думаю, что попытаться надо.

– А как духов возвращают на место?

– Я про такое не слышала. Изгонять всякую нечисть, лишая её силы, это да, это делают знахари. А чтобы возвращать... – Татьяна внимательно посмотрела на меня – Если тебе надо вернуть кого-то, наверно, тебе и должны помочь те, кому это надо.

– Ну да. – Я вздохнула – А если дух этот привязан через какую-то вещь у нас здесь? Как вернуть эту вещь? Предположим, что это действительно верёвка.

– Вот, мамка моя же писала, что на перекрёстке верёвку отдать надо. В полнолуние. Мне кажется, что верёвка и есть тот предмет, которым его вызвали.

– Тётя Таня, а камень на язык положили деду Помошке, когда хоронили? – Спросил Иван.

– Не знаю, меня в деревне в то время не было. Но если предположить, что Помошко вправду сам перед Радиком объявился, то, скорее всего, не положили. Родных у него не оставалось к тому времени, дочка не приехала даже на похороны. Говорят, она ему так и не могла простить, что он мать бил. Так получилось, что хоронили его те люди, которых он всю свою жизнь презирал. Гроб сколотил Павел Анатольевич, могилу они вдвоём с Тимохой выкопали, соседки

поминки собрали. Кладбище у нас старое, поколений десять захоронено, но это был первый случай, когда могилу не на кладбище, а за оградой выкопали. От попа он отказался, не стал перед смертью исповедоваться, да и в доме у него ни одной иконы не осталось. Когда жена умерла, он их за огород выбросил. Мария, соседка его, их подобрала.

– Тётя Таня, а не знаете, он журналы какие-нибудь выписывал? – Вспомнил Дениска – Мы нашли целую сумку «Наука и жизнь».

– Нет вроде, к ним в деревню только газеты ходили. – Татьяна пожалала плечами, задумалась – Можно посмотреть амбарную книгу на почте, там записи ещё с пятидесятих годов все сохранились, кто и что выписывал. Можно сейчас сходить, взять ключ у Анны, продавщицы в магазине. Её мать на почте работает, а ключи у Анны держит.

– Татьяна, а кто у вас в деревне колдовством занимался? Помошко ведь не сам додумался о ритуале с затворением ручья?

– Никто. Только мамка моя умела лечить людей, заговоры разные знала, про других я ничего не знаю. – Она развела руками – Может и сам нашёл какие чёрные записи. Он ведь в деревню приехал ещё молодым. Один, без семьи. Поселился в доме, который много лет пустовал, прежние-то хозяева в город уехали после революции. Остался тут, работал конюхом. Нелюдимым-то он был всегда. Потом на Лиде Красниковой женился, она сиротой была, её Хвостовы приютили,

когда родителей её расстреляли.

– А Хвостовы в Выселках жили?

– Да. Верка Хвостова на соседней улице жила. Последние годы одна доживала.

– А прежние хозяева дома кто были?

– Не знаю, но очень много после них книг осталось разных, хозяин-то прежний то ли из ссыльных был, то ли из обедневших благородных.

– А жена Помошко, не могла знать про ритуалы?

– Вряд ли. Она всегда была такая незаметная, вроде как забитая. Хотя Хвостовы к ней, как к родной относились.

Татьяна повела нас к магазину, взяла у продавщицы ключи от почты. Почта была в соседнем доме. Тут же был фельдшерский пункт. Мы открыли замок и зашли в маленькое помещение почты. Стойка посреди комнаты отделяла место для посетителей от небольшого столика с ящиками формуляров, позади которого возвышались старые и покосившиеся массивные шкафы. Татьяна открыла дверку шкафа и достала толстенную амбарную книгу, на которой неровными выцветшими буквами было написано «Печатные издания».

Мы начали листать засаленные страницы, которые вмещали все сведения о том, как тянулись местные жители к просвещению. В основном, жители выписывали газеты «Правда» и «Известия». Ближе к семидесятым годам стали появляться журналы «Крестьянка», «Работница», «Роман-газета» и газета «Сельская жизнь». А вот и «Наука и жизнь».

Только один человек интересовался наукой и жизнью в Лепихино – это был Алексей Николаевич Петров. Он выписывал журналы девять лет.

– А кто он такой, этот Алексей Николаевич?– Спросила я.

– Так это тот Лёшка, которого Сёмка, сожитель Шиловой, избил, когда он увязался за ними в провал.

– То есть, он что-то увидел, или услышал, и поэтому призывал в помощь науку, чтобы объяснить необъяснимое? – Илья переписал его данные себе в блокнотик – А он всё ещё живёт в Лепихино?

– Нет, – ответил ему Иван – он умер два года назад. Но у него здесь живёт внук Виталий Александрович с женой Анастасией. Надо заехать к ним, может какие записи остались. Дневник, может какой вёл.

– И, главное, надо спросить, остались ли после него рисунки какие. Мне почему-то кажется, что это он нарисовал лес. – Я предложила – Давайте сейчас к нему поедем?

– Поехали, чего откладывать! – Согласился Иван. – У него сейчас каникулы, дома он. – После того, как поймал мой удивленный взгляд, объяснил – Он директор Лепихинской начальной школы.

Дом у Виталия Алексеевича был самый большой в деревне, и сразу видно было, что хозяин своё хозяйство ведёт умело и с любовью. Аккуратный заборчик, покрашенный серой краской, окружал обитый тонкими дощечками светлый дом с тремя огромными окнами, выходящими на улицу. Ворота

были тоже под стать дому – высокие, резные, окрашенные в коричневый цвет. Калитка в воротах была оборудована электрическим звонком, который попытался сыграть нам вальс Штрауса. Хозяин вышел в цветных ярких шортах и в кепке с большим вышитым долларом на лбу. Широкая улыбка расцветила его добродушное лицо, когда он увидел Ивана:

– Заходите, заходите, всегда рады! – Он пожал руку и похлопал Ивана по плечу, кивнул головой Татьяне, потом повернулся к нам, и Иван нас представил – Очень приятно, очень. И что это за экспедиция такая, что директор школы об этом не знает? Мы бы вам с удовольствием помогли, у меня вечная забота – не знаю чем своих школяров летом занять. А тут бы сразу двух зайцев! Всем хорошо.

Он провёл нас к большой веранде, увитой диким виноградом. Сад, который располагался рядом с домом, был очень ухоженным. Ровными рядами росли цветы, стояли побелённые деревья с обеих сторон аккуратной бетонной дорожки. Газончики, которые окружали веранду, были подстрижены и политы. Просто рай земной.

– Хозяйки у меня дома нет, вчера уехала к сыну в город, понянькаться с внуками, поэтому могу предложить только чай, потому как сам сейчас хожу обедать к сестре.

Мы отказались, сославшись на то, что сами из гостей и только из-за стола. Он заметно обрадовался.

– Виталик, мы вообще-то к тебе по делу. – Сразу начал Иван – У тебя от деда не осталось ли каких записей или ри-

сунков?

– Каких рисунков? – Насторожился Виталий Алексеевич.

– Любых рисунков и записок.

– А зачем вам?

Илья вытащил из своего пакета листок с нарисованным лесом и протянул его Виталию:

– Это тебе знакомо?

Виталий Александрович покрутил листок в руке, не особо всматриваясь в рисунок, и, нехотя сказал:

– У нас такими целые тетрадки изрисованы. А у вас откуда?

– Мы нашли в разрушенном доме в Выселках, где раньше жил Помошко, целую стопку журналов «Наука и жизнь», которые ваш отец выписывал, вот из одного он и выпал.

– Понятно. Да, были какие-то, ты ведь знаешь, он не совсем в своём уме был, особенно в последние годы. Вечно какие-то идеи, предположения одно хлеще другого. Порой такую ахинею понесёт, мы с мамкой только переглянемся и стараемся его отвлечь, чтобы не очень распалялся! После его смерти, мы часть в печке спалили, а часть у меня Сашка на чердак перетаскал, всё рассматривал их.

Я попросила:

– А можно посмотреть?

– Посмотрите. Дед вообще у меня очень странный был. Вроде и грамоты-то всего на семь классов, но любознательности и интереса ко всякому такому, научному, а ещё боль-

ше к эзотерическому было, хоть отбавляй. Мне пытался, пока я мальчишкой был, втюхать о своём опыте внетелесных путешествий. Иногда, правда, и дельное что мог сказать, но это было редко. Всё что-то записывал, рисовал. Журнал этот, «Наука и жизнь», много лет выписывал.

– А как журналы оказались в Выселках? – Спросил его Илья.

– Так он сам с ними к Петру Ивановичу и поехал, попросил, чтобы его мой батя на мотоцикле туда увёз. А вечером без них пешком вернулся. Нам сказал, что его Помошко выгнал. А журналы он оставил у Марии Пустоваловой. Хотел потом забрать, да так и не собрался.

– Он с Помошко, значит, общался? – Снова спросил Илья.

– Да не особо так. С Помошкой, вроде, вообще никто не общался. Вернее, Помошко ни с кем не общался. Но дед в Выселки и после смерти Помошко несколько раз ходил. Даже, как-то раз мне сказал, что видел Помошко и разговаривал с ним. Мы, конечно, покивали, да мол, хотя Помошко уже и в живых-то не было. А вы, почему заинтересовались этим Помошко?

– Мы в его доме нашли некоторые артефакты старинные, хотели бы проверить некоторые свои заключения о них.

– Понятно, ну что, пошли! – Он кивнул Дениске – Слазишь к нам на чердак, там, в коробке свалены все его оставшиеся бумаги. Забирайте. Если не пригодятся, тогда обратно привезите. Пусть, как память, о деде останутся.

Дениска сползал на чердак и вытащил большую коробку, в которой навалом лежали тетрадки, книги и отдельные листки, исписанные мелким почерком. Мы всё это погрузили в машину. Попрощавшись с Виталием Александровичем, мы отправились в Выселки, с миссией «Проверим, как там наше полешко». Заехали в магазин, купили продукты. На выезде из деревни, мы встретили Радика на велосипеде. Мы остановились, поинтересовались, не произошло ли с ним каких-то новых событий, но, слава богу, ничего у него не произошло. Мы поехали дальше.

Наше полешко лежало, как мы его и оставили. Выглядело оно одиноко и грустно. Мы походили по деревне, но ничего нового в наше отсутствие не случилось. Мы подошли к дому Помошко, который рухнул накануне. Печка была, в основном цела, правда к ней сложно было подобраться. Мы раскидали стропила, оттащили их к огороду, покидали доски на них, балки потолочные. Дениска залез на печку, скинул оттуда кучу тряпок, я их все перетрясла, но ничего нового мы так и не нашли. Снова и снова искали мы среди обломков и хлама, надеясь найти верёвку с петлёй. Но, похоже, запас удачи на сегодняшний день был исчерпан.

Потом мы пошли купаться на речку, чтобы смыть с себя пыль и песок от развалин. Долго сидели на берегу, любуясь бликами на воде и, склонёнными к самой воде, тонкими ивами. Дениска сбегал на гору позвонить маме. Та уже начала беспокоиться, вроде собирались мы всего на недельку, а по-

шла уже вторая неделя. Но, вроде, он её успокоил.

Приехали мы уже почти в девять. Ребята, не дожидаясь нас, поужинали и гоняли мячик. Мы тоже перекусили, и к игре присоединился весь мужской состав нашего отряда. Полкан тоже пытался завладеть мячом, и у него это, почти всегда, получалось. Я села под навесом и записала результат всех наших сегодняшних поездок. Потом подул сильный ветер, который нагнал на небо тучи, и начали падать крупные капли. Мы все собрались под навесом, достали коробку с бумагами Алексея Петрова и начали их разбирать. Интересы у Алексея Николаевича были очень разнообразные. Не было на свете темы, на какую бы он не размышлял. Первое, что мне попало, были его записи о комарах. Оказывается, что комары ежегодно убивают около миллиона человек, а малярия – болезнь, которая вызывает наибольшее количество смертельных исходов. Он вывел, что каждый час от укусов комаров погибает сотня человек. На другом листке, он нарисовал орбиту Плутона, красными буквами на ней подписал: «Для полного оборота ему требуется 248 лет». И внизу ещё запись: «с момента открытия этой планеты в 1930 году, он так и не успел сделать даже один оборот вокруг солнца, следующий оборот в 2178 году». Дениска тоже очень заинтересованно просматривал записи. Потом нам сообщил, что если взять и выпарить всю соль из Мирового океана и насыпать её ровным слоем по суше, то его толщина будет сто пятьдесят два метра. Мы долго читали друг другу разные за-

нимательные факты, некоторые записи были с иллюстрациями, что получалось у него очень не плохо.

Наконец, Илья протянул мне тетрадь:

– Смотри, видишь, выдрана страница. Я думаю, что здесь был нарисован твой лес. Потому, что на следующей странице снова такой же лес, только он с какими-то висюльками.

Я взяла тетрадь и посмотрела на рисунок. На нём были всё те же деревья, с пальцами на стволах, только имели этих пальцы с десятков фаланг, и оканчивались они тонкими длинными перьями, рисунок был заключён в какую—то неровную сферу.

– Таких деревьев, точно, не было в моём сне.

– Может, это следующее их преобразование. Ты ведь сама говорила, что пальцы начали вылезать из ствола и шевелиться. – Илья передёрнул плечами – Представил, на минутку. Листай дальше. Откуда, всё-таки, он про этот лес узнал?

Я перевернула страницу. Там в столбик были записаны четырёхзначные цифры.

– И кто у нас силён в математике? – Спросила я – Это что ещё за шифровка «Центр-Юстасу»?

Мы разглядывали цифры, но ничего понять было не возможно. Я пролистала всю тетрадку, но там уже была другая тема размышления Алексея Николаевича. Там он рисовал какую-то машину на одном колесе, которое он за всех страницах пытался закрепить к трактору, чтобы семена равномерно падали в бороздку. Через некоторое время, в другой

уже тетрадке, мы нашли такую запись: «Он очень похож на наш мир, если не приглядываться к мелким деталям. Но появляются новые звуки, голоса, краски. Наверно, он не может надолго выйти из него. Его туда затаскивает». Дальше был полностью зачёркнутый текст, который невозможно было разобрать, как мы ни старались. Потом была ещё одна запись. Её можно было прочитать, но с трудом, так как буквы были неровными, уходили со строчек: «Надо с ним встретиться, он ещё может всё исправить».

– Похоже на то, что ему очень сильно врезалось в память то, что он когда-то увидел. И что значит, что «он не может выйти»? Из леса не может выйти? – Спросил Илья – Столько лет он помнил об этом, размышлял, пытался найти объяснение, и мне кажется, он даже пытался помочь этому Помошко. Но почему он никому не рассказал?

– Может и рассказал, да никто ему не верил. – В озразил Иван.

– Похоже на то, что он медитировал. – Предположила я – Скорее всего, он нашёл в журнале статью про йогов, где подробно был описан процесс медитации, и начал этим заниматься. И преуспел в этом. Другого объяснения я пока не вижу. Иначе как объяснить, что он понял, что Помошко может освободиться от той сущности, которую сам вызвал. Поэтому-то он и хотел с ним встретиться.

– Наверное, мы пропустили какую-то статью в журнале, которую Алексей Николаевич хотел, как доказательство, по-

казать Помошко. – Согласился Илья – Но зачем он все свои журналы потащил к Помошко?

– Может, статей было несколько. – Иван взял следующую тетрадку и начал её листать – Давайте досмотрим все его записи. Я тут вспомнил, как однажды, когда Виталик приехал на каникулы домой, он тогда учился в институте, а я ещё восьмой класс закончил, собрались с ребятами мы у них дома. Сидим во дворе у него, он нам рассказывает, как пытался шпаргалки запрятать на экзаменах, ещё там что-то смешное, мы все ржём. Тут выходит его дед с мотком проволоки, подходит к Виталику и говорит: «Размотайте-ка его, всё равно без дела сидите». Виталька спрашивает его: «А зачем тебе, дед, столько проволоки?» А он ему отвечает: «Хочу шлем сделать». Мы все прыснули, а Виталик ему: «Ты что, на войну собрался?». А он ему серьёзно так: «А я всегда на войне. И вам, молодым, не мешало бы иметь холодную голову. И хорошо, если она будет на плечах». Мы тогда ещё посмеялись над этими его словами. Эх, знал бы я всё наперёд, обязательно бы с ним поговорил.

– Так он сделал себе шлем? – Спросил Дениска.

– Не знаю, но проволоку мы ему тогда размотали. Он не только о мистике всякой думал, он ещё и изобретателем был. Ему один раз председатель даже премию выписал, он на ферме ловушки какие-то хитрые от хомяков сделал.

Мы ещё долго рассматривали его записи, пока не стемнело.

– Завтра надо идти в лес, искать ручей. – Илья отодвинул от себя исписанный листок – Иван, а на картах у тебя отмечены мелкие речушки?

– Речушки отмечены, а ручьи нет. Я возьму с собой ещё и старые карты. Видишь ли, иногда речки пересыхают, иногда меняют русло, когда рядом что-то строят, иногда так зарастают, что их не найдёшь, а бывает что и болота только от них остаются. Мы с отцом прямо на картах сами наносили эти изменения. Поэтому у меня много сохранилось карт, на которых исправлен контур лесов и речушек и, иногда, мы наносили и небольшие болотца, которые образовались от того, что ослабевали течения в мелких речках. И даты проставляли. Отец мой был уверен, что в том, что исчезают речки, виновато отсутствие сильных морозов. Он говорил, что если образуется толстый лёд, река, текущая под ним, вынуждена искать себе путь, вымывая осевший на дне ил. И хочу предупредить – поиски такого пересохшего ручья, могут занять не один день.

Я пошла спать, Илья тоже. Иван с ребятами так и остались возле коробки, снова и снова перебирая мятые тетрадки.

В четыре утра я достала книгу. Уже прочитанные листы, как я и ожидала, были пустые. Я открыла третью страницу, там была всего одна строчка:

Семь стихий, семь управителей ими

Следующий текст начинался с восьмой страницы:

Пятый управитель

Фул*****

Словом и действием превращает всякий металл в серебро, он управляет предметами луны. Он излечивает больных водянкой, даёт духов воды,

которые служат людям в телесном и видимом образе, и продлевает жизнь до трёхсот лет.

Главнейшие правила этой тайны

1. Каждый Управитель действует совместно со своими Духами,

сообразно своему назначению, всегда одним и тем же способом

2. Каждый Управитель способен делать то, что соответствует

Его природным умениям не так быстро, если материал требует

времени на подготовку, но он может действовать немедленно,

если подготовки не требуется.

3. Истинный маг может использовать все творения правителей. Истинный маг предназначен своему служению уже в утробе матери.

4. А самая страшная кара приготовлена для выскочек, которые хитростью и коварством вызвали себе Духа. Ни одному человеку не стоит вызывать того, кто ему не по силам, чтобы не привлечь к себе какого-нибудь злобного духа

из самого отдалённого района земли, который либо сведёт его с ума и обманет, либо приведёт его к гибели. Ждут их вечные мучения до конца времён, которым, мы знаем, никогда не будет конца.

5. Каждый знак, полученный от духа для определённой цели, эффективен только для неё и именно на конкретный период времени. Пользоваться знаком надо в определённый день и час, когда он был дан.

6. Для тех, кто верит и желает, возможно всё, но для недоверчивых и не верящих – ничего не возможно.

7. Отпуская Духа, когда он выполнил твою волю, или когда он отмытарил время своё на земле, скажи ему: Теперь ты можешь идти с миром и вернуться к своим делам

8. Слова твои да будут не многими, и никогда не торопись языком своим.

Я закрыла книгу, убрала её в рюкзак. Как всё просто, когда есть, кому всё растолковать. Итак, нельзя лезть туда, куда тебя не звали. Если у тебя есть дар – то пользуйся им, если нет – просто живи и не мешай жить другим. Помошко каким-то образом завладел знаниями, которые не были предназначены для него, чем только озлобил вызванного им Духа. Дух, появившийся из другого мира, просто терзал его, не дав ему ни несметного богатства, ни трёхсотлетия. Но вся беда в то, что Дух тоже оказался пострадавшей стороной. Помошко, как неумелый маг, не смог его отправить обратно. Не под силу ему было решить эти две задачи – освободить се-

бя от мести Духа и вернуть Дух на его законное место. Значит, как я поняла, Помошко до конца времен будет нести наказание за своё преступление. Но Дух, который мечется в нашем мире, если получит в полночь предмет, сковавший и вырвавший его из своей стихии, вернётся к своим братьям. Если вспомнить рассказ Ивана, про то, как они нашли окровавленную чурку, получается, что не просто так кто-то, или что-то, залезло к ним ночью в сарай. Потом я подумала, а почему мы не поискали вчера у Ивана верёвку с петлёй? Сегодня надо этим заняться. У меня такое чувство, что его отец взял эту верёвку и принёс домой, спрятав её в надёжном месте. Может, искали именно это?

Я еле дождалась, пока проснётся Иван. Рассказала, к какому выводу пришла сегодня утром. Он внимательно меня выслушал.

– Правильно, если верёвка находится здесь, то сразу становится понятно, зачем к нам в сарай той ночью залез Лихоимка.

Я вздрогнула от этих слов:

– А больше к вам в сарай никогда никто не забирался?

– Не помню такого. Да и сарай-то у меня всегда стоит открытым. Ворота только прикрываю, замок не вешаю. А зачем? Ничего ценного у меня там не хранится.

– Так может, верёвки с петлёй там уже нет? Поэтому и оставили сарай в покое.

– Да. Её вполне могли как раз в ту ночь, когда Стрелку

разорвали, забрать. Что гадать, парни проснутся, будем искать.

Я сварила на всех каши, Иван заварил чай. Когда все собрались за столом, я повторила всё, что сказала Ивану.

Илья, подозрительно поглядев на меня, спросил:

– Слушай, а как так получается, что каждое утро тебя озаряет? Вечером, значит, ты преспокойненько ложишься спать, а утром ты начинаешь генерировать идеи?

– Не знаю. – Честно ответила я – А ещё я сегодня знаю вот это. – И я выдала им на память про пятого управителя – А ещё «Тот, кто хочет узнать тайны, прежде всего, должен уметь их хранить». – Слова лились из меня без запинки, я как будто читала их с листа. Рассказав до конца всё, что я знала, я виновато улыбнулась – Но не спрашивайте меня, откуда, я не знаю. Вроде и знаю, но... не знаю.

Все смотрели на меня и, похоже, даже не жевали, пока продолжался мой монолог. Первым очухался Илья:

– Я предупреждал, что ты ведьмой вернёшься. Так и вышло. Осталось только на метлу сесть.

– Может, опять сон видела? – Иван внимательно на меня посмотрел – Во сне человек многое может запомнить, говорят, даже языки иностранные во сне изучают.

– Нет. – Твёрдо ответила я – Что-то другое. Не могу объяснить. Давайте не будем заикливаться на этом. Просто примем это всё как есть.

–Тётя Оля, а может вам в башне это рассказали, и теперь

постепенно всё это всплывает в памяти? – Спросил Дениска.

– Похоже, ты ближе всех к истине. – Подумав, ответила я ему.

После завтрака мы все пошли на поиски. В маленьком сарае вызвался искать Виктор, а все остальные пошли в большой сарай. Сарай был просто огромен – метров двадцать в длину, и высотой с двухэтажный дом. Посреди сарая стояла лесенка, сколоченная из тонких брёвен. Она вела на настил из толстых досок, который перекрывал половину сарая на высоте около трёх метров. Вдоль стен стояли разные бочки, какие-то лари, обломки телег, колёса всех диаметров, всякий другой инвентарь. На стенах сарая висели различные непонятные приспособления, верёвки, пояса, сбруи, сети. Похоже, хозяева никогда ничего не выбрасывали, по крайней мере, весь прошлый век. Дениска с Сашей залезли на настил и с таким рвением начали искать, что из щелей настила посыпалась требуха от сена. Мы перевернули весь сарай, заглянули в каждый ящик и мешок. Снимали с гвоздей все мешки, верёвки и вытряхивали весь хлам из вёдер и бочек. Ничего не нашли. Потом Иван отправил своих практикантов патрулировать участок, а сам залез на настил, чтобы ещё раз перепроверить там все самые укромные уголки.

– Не может быть, – вздохнула я, выйдя из сарая, и присев рядом с Ильёй на траву – я была так уверена! Ну, где ещё в этом сарае можно спрятать верёвку?

– Может он её зарыл? – Предположил Илья, он встал и

пошёл обратно в сарай.

– Ты что, хочешь его перекопать?

– Посмотрю сначала, может пойму, где копали.

– Но прошло уже столько лет, даже если копали, следы затоптаны, ты ничего не увидишь.

– Значит, перекопаю весь пол. – Упрямо ответил Илья.

– Я помогу ему. – Дениска кинулся вслед за Ильёй.

Я тоже пошла вслед за ними, снова заглядывая в бочки, лари, снимая и прощупывая все верёвки.

Вдруг сверху раздался радостный крик:

– Это она! Вот она!

Послышался резкий стук, Иван откуда-то спрыгнул и, с верёвкой в руках, спустился с лестницы. Верёвка была с завязанной петлёй. Мы подошли к нему и стали её разглядывать.

– Где она была спрятана? – Чуть ли не хором мы спросили Ивана.

– Она была затолкнута под крышей, между балкой и обрешёткой. Её ни с какой стороны не было видно, я обшарил под досками рукой и наткнулся на неё. Понятно, почему её, даже если и искали, не могли найти.

Верёвка была серая от пыли и мохнатая от старости. Петля на ней была завита так крепко, что не видно было второго конца, так плотно витки были обмотаны вокруг длинного конца.

Иван положил её в мешок и отдал Илье.

– Положи её в багажник. Будем её хранить как зеницу ока.

– Может дома пока закроем, целее будет. – Засомневался Илья – Мы всё равно в лес сейчас поедем. И не понятно, сколько наши поиски продлятся. Хотя направление мы знаем, если та карта, которую мы нашли в доме, правильно показывает направление.

Иван, поколебавшись, согласился и отнес мешок с верёвкой в дом.

На сборы у нас ушло немного времени, взяли с собой только воду и бутерброды. Надели сапоги и плащи – дождевики, так как всю ночь шёл дождь, и небо всё ещё было в тучах. Я взяла со стола пачку соли, помня о том, что если найдём завязанный ручей, надо будет совершить ритуал со сжиганием верёвки. Потом напомнила Ивану, что нам понадобится чертополох и полынь, и он достал с чердака пучки с сушёной травой и бросил их в рюкзак.

Иван нас обнадёжил, что после такого сильного дождя, скорее всего, будет легче отыскать все ручьи. Он собрал все свои карты в большой, выдавший виды, портфель, и мы сев в Уазик, снова отправились в лес. Не успели мы проехать и полдороги, как снова закапал дождь.

– Может, вернёмся? – П овернулся к нам Иван – Промокнем все.

Мы отрицательно замотали головами.

Машину мы поставили на том же самом месте, что и в прошлый раз. Сначала Иван развернул свои карты и долго

их изучал. Потом убрал их в портфель, который передал Дениске:

– Возьмём с собой. Пойдём вдоль Вьюшки сначала, по левому её берегу. Илья, дай мне ещё раз взглянуть на твою карту – Илья достал из своего рюкзака журнал, вытащил из него листок и протянул Ивану – Если предположить, что расстояние от провала до последнего крестика около пяти километров, то, как раз в этом месте, Вьюшка уходит на север. По моей карте, видим, что там в неё впадают два небольших притока, там и будем смотреть.

Мы, надев свои рюкзаки, отправились в сторону реки. Дождик всё моросил и моросил. Вымокли мы сразу, так как трава, по которой мы шли, была нам до пояса. Потом дождь стал сильнее, а вдалеке стало слышно раскаты грома. Полкан был похож на большого ёжика, с торчащими во все стороны слипшимися клочками шерсти. Он постоянно отряхивался, разбрасывая вокруг потоки брызг. Когда мы зашли в лес, идти стало легче, так как не было высокой травы, и дождь не так сильно нас поливал. До первого притока мы дошли за час. Русло его хоть и было довольно заросшее, но вода в нём была, хоть его и можно было пройти вброд, не боясь зачерпнуть сапогом воду. Вода в нём бежала достаточно быстро, и было понятно, что его никто не завязывал. До следующего притока мы пробирались через валежник. Мы с Дениской, оба, порвали свои плащи, а я ещё и оторвала от рюкзака одну лямку. Мы встали под большую старую берёзу, стоя переку-

силы и пошли дальше. В лесу было темно. Далёкие раскаты грома не обещали, что дождь кончится быстро.

– Дойдём до второго притока, если и с ним всё нормально, то сразу вернёмся домой. – Сказал на ходу Иван – Следующий раз пойдём, когда дождёмся сухой погоды.

Мы согласились. Действительно, никакого настроения ползать мокрыми по лесу у нас больше не было. В лесу мы нашли несколько красноголовиков, что хоть не надолго, но подняло нам настроение. Они были настоящими красавцами – на высоких ножках, с толстыми шляпками. Два гриба нашла я, один нашёл Дениска, один – Илья и Иван целых пять. Мы их аккуратно срезали и Илья положил их в свой рюкзак.

– По крайней мере, вечером будет грибница! – Позитивно сказал он.

Иван встал под дерево, взял у Дениски портфель и снова посмотрел карты.

– Мы прошли километра три от первого притока. Где-то здесь уже должен быть второй приток.

Мы пошли дальше. Впереди показалась дорога.

– Куда она идёт? – Поинтересовался Дениска.

– Мы почти дошли до следующей станции. Там, – Иван показал влево – железнодорожная станция Летка, километра полтора до неё.

Как бы в подтверждение его слов, мы услышали низкий гудок.

Мы перешли дорогу и прошли метров сто. Впереди, за гу-

стыми кустами мы наткнулись на овраг и Иван сказал, что это и есть русло притока. По дну оврага бежал ручеёк. Глубина его в этом месте была не больше десяти сантиметров.

– Не похоже, что он перекрыт. Но с другой стороны, в нём может быть вода только потому, что идёт дождь. В сухую погоду его может совсем не быть – сказал Илья.

– Раньше он был намного глубже. – Иван присел возле ручья и опустил в воду руку – Мне кажется не меньше метра. Мы с отцом его переходили по поваленному дереву. – Он поднялся – Предлагаю вернуться домой, а завтра доехать до Летки, проехать по грунтовке, которую мы перешли, и уже отсюда дальше идти пешком.

– Может, всё-таки дойдём до истока? Вдруг там перекрыто? Ведь ты сам говоришь, что раньше он был намного глубже. – Я посмотрела на Ивана – Ты же сказал, что до следующего крестика километров пять от провала. А это как раз здесь. Мне кажется, нужно проверить.

– Это твоя интуиция? – Спросил Илья.

– Не знаю, просто мне так кажется.

– Ну что ж, пошли, проверим – Иван отдал свой портфель Дениске – Может, ты и права. Там выше, километра через два, скалы. Дойдём до них. Если и ставить где замок, то лучшего места не найти.

Мы не стали отдыхать, хоть все уже изрядно умучились, а пошли вверх вдоль ручья. До скал, как оказалось, идти не два километра, а вдвое больше. Зато немного посветлело,

и дождь стал не таким сильным, потом и совсем перестал. Только с потревоженных веток на нас ещё долго срывались холодные капли.

Скалы мы увидели, только тогда, когда вплотную дошли до них. Седые, поросшие мхом и обсыпанные хвоей, они тяжело нависали над руслом, по которому пробивался ручей. Какое-то напряжение витало в воздухе. Мне показалось, что мы тут не одни. Первым высказал общую мысль Дениска:

– Как то тут нехорошо, вы это тоже чувствуете?

– Да, как на кладбище. – Согласился Илья.

– И ветра совсем нет, воздух не движется. – Иван оглянулся на меня – Что думаешь? Похоже это на проклятое место?

– Очень. И ещё. Не шевелитесь. Послушайте.

Мы замерли. Где-то недалеко раздался треск сломанной ветки. Потом всё стихло.

– Там кто-то есть. – Прошептала я – Наверху, на скалах.

Мы подняли головы. Сверху на нас полетели капли. На краю скалы над нами, что-то мелькнуло и скрылось. Полкан сорвался с места и, пробежав мимо Ивана, в несколько прыжков запрыгнул на скалу. Иван сбросил рюкзак на землю и запрыгнул на большой мокрый валун, потом осторожно стал подниматься по пологой стороне скалы. Сверху опять затрещали поломанные ветки. Илья бросил Дениске:

– Оставайся с Ольгой!

Он поспешил вслед за Иваном. Они оба поднялись по скале на вершину и скрылись из вида. Через некоторое время

сверху крикнул Илья:

– Здесь кто-то был.

Слышно было, как они шуршат ветками, потом шаги стали удаляться. Мы с Дениской стояли, задрав головы вверх. Все звуки стихли.

– Папа, что там? – Крикнул Дениска.

Никто не ответил. Дениска запрыгнул на валун, снова позвал.

– Я не буду залазить на скалу, я только загляну на неё. – Сказал он мне.

Я согласно кивнула головой. Он осторожно начал подниматься по скале, прислушиваясь и оглядываясь на меня. На мокром мху он поскользнулся, но удержался, вцепившись в камень руками. Стал подниматься дальше:

– Никого нет.

Он почти лег на выступающий камень и, вытянувшись, стал напряжённо смотреть вперёд.

Позади меня зашелестели ветки. Я резко обернулась. В десяти шагах от меня стоял старик в чёрном пиджаке и смотрел на меня тяжёлым, неподвижным взглядом. Вокруг него, как облако, был серый, сморщенный воздух. Сквозь этот воздух был виден совсем не наш лес, а серый сухой лес, в котором из стволов деревьев тянулись к нему, извиваясь, скрюченные пальцы. Я не шевелилась и не дышала. Где-то падали капли, попадая в такт моему паникующему сердцебиению. Он медленно поднял руку и, не отрывая взгляда от меня, по-

казал в сторону, где русло ручья уходило наверх к дальним скалам. Воздух вокруг него мелко задрожал. Он дёрнулся и потянул обе руки ко мне. Черты лица его стали искажаться, превращаясь в чудовищную морду животного. И только глаза, как два угля, неотрывно смотрели на меня, пригвоздив меня к месту смертельным ужасом. Раздался лай Полкана. Старик дёрнулся и мгновенно исчез, растворившись в воздухе. Я опустилась на мокрую землю. Сзади меня послышались быстрые шаги.

– Оля, что с тобой?– Илья начал меня трясти за плечо – Да очнись же!

Он поднял меня с земли. Я выдохнула:

– Здесь был Помошко.

– Чёрт! Денис, я же тебе говорил, чтобы ты оставался с Ольгой!

Подбежал Иван:

– Как он мог быть сразу в двух местах! Мы же видели, как он мелькал перед нами среди кустов? Полкан несколько раз чуть не ухватил его!

– Он сначала выглядел, как человек, и указал рукой в ту сторону. – Я повернулась и показала куда – А потом он начал превращаться в зверя и потянулся ко мне. Это Помошко. Он находится в том сером лесу, который я во сне видела. А здесь он появился, чтобы указать нам путь.

– Или наоборот, напугать нас, чтобы мы не приближались близко к его месту. – Критически возразил Илья.

– Нет, я уверена, он нам хотел помочь, но потом его проклятье опять взяло над ним верх. Не всё так просто с этим Помошко.

– Ну что, пошли дальше, куда нам указал Помошко. – Иван подхватил свой рюкзак и мой, и направился туда, куда я показала. Мы пошли за ним следом.

Я шла и думала. Вроде и страшно мне было, и морда его звериная не раз ещё встанет перед моими глазами, и все вокруг говорили, какой он был ужасный человек, убийца. Но откуда тогда такая острая жалость к нему? Почему я уже не хочу, чтобы его веки вечные мучили на том свете? И как ему помочь? Про то, чтобы ему помочь, не было сказано ни слова. Как речку расколдовать, как духа домой отпустить – это мы, вроде, уже поняли. А как помочь главному злодею, про это не прочитаешь ни в одной сказке. И очень тяжело от этого было на моей душе.

Мы подошли к высокой скале, перегородившей наш путь. С первого взгляда ничего не было необычного. Кругом ветки, старые прелые листья, новые реденькие пучки трав там и тут. Но было что-то ещё. Как будто само бездолье опустилось на эту часть леса. Мы свалили в кучу наши рюкзаки, сняли куртки, и достали термос и бутерброды. Наскоро перекусив, приступили к поискам.

– Лет прошло много, поэтому обруч и верёвка, скорее всего, давно уже сгнили. – Предупредил Иван, пригнувшись к самой земле и шаря руками в куче листьев – Но найти мож-

но, так как осталась хотя бы ржавчина.

Мы, по примеру Ивана, тоже начали буквально просеивать каждый сантиметр вдоль ручья, который, в этом месте, был совсем еле заметным.

– Если Помошко нам правильно показал место, и мы найдём обруч с верёвкой, тогда мы поможем ему избавиться от проклятья. – Сказала я.

– Оля, у тебя аптеку, наверное, уже отремонтировали. – Илья повернулся ко мне – Ты что, собираешься до зимы по лесам бегать?

– Не знаю, но мы должны снять с него проклятье.

– А может он не хочет, чтобы с него сняли проклятье? Если бы он хотел, он бы ещё живым начал хоть какие-то шаги к этому делать.

– Он не может с этим справиться, – твёрдо ответила я – и мы ему поможем. Мы должны отыскать и уничтожить лихимку.

Иван, до этого молча слушавший нас, приподнялся и сказал:

– Если есть такая возможность, чтобы ему помочь, то мы поможем.

Я продолжила:

– И ещё, я знаю, почему Алексей Петров рисовал этот лес. Он встретил Помошко после его смерти, разговаривал с ним и видел за его спиной серые гладкие стволы с пальцами, которые постоянно тянутся к нему. Он понял, что этот лес не

отпускает его, он его проклятие.

Илья что-то буркнул себе под нос, но больше не стал возражать. Мы продолжали искать с упорством, по локоть в грязи, но потом Иван сказал, что, возможно мы должны прощупывать глубже. Конечно, он был прав, и мы нашли остатки от обруча и гнилые, рыжие от ржавчины, остатки верёвки. Радости нашей не было предела. Мы осторожно достали всё это, собрав до последней крошки даже ржавчину. Иван с Дениской пошли за берестой, а мы с Ильёй расчистили площадку для нашего костра. Они пришли с целой охапкой бересты и мелких веток. Конечно, всё было сырое, но Иван не зря всю жизнь проработал лесником. Костёр хоть и не сразу, но начал потихоньку разгораться. Илья и Денис ножиком строгали щепки, отрезая ветки от поваленного дерева, и подкидывали в огонь. Вокруг костра я прочертила круг и засыпала его солью. Мы бросили верёвку и ржавые крошки в костёр, туда же бросили пучки полыни и чертополоха. Костёр сильно дымился, но мы подкидывали и подкидывали, вырезанные из сердцевины мокрых веток, щепки. Наконец он разгорелся по-настоящему и начал потрескивать, испаряя сырость. Верёвка не очень-то хотела гореть, но и она, в конце концов, сдалась и стала чернеть и исчезать в пламени. Я так устала, что об обратном пути не хотелось даже думать. Иван достал термос, мы допили остатки чая, бутерброды мы ещё раньше прикончили и сидели, не отрывая глаз от пламени костра. Иван расшевелил угли:

– Верёвка уже сгорела, надо собираться. В темноте по лесу опасно будет идти, тем более по такому. Как бы глаза на ветку не напороть.

Мы не шевелились. Сколько просидели, не знаю.

– Оля, ты посмотрела, когда полнолуние будет? – Спросил Илья.

– Оно уже началось, завтра ночью можно на перекрёсток. – Ответил за меня Иван.

У меня внутри всё похолодело и сжалось.

– Кто пойдёт? – Спросил Дениска.

– Я. – Ответила я и добавила грустно – Испытания делают жизнь интересней. – Потом посмотрела на ручей – Мне только одной кажется, что воды стало побольше?

– Вроде такой же был. – Лениво ответил Илья.

– Мне тоже кажется, что он полноводнее стал. – Дениска потянулся и воткнул ветку в середину ручья – Надо было замерить до ритуала, сейчас бы сравнили.

– Может, всё-таки, потопаем домой? – Снова сказал нам Иван.

Мы нехотя встали, затоптали тлеющие угли и, еле передвигая ноги, пошли через лес к машине. То, что мы ушли на десять километров, мы поняли только тогда, когда внутренний голос с надеждой предполагал, что мы уже дошли, а суровая действительность была с этим не согласна. Я не помню, когда в своей жизни я проходила такой длинный путь за один день. К машине мы дошли, когда уже начало темнеть.

Когда Иван завёл мотор и включил фары, оказалось, что одна фара не горит. Так, хитро подмигивая, домчал нас наш Уазик домой.

Выпав из машины, сил наших хватило только на то, чтобы смыть большую грязь с лица и рук, накинуть на верёвку в сарае мокрые вещи и отправиться спать, пожелав друг другу спокойной ночи.

Глава 6. Лихоимка

День с самого утра не задался. Как всегда, я проснулась в четыре, и достала книгу. Прочитала:

*Посмотри вокруг себя, обрати внимание на всё,
что происходит в повседневной жизни,
и ты убедишься, что всё в мире наполнено Магией,
соответствующей одному из двух видов –
доброй или злой.*

*Человеческий разум является единственным создателем
всех чудес*

*И когда он соединяется с каким-нибудь Духом,
То совершает всё, что захочет.*

Принцип простоты

*Простые травы исцеляют наиболее успешно
Помни – всё вышло из тьмы к свету.*

Что это значит? Всё в моём разуме? И при чём тут простые травы, которые лечат успешно? Боже, ну почему нельзя конкретно написать, что нужно делать и как. Я положила книгу обратно в рюкзак и задумалась. Первое. Надо внимательно наблюдать за всем, что происходит. Легко сказать! Но если события порой так перемешиваются, что невозможно отследить их суть, и всё кажется одним сплошным белым пятном? Мне кажется, что я уже начала слышать треск

от своей ломающейся прежней жизни. Всё представление о строении нашего мира, которое было у меня две недели назад, перевёрнуто и забыто. Второе. Надо найти точку, с которой я буду строить свою новую жизнь. И принять всё как есть, пусть это даже не укладывается в мою теперешнюю картину мира.

Поворочавшись немного, я решила ещё вздремнуть. Отвернулась к стенке и закрыла глаза. В другой комнате послышался стук падающей посуды, потом быстрые шаги и голос Ивана:

– Это что за...?

Я накинула халат и выскочила из своей спальни. Посреди комнаты стояли Иван с Ильёй, между которыми на полу что-то шевелилось под покрывалом.

– Кто там?– Спросила я

– Летучая мышь, – ответил Иван – и когда только она залетела? Все окна у нас с сеткой, двери тоже открытыми не держим.

Он осторожно подхватил покрывало и понёс к дверям, существо внутри перестало трепыхаться. Он вынес его во двор и отпустил.

– Она живая? Ты ей не повредил?

– Нет, не повредил.

– Что-то слишком большая для летучей мыши! – С сомнением в голосе сказал Илья – Я таких раньше не видел.

– Это гигантская вечерница. Да, они самые большие среди

летучих мышей. У них размах крыльев до 50 см.

Я подошла к шкафу с посудой и подняла упавшие на пол миски. Ложиться больше не стала и вышла во двор. Стояла приятная предрассветная прохлада. Полкан, весело виляя хвостом, выпрыгнул ко мне из ближайших кустарников. Я погладила его и спросила: «Надеюсь, ты не очень напугал нашу ночную гостью?» Скорее всего, она улетела в лес. Я забросила дрова в печку, разожгла огонь, и поставила кипятиться чайник. Приятную тишину нарушил шум в сарае. Через минуту из него с криками выскочили парни, махая вокруг себя своими футболками. Оказывается, к ним залетело целое семейство летучих мышей. Полкан залился лаем, но в сарай его мы не пустили.

Иван, первым выбежавший из дома на шум, прихватил с собой ружьё. Илья выбежал за ним следом. Они заглянули в сарай. Иван спросил, повернувшись к ребятам:

– Никто не пострадал? – Они отрицательно покачали головами – К нам тоже одна утром залетела. Это вечерницы. Они в красной книге, поэтому надо, по возможности, относиться к ним щадяще. Странно, у нас в лесу я таких раньше никогда не встречал. Но они иногда мигрируют, может, поэтому оказались здесь. Обычно они живут в дуплах деревьев. Их в стае бывает до десяти штук.

– Мне кажется, что их там гораздо больше, – сказал Саша – как они только забрались к нам?

– Похоже, в аду сегодня день открытых дверей! – мрачно

пошутил Илья.

– Они начали все разом летать по сараю, сбивать всё со стен. – Подхватил Дениска – Я подумал, сначала, что это птицы. А потом одна близко ко мне подлетела, тогда я подумал, что это черти.

– Вечером их точно не было, мы поздно уснули, разговаривали. Неприятные создания! – Всегда молчаливый Виктор поморщился – И пищали они так пронзительно. А пока мы бежали к выходу, они старались нас задеть своими крыльями. Такое впечатление, что их целью было нас выгнать из сарая. Это не типичное их поведение. Как мы от них избавимся?

– Откроем ворота и они сами улетят. – Предложил Дениска.

– Они ночные животные, – не согласился Иван – они сейчас успокоятся, поймут, что угрозы нет, развеселятся и будут спать, а проснутся только, когда будет темно. Вот тогда они и полетят на охоту. – Он усмехнулся – Странно, крупноваты вы, чтобы принять вас за добычу. И сейчас не то время, когда они собираются в выводковые колонии. Мы же вчера перевернули весь сарай, если бы они там прятались, мы бы их увидели.

Полкан, с ворчанием, не отходил от ворот, иногда облаивая наших незваных гостей. Иван загнал его в будку и прикрыл ворота в сарай. Там понемногу гвалт затих.

Никому спать уже не хотелось. Да, бодрое у нас случи-

лось утро. К шести утра мы уже дружно сидели за длинным обеденным столом. Иван кинул в заварник пучок каких-то трав, сказав, что это для успокоения нервов. Илья вспомнил о найденных вчера грибах, мы их достали из рюкзака, почистили и помыли. В обед решили сварить грибницу.

– Сегодня вечером баня будет. – Пообещал Иван и кивнул молодёжи – Вам наносить воды в бочки и котёл. Предлагаю сегодня всем вместе поехать на высадку, посмотреть состояние саженцев и посадить, если будет необходимость. А то иногда животные забредают и вытаптывают их.

Возражений не было. Мы оставили Полкана следить за порядком, сами сели в Уазик и поехали на участок посадки деревьев. Когда мы приехали на место, я была приятно удивлена масштабом восстановления. Почти на километр, от леса до леса, раскинулись ровные ряды саженцев.

– А зачем вы ровными рядами сажаете? – Спросила я – Лучше, чтобы они росли как в лесу, беспорядочно.

– Посадить саженцы, это половина заботы. – Ответил Иван – Надо ещё их первое время полоть от травы, иначе она загубит слабые росточки. Поле мы в том году ещё спыхали, да саженцы вовремя не завезли. Только в этом году их привезли, да ещё к тому же летом, а должны были ранней весной. Большой плюс – посадочный материал хорош, каждый саженец в отдельном торфяном стаканчике, корневая система не страдает при посадке.

Мы распределились по рядкам, и пошли, аккуратно сту-

пая между тоненькими саженцами, выискивая среди них повреждённые или выкопанные. Ветер трепал тоненькие стволы, но они стояли крепко, как солдаты. Тем более, что накануне прошел хороший дождик, который напитал почву. Выкопанных или повреждённых саженцев не было, поэтому мы рассадили, в уже готовые рядки, содержимое оставшихся пяти ящиков. Со всем мы управились часа за три и, довольные плодами своего труда, поехали обратно.

Дома нас ждал ещё один неприятный сюрприз. От высокой рябины, росшей возле крыльца, отломилась самая здоровенная ветка и повисла на заборе, отгораживающем огород от двора. Почему она треснула и переломилась, мы так и не поняли. Ветра сильного не было, да и какой должен это быть шквал, чтобы отломить ветку диаметром сантиметров пятнадцать. Иван достал из машины ножовку, распилил сломанную ветку, потом замазал зелёным мылом место перелома на стволе. Без пышной кроны красавицы рябины, во дворе сразу стало как-то пусто.

Илья с ребятами заглянули в сарай, но входить в него не стали, а остановились возле ворот.

– Гостиница полна. И запах стоит, как в конюшне. – Невесело сказал Виктор – Видимо, придётся ждать, пока они сами вылетят ночью на охоту.

– Может, пока они спят, снять их и в лес отнести? – Спросил Дениска, но тут же сам себе возразил – Нет, вдруг кушаться начнут.

– Да, защищаясь, они могут и укусить, особенно девочки, – согласился Иван – лучше не трогать. Тем более, не надо ждать глубокой ночи, они начнут вылетать, как только будет садиться солнце. Сразу как стая вылетит, берите доски, гвозди, и заколотите все отверстия под крышей. Лестница стоит у задней стенки сарая. И дверь плотно закрывайте. То вдруг им здесь понравилось и они захотят вернуться. Вам же не понравилась их компания?

– Интересно, а к нам одни девочки прилетели? – Спросил Дениска.

– Мальчики или девочки, тебе какая разница! – Сердито ответил Илья – Это только их должно интересовать.

Я в это время варила грибницу, между делом записывая в блокнот сегодняшние наши напасти. Черда с сегодняшних событий нагоняла на меня уныние, особенно, если смотреть на них в свете предстоящего ночного мероприятия.

После обеда Саша и Виктор сели на Узик и поехали в магазин. Дениска опять взял велосипед и поехал кататься. Илья ушёл в дом отдохнуть.

Иван вытащил коробку с записями Алексея Николаевича, порылся там и протянул мне листок:

– Прочитай, хотел сразу с утра тебе дать, да некогда было. Читай вслух.

Я открыла мятую тетрадку и начала читать: « В субботу это было, у нас на кухне стекло треснуло на форточке, я пошёл к мастерским, новое стекло вырезать. Только снег со-

шёл, грязно вокруг. Иду, думаю, что надо было попросить Сашку, чтоб он со стеклом меня домой отвёз. То подскользусь и сломаю стекло или сам порежусь. Иду, рассуждаю так про себя. Вдруг, слышу, меня окрикнули: «Петров, дядя Лёша!» Поворачиваю голову на голос, а из окна высунулась Нинка Сомова, доярка, и рукой мне машет, чтобы я подошёл. Я подошёл, а она мне «Дядя Лёша, у нас за огородом кто-то могилку сделал и крест поставил» А я ей: «Ну и что, может у кого собака сдохла, вот и зарыли». Она мне: «Так там твоё имя нацарапано» Мне стало не по себе. Пошли мы с ней к этой могилке. А там и вправду нацарапано мелко, вроде как гвоздём: Петров Алексей Николаевич, родился 14 июня 1921 года, умер 20 декабря 1972 года. То есть, восемь месяцев мне ещё до смерти отмерили. Я её послал за лопатой, разрыл землю, а там моя шапка зимняя закопана. Я её как раз неделю назад оставил в магазине, а когда вернулся, её уже не было. Я тут же её закинул дальше в кусты, не нести же её домой. Расстроился, понятно. Стекло вырезал, но брать не стал, Сашку, думаю, за ним пошлю. А сам пошёл к знахарке. Сижу возле её дома, жду её. Она меня ещё издалека увидела, подошла и сразу говорит: «Мне Нинка ещё два дня назад рассказала про могилу, я тебе всё приготовила, хотела сама тебе принести, да ты уже сидишь здесь. Что там было закопано?». Я сказал, что моя шапка. Она выдохнула облегчённо, говорит: «Не бойся, волос на голове у тебя давно нет, а без твоих волос всё зря он затеял». Я ей говорю: «Только

один человек мог такое придумать» А она на меня как набросится: «Ты, старый, ходишь по всей деревне, молотишь языком, что ни попадя, сколько людей из-за этого уж сгинуло. Тебе всё неймётся». Сходила в дом, принесла мне какой-то сучок, нитками перемотанный, велела носить при себе, только я пока шёл домой, его потерял. А где в такой грязи потом его найдёшь. Потом я слёг с кашлем сильным, две недели провалялся дома, потом меня в больницу положили, там ещё месяц провалялся. Домой вернулся, когда огороды уже были посажены. В магазине Петьку Помошко встретил, он на меня зыркнул, ничего не сказал. А знахарка мне сказала, чтобы я не вспоминал больше про старое, молился».

– Выходит, что Помошко решил его свести в могилу. Только не получилось – Иван обратно убрал тетрадку в коробку – Что думаешь?

– Я думаю, что Помошко плохим колдуном был. Неудачником. Не давалось ему колдовское дело. Наверное, Алексей Николаевич, добрый человек, хотел помочь ему, с советами к нему лез, журналы всякие ему хотел подсунуть.

– Вот Помошко и решил радикально с ним разобраться. – Согласился Иван.

–Нет! – Я покачала головой – Если бы он хотел радикально с ним разобраться, он бы в укромном уголке могилку сделал. Я думаю, в нём уже начали бороться добро и зло.

Иван пошёл на свой огород, и я вызвалась ему помогать. Прополола ему морковные грядки, капусту, а он в это время

картошку окучил. Вышли с огорода уже часов в семь вечера. Я сварила картошки, Иван достал квашенной капустки из погреба, колбаски порезали и все наелись. Потом Иван пошёл топить баню, Саша с Виктором посуду мыть вызвались, а я пошла отдохнуть. Я как была, прямо в одежде, прилегла на кровать, чтобы недолго подремать, но, незаметно для себя, уснула.

Проснулась я на следующий день, когда уже вовсю светило солнце. Я открыла глаза, первые минуты была полная дезориентация во времени. Потом яркая, как молния, мысль обожгла меня – я должна была быть на перекрёстке сегодня ночью! Я соскочила с кровати и метнулась в большую комнату. Там никого не было. Я вышла из дома и увидела своих товарищей, грустно сидящих за столом.

– Почему вы меня не разбудили? – сходу набросилась я на них.

– Мы тебя полночи пытались разбудить. – Илья обеспокоенно посмотрел на меня – С тобой всё в порядке?

– Вроде, да.

– Такое впечатление, что ты в коме была. Дыхания почти неслышно было. – Иван внимательно меня оглядел – Выглядишь вроде нормально, как всегда. Что во сне видела?

– Тётя Оля, мыши ещё вчера вечером улетели. – Вклинился в разговор Дениска. – Сначала они облепили рябину, посидели на ней, часов до одиннадцати. Потом разом все поднялись и в лес полетели.

–Они в южный лес полетели – отстранённо проговорила я, не задумываясь – оттуда дальше полетят, через Башкирию. Там и будут зимовать, возле Каповой пещеры.

Я сама была в удивлении от того, что только что сказала, и оглядела присутствующих. Они, тоже в удивлении, уставились на меня.

–Даже не хочу знать, откуда такие сведения, – наконец проговорил Илья – оракул ты наш.

–Тётя Оля, ты сегодня какая-то странная. – С сочувствием в голосе проговорил Дениска – А мысли читать ты можешь?

–Не знаю, Дениска. Надеюсь, что нет.

Иван спросил меня:

–Так ты видела что-нибудь во сне?

–Ничего не видела. – Ответила я – Я не помню, чтобы раньше такое со мной было. Мы опоздали? Полнолуние кончилось?

–Астрономическое полнолуние было сегодня ночью, но фактически мы будем видеть полную луну ещё ночи две. – Илья похлопал меня по руке – Мы рады, что ты проснулась. Ночью какие только мысли нам в голову не лезли.

–Мы тебе даже нашатырный спирт под нос совали, – сказал мне Дениска – ты вообще не шевелилась. Мы спать пошли уже во втором часу. – Он опять переключился на своё, наболевшее – У нас в сарае до сих пор пахнет мышами. Морды у них жутко противные, я как глаза закрою, так и вижу их перед собой.

– Оля, пойдёшь в баню? – Спросил меня Иван, я согласно кивнула – Она ещё теплая, сейчас подтоплю немного ещё, – он пошёл к бане – Сходи, погрейся.

Я попила чаю, посидела ещё немного, греясь на солнышке, и пошла в баню. Легла на полочку, чувствуя, как горячий ароматный воздух заполняет мои лёгкие, разливаясь по всему телу. До чего хороша русская баня! Весь мир остался далеко за стенами, а здесь полный покой и умиротворение. Я не торопилась. И вообще, это была я и не я. Одна часть меня, та, которая всегда была мной, продолжает механически делать то, что привыкла делать всю жизнь, пытаюсь везде успеть и нечего не пропустить. А другая я, новая и пока не знакомая, только родилась, наполняясь новыми ощущениями. Но та, новая я, гораздо важнее меня той, которая прошлая я. Вот такой клубок из меня.

Из бани я вышла через пару часов.

Иван, укладывая в свой рюкзак топор, ножовку, мотки верёвок, ещё какое-то снаряжение, сказал нам:

–Предлагаю вам сегодня сделать выходной, походить по лесу, грибков пособирать. Насушите их, а зимой грибница за милую душу уйдёт. Мы с ребятами с инспекцией пойдём, вас проводим до самых грибных мест, там вас оставим, а сами дальше пойдём. Здесь не очень далеко, обратно дорогу найдёте, – потом, подумав, добавил – Полкана вам оставляю.

Иван дал нам большую корзину, флягу с водой, ножики, и мы поспешили за ними по узкой лесной тропе в лес.

Прошли небольшой берёзовый пролесок, прошли ромашково-васильковое поле, и зашли в смешанный лес. Иван нам показал в сторону осинок:

–Идите в ту сторону. Глубоко в лес не ходите, по кромке старайтесь идти, там всегда красноголовиков полно.

И они пошли вглубь леса, а мы неспешно разбрелись среди редких деревьев. Лицо обдувал лёгкий ветерок, ласково перебирая листву на осинках и берёзках. Я слышала радостные возгласы Ильи и Дениски, видела, как они бросались к найденным грибам, показывая мне и друг другу находки. Полкан весело носился от одного к другому, игнорируя меня. Я даже не пыталась разглядеть красные шляпки среди травы. Я просто тихо и молча шла. Сколько времени мы шли, не знаю. Я увидела, что Илья и Дениска остановились и ждут меня.

–Что, так и ни одного гриба не видела? – подозрительно спросил меня Илья – или ты только мухоморы искала?

–Нет, не видела.

–Тётя Оля, – Дениска достал из полной корзины один здоровый красноголовик – Это я нашёл, он наверно килограмм весит. Красивый, да?

–Да, очень.

–Пошли обратно, надо обед варить. Хорош мять! – Илья взял из рук Дениски гриб и положил его обратно в корзину, и уже мне – Сегодня ты не в себе и надо домой скорее идти, пока ещё что-нибудь не выкинула. Прямо вижу, как ты заду-

мываешь что-то.

Мы неспеша пошли обратно. Я отстала от них, голова была у меня пустая, ни одной мысли, ни одного образа. Такое впечатление, что ветер, гулявший по полю, пролетал насквозь меня, не задерживаясь. Придя домой, первым делом мы вымыли и вычистили грибы, Дениска их мелко нарезал, потом расстелили в сарае газеты и разложили грибы на них.

Потом я поставила варить суп, пожарила картошки, наделала котлет. Всё это я выполняла, как механическая кукла. Илья с Дениской между собой переговаривались, но ко мне не подходили. Я открыла блокнот, чтобы хоть что-то записать из последних событий, но просидела над чистым листом, так и не написав не единого слова. Просто ступор какой-то.

Вечером вернулись Иван с ребятами. Мы все сели за стол, они оживлённо нам рассказывали про каких-то птиц, смеялись. Подшучивали друг над другом. Я себя чувствовала как нежданный гость на чужой свадьбе. Наконец Иван не выдержал:

– Оля, может, ты с нами поговоришь?

– Ага, Ольга, на самом деле, хватит народ пугать. – Илья сделал такое выражение лица, что Дениска засмеялся – Как мы с тобой пойдём в полночь на перекрёсток, если ты сейчас уже похожа на приведение? Я представляю себе эту картину. Стоишь ты на перекрёстке, бледная, как смерть, и петлю в руках держишь. А представляешь, например, в это время

американский спутник за нами шпионит, и видит это? Так у него же все сенсорные приборы откажут со страху! Господи, Оля, ну хоть улыбнись, я же пошутил!

Я улыбнулась.

– Ладно, не улыбайся. Иван, а на какой перекрёсток мы поедем?

– На перекрёсток, где одна из дорог идёт на кладбище. Это здесь. – Иван достал карту и ткнул пальцем в какую-то точку – Вот дорога с трассы поворачивает на Выселки. – Он повёл пальцем вдоль серой извилистой полосы – А здесь, перед самым въездом в деревню, к ней примыкают две дороги. Вот слева, это дорога идёт на кладбище. А справа – дорога ведёт через Лепихино в райцентр. Ольгу мы высадим на перекрёстке, а сами проедем в деревню. Станем метрах в пятидесяти от перекрёстка, из машины не будем выходить, в этом месте перекрёсток хорошо просматривается, будем за тобой наблюдать. Оля, одобряешь?

– Да, лучше не придумаешь. Только наоборот сделаем. Я с вами доеду до деревни, вы там встанете в кустах, а я одна дойду до перекрёстка. Мешок с верёвкой не забудь.

Он кивнул:

– Хорошо. Как скажешь. – Потом добавил – Не бойся, мы будем рядом.

– Я не боюсь.

Дениска с Сашей пошли мыть посуду, Иван с остальными пошли в сарай щели заколачивать и порядок наводить. Я си-

дела возле стола и ждала полночь.

Ехать на перекрёсток вызвались все, даже Саша с Виктором. Поэтому поехали на Уазике. Когда машина остановилась, луна уже светила над самой дорогой, полная и яркая. Я достала из мешка верёвку и пошла к перекрёстку. Не было страха, но почему-то тревожной червоточинкой в груди ныло сердце.

Я остановилась посреди всех трёх дорог. Постояла. Вдохнула полной грудью свежий ветер. Почувствовала, как воздух стал густеть. Звуки стихли. Только луна, как холодное окно в иной мир, освещало всё вокруг неживым светом. Потом я услышала хлопанье крыльев и повернулась на звук. Ко мне, с противоположной стороны от луны, летела огромная летучая мышь. Она резко снизилась и полетела над самой землёй. Несмотря на резкие взмахи её больших крыльев, воздух оставался неподвижным. Подлетев почти вплотную ко мне, она издала пронзительный крик, опустила лапами на землю, сделала пару шагов, убирая крылья, которые сразу стали мохнатыми и длинными лапами, и потянулась к верёвке. Хищный оскал на морде стал ещё шире. Она схватила верёвку и потянула к себе. Я не выпустила верёвку из рук, крепче сжав её. Она уже сильнее дёрнула к себе, зарычала, но я не разжала рук и не сдвинулась с места. Мышь завывала, и обеими лапами начала вырывать верёвку, потом, приблизив к моим рукам свою пасть, собираясь впиться зубами. Я нагнулась к её уху и прошептала ей: «Ты – ничто, ты – мо-

рок». Мышь задрожала. Удивлённо, и почти по-человечьи, посмотрела на меня. И мелким песком просыпалось на землю то, что только что было огромной летучей мышью.

Сзади меня раздалось тихое позвякивание, и в это же время, под ногами у меня резко исчезла дорога и я полетела вниз. Подо мной расступалась почва, рассыпался в прах камень, коричневые пласты жидкой лавы с искрами брызгали в стороны, и я задыхалась от огромной скорости. Холодный ветер пробрал меня до самых костей, свет перед глазами слился в одну сплошную фиолетовую реку, закручивая вокруг меня вихри гудящих струн. Скорость, с которой я летела вниз, становилась всё больше и больше. Я собрала все свои силы и прошептала: «Теперь ты можешь идти с миром и вернуться к своим делам». Раздался глухой звук, похожий на удар колокола. И вот, я почувствовала, что падаю уже в пустом тёмном пространстве, где-то далеко мелькали редкие маленькие огоньки, похожие на звёзды и, наконец, я мягко опустилась на перекрёсток под бесстрастной полной луной. В руках у меня не было верёвки. Дул свежий ветерок, где-то над ухом гудел комар, я посмотрела вокруг – я снова на том же месте, откуда начала свой бешеный полёт или падение. Я ещё раз посмотрела на свои пустые руки, оглядела дорогу вокруг – нет, верёвки не было. Я повернулась и пошла к машине. Дверь открылась, и из машины выскочили Иван, Илья и все остальные. Иван первым добежал до меня:

– Оля, что случилось, где верёвка?

– Я её отдала.

– Кому?

– Вы что не видели?

– Мы видели, как ты подошла к перекрёстку, и сразу пошла обратно. Никого возле тебя не было.

Я стояла и смотрела на них, а они на меня. Потом я выдохнула:

– Я отпустила Духа.

Мы сели в машину, молча доехали до дома и я пошла спать. Всё, миссия выполнена, надо возвращаться домой. В привычную жизнь. Всё закончилось. Но почему тогда так беспокойно сердце?

Утром я проснулась в восьмом часу, залезла в свой рюкзак, книги нет. Вставать совсем не хотелось. Подушка мокрая, что это ещё? Так это из моих глаз выкатываются слёзы. Надо успокоиться. Пройдёт немного времени, и я буду вспоминать это, как старый кинофильм. Незаметно я снова уснула. Проснулась второй раз я в девять.

Иван с практикантами уже уехали в лес. Илья тоже был грустный, и я поняла, что он тоже переживает будущее расставание с нашей деревенской жизнью. Мы с ним решили съездить к Анатольевичам, попрощаться. Дениска остался дома. Мы погрузили с собой коробку Алексея Николаевича, надо её отдать его внуку, она нам больше не нужна. Не знаю почему, но мы, не сговариваясь, почти в голос, предложили заехать сначала в Выселки.

Мы постояли у разрушенного дома, походили около него, сходили на берег, там постояли. Вспомнили наш приезд сюда, как всё это начиналось.

– Оля, мне кажется, что воды стало больше. Искупнёмся?

– Давай.

Я не поняла, если честно говоря, стало ли больше воды. Не помнила я, сколько воды было в прошлый раз. Когда уже шли к машине, Илья открыл колодец и ахнул:

– Ольга, там опять это буратино плавает.

Я подошла и заглянула. Сомнений не было, на поверхности плавала та же самая кукла, которую я раньше видела.

– Илья, сейчас там плавает именно то, что мы хотели вытащить неделю тому назад. Но тогда мы, почему-то, выловили полено, хотя плавала там эта самая кукла. Я не могу не верить своим глазам. Просто загляни и присмотрись хорошо. Это не полено. Даже размеры не те.

– Ну да, но может в воде оно... – Начал он.

– Перестань! – Перебила я его – Это просто в тебе твой врождённый скепсис говорит. Больше мы её не упустим. Я предлагаю вернуться к дому Ивана, взять верёвку и спуститься за куклой, ну или что там это такое. И достать её.

– Ты что, с ума сошла? – Илья для наглядности крутанул пальцем у виска – В колодец?

– Да, а что?

– Стенки скользкие, он может в любой момент рассыпаться, как и тот дом. И потом, я сам не смогу по верёвке обратно

вылезти, а у тебя сил не хватит меня вытащить! Даже если тебе будет помогать Дениска.

– Давай спущусь я, а ты меня вытащишь.

– То же мне, дюймовочка! Да нам тебя тоже не вытащить.

Ты вешишь столько же, сколько и я!

– Илья, ты только оттягиваешь неизбежное.

– Зато всё, что ты предлагаешь, уже не звучит, как весёлая история!

Через несколько минут согласие было достигнуто, и мы решили прибобщить к этому делу Дениску. Он мне поможет тянуть верёвку. Илья хотел меня оставить сторожить нашего пловца, но я поехала с ним, честно ему сказав, что боюсь. Дениска не был в восторге от того, что придётся опять что-то доставать из колодца, но без долгих разговоров присоединился к нам. Верёвку Илья выбрал пеньковую, сказал, что капроновая будет сильнее скользить.

Когда мы ехали обратно в Выселки, я сама уже точно не знала – хочу ли я, чтобы кукла нас там дождалась, или хочу чтобы она исчезла, пока мы ездим. Мы снова все окружили колодец, перегнувшись через сруб, и разглядывали плавающую фигурку. Денис тоже подтвердил, что это не полено, и очень похоже на гладкую остроганную болванку. Запах за неделю, конечно, не выветрился, всё так же пахло болотом и гнилью. Так как сруб не производил впечатления устойчивой конструкции, то верёвку мы привязали к черёмухе, которая была метрах в трёх от колодца. Илья разделся до трусов и

футболки, несколько раз верёвкой перевязал талию и начал спуск. Мы с Дениской до синевы в руках держали верёвку, так как налёт зеленой слизи на стенах колодца не позволял Илье устойчиво ставить ноги на выступы. Когда он уже опустился до воды и подхватил деревянную фигурку, то вдруг, с громким криком сразу же выпустил её из рук и сам свалился в воду. От неожиданности, мы оба почти выпустили верёвку и она чуть не уволокла нас с собою в колодец.

– Что случилось? – Крикнула я ему.

– Вытаскивайте! – Он отплёвывал воду и молотил руками, что было сил – Тяните верёвку!

Наконец мы, достаточно намаявшись, немного подняли его над водой. Он снова схватил рукой деревяшку, и мы потащили его вверх. Верёвка была вся в зелёной слизи, она постоянно выскользывала у нас из рук, по которым текла кровь из ссадин. Вдобавок ко всему, сруб, на который мы упирались, начал подозрительно шататься. Когда Илья ухватился за край и стал через него переваливаться, мы были уже на последнем дыхании. Мы все повалились у колодца, тяжело дыша, и не в силах даже разговаривать друг с другом. Потом Илья подтолкнул ко мне чурку, и холодок пробежал по моему телу. На меня смотрела хищная морда с открытой пастью и клыками, вырезанными на чёрном гладком дереве. Дениска ойкнул.

– Неужели это та самая чурка, про которую рассказывал Иван? – Спросила я, и Илья молча пожал плечами – Это и

есть Лихоимка? – Мне самой от этого предположения стало не по себе.

– По крайней мере, точно такую же чурку знахарка назвала Лихоимкой, когда Василия Юрьина предупреждала. – Илья сел, привалившись на колодец спиной – Что теперь нам с ней делать? Помнится, после того как Василий её обнаружил в лесу, она сама к нему ночью пришла и собаку порвала.

– Давайте её сожжём. – Предложил Дениска, отодвинувшись подальше от чурки.

– Дениска, принеси-ка, для начала, аптечку из машины! – Сказала я Дениске – Раны обрабатываем. И пойдём, искупаемся.

– А оно снова от нас сбежит? – Илья протестующе замачал руками – Столько сил положено, крови пролито, чтобы достать его. Я пойду, первый искупнусь, а потом вы с Дениской.

Купаться ходили мы все по одному, так и не решившись остаться один на один с нашим маленьким злобным другом. Потом отправили Дениску звонить Ивану, чтобы он узнал у Татьяны, что нам делать дальше. И чтобы он приехал к нам на опознание, хотя мы нисколько не сомневались в том, что это та самая чурка.

Под вечер, вокруг колодца, нас собралась солидная компания. К нам присоединились Иван с обоими своими помощниками и Татьяна. Татьяна прихватила с собой большую хозяйственную сумку, в которой, как впоследствии мы убе-

дились, были очень ценные для таких дел заговоры и разные магические средства для изгнания злых духов, оставшиеся от её матери. Все внимательно разглядывали чурку, стараясь её не трогать руками. Иван сразу её узнал:

– Да это она. Только она не была раньше такой чёрной. – Он оттолкнул Полкана от чурки – Судя по вашим ранам, досталась она вам нелегко.

– Тётя Таня, Илья взял её голыми руками, когда вытаскивал из колодца. – Сказала я – Когда Иван рассказывал, что отец его потянулся к чурке, то его собака на него зарычала, не дав к ней прикоснуться. Мы что-то не так сделали?

– Снимем с неё порчу, тогда и с Ильи негатив уйдёт. – Ответила Татьяна, потом подумав, добавила – Только, я думаю, что снять мало будет, надо её саму уничтожить. Разведите-ка костёр, пригодится.

Мы развернули наш штаб в Уазике, оставив сторожить нашего пленника и следить за костром парней – Сашу, Виктора и Дениску.

– Мамка моя, когда обнаруживала подклад с порчей, первым делом посыпала его солью. – Татьяна достала из сумки холщовый мешочек, развязала его, там была соль. Она посыпала мне и Илье соли на макушки – Соль не только оберегает от врагов и сглаза, но и восстанавливает утраченные силы. Но от такого мощного колдовства, одной соли будет мало. – Она достала папку, в которой были исписанные листки – Эти заговоры писала не я, мамка их хранила пуще любого

сокровища. Ей они достались от её матери. – Она надела очки и стала перебирать старые мятые записи – Вот этот может пригодиться. – Она отложила один листок в сторону.

К нам заглянул Дениска:

– Потом посмотрите, когда будет время, мне кажется, Вьюшка глубже стала, я хотел вброд перейти, сбегать маме позвонить, так там уже выше колена вода.

– Пойду, посмотрю. – Илья вылез из машины и они с Дениской пошли к речке.

– Тётя Таня, – обратился Иван – а просто её сжечь, ну круг там вокруг ещё посыпать солью?

– Ты в библии читал, что бесов изгоняют молитвами и постом? – Спросила Татьяна – А здесь не просто бес сидит, здесь он заперт, то есть он не по доброй воле очутился. Кто-то выпускал его, как собачонку погулять, но далеко он не мог уйти, обратно его загоняли. И так каждый раз. Почему, вы думаете, Помошко ходит вокруг, как привязанный?

– Мы сегодня ночью отпустили Духа. – Сказала я.

– Ты понимаешь Оля, Духи напрямую с людьми не могут общаться. Им нужен посредник. Поэтому и возник этот Лихоимка. Уродливая сущность, которая, сама не может ничего, поэтому питается силой и магией от Духа, и присасывается к человеку, который является проводником в наш мир. Дерево сжечь можно, даже такое, которое долго было в воде. А как убрать из мира зло, которое глазом не увидишь?

После её слов я поняла, как всё не просто и мы сейчас за-

висим только от Татьяны, от того, сумеет ли она найти единственный правильный способ раз и навсегда избавиться от этой сущности. Не хотелось бы, чтобы при неумелом изгнании, проклятие деда Помошко перебралось в кого-нибудь из нас.

Татьяна, тем временем, перебирала свои листочки, Иван тоже читал те, которые она откладывала.

Вернулся Илья, и сразу же подтвердил, что воды в реке стало больше.

– Представляете, всё у нас получилось! – Радостно рассказывал он Татьяне – А я, признаться, не верил. Так, помогал, конечно, но думал, что мы как будто в игру какую-то играем. Как после этого не будешь верить в чудеса?

Татьяна разгладила у себя на коленях лист, прочитала его, ещё раз прочитала, потом достала из сумки ещё один мешочек, высыпала на ладонь семена:

– Это зверобой, раньше его звали трава иисусовых ран, самое сильное средство для изгнания нечистой силы. – Она повернулась ко мне – Я нашла ритуал, как разрушить Лихоимку. Но он не поможет, если не будем верить. Мы с тобой Оля, одни останемся здесь, остальные пусть подальше отъедут.

– А что надо будет делать? – Спросила я, уже и так понимая, что ответ её мне не понравится.

– Всё узнаешь! – Повернувшись к Ивану, добавила – Станьте за околицей. Что бы ни случилось, сюда не приез-

жайте, ждите, пока мы сами к вам не придём.

Когда мы с ней остались одни, она мне велела прочертить круг возле костра, посыпать его солью, и сделать ещё один круг, поменьше. Между кругами она веточкой на земле стала чертить слова, которые были написаны на листочке, пятясь назад, и проговаривая вслух слова: «Девятнадцать ключей, зонг, таба, злида, раас, зонренс, пайд». Потом она подошла ко мне, взяла обе мои руки в свои, и сказала, глядя, мне в глаза:

– Оля, ничего не бойся и верь мне. Точно выполняй всё, что я тебе скажу. Второго шанса всё повторить у нас с тобой, скорее всего, не будет.

Она размяла семена зверобоя в руках, ими намазала мне лицо, шею и руки, кожа у меня сразу загорела, как опалённая огнём. Намазалась сама и остатки рассыпала между двумя кругами. Потом достала из кармашка кольцо с чёрным камнем и надела его на палец.

– Ну что, готова? Господи, избави нас от сомнений!

Она достала маленький нож из кармана. Потом встала ко мне лицом, взяла мои руки, повернула ладонями вверх и провела по ладоням острым, как бритва ножом. Кровь заструилась у меня по рукам и начала капать на землю. Такие же надрезы она сделала и на своих руках. Потом положила свои кровоточащие ладони на мои, и быстро начала читать молитву на незнакомом мне языке.

Потом мы подошли к Лихоимке, взяли его с двух сторон,

и понесли его к костру на вытянутых руках. Дерево под ранами, казалось, пульсирует и трепещет. Мы держали его над костром, встав вокруг него, друг напротив друга. Она начала читать: «Экскорцизо те Спиритус Омнис Легио...» и я повторяла за ней. Внезапно, Лихоимка стал тяжелее и дёрнулся. Я чуть не отпустила его в костёр, но, спохватившись, ещё сильнее вцепилась в него мокрыми от крови руками. Дым от костра стал чёрным, поднялся сначала столбом, а потом начал завиваться рваными клубами. Потом он, как будто от порыва сильного ветра, наклонился к земле, приняв форму огромной змеи, пополз прочь от костра, но наткнулся на круг, засыпанный солью и, как будто по невидимой стене, полез вверх. Преодолеть преграду он не смог. Соль вспыхнула синеватым светом, и змея отпала от него на землю. Тогда он повернулся обратно к костру, сразу став плотным, как тело, и начал метаться, крутясь вокруг собственной оси. Лихоимку начала бить дрожь. Татьяна всё громче и громче читала свою молитву, я повторяла за ней, уже крича во весь голос. Дым разделился на десятки щупалец, которые обвивали нас, сжимая в своих страшных объятиях. На щупальцах вырастали оскаленные морды. Мои руки начали ослабевать, я уже не чувствовала их, мне казалось что вся кожа на них уже обгорела. Я закрыла глаза, которые выворачивало от едкого дыма. Дикая щупальца пытались прикоснуться к шее и лицу, но запах зверобоя отпугивал их, и они обвивались вокруг ног, туловища, всё сильнее и сильнее затягивая свои объятия. Та-

тьяна закашлялась, но тут же продолжила молитву. Вдруг, я почувствовала, как прохладные ладони легли поверх моих рук, зажав Лихоимку в цепкой хватке, и женский голос стал вместе со мной повторять за Татьяной молитву. Я, сквозь слёзы, открыла глаза и увидела рядом с собой невысокую женщину, с добрыми грустными глазами, в светлых одеждах и светлом платочке, которая улыбнулась мне и ободряюще кивнула. И голос внутри моей головы произнёс: «Потерпи, моя милая, вы молодцы, он уже ослаб, осталось немного». И я поняла, что это мать Татьяны, а зовут её Агнеша, что значит рождённая в огне. И уже не было больше ни боли, ни усталости, а была радость от того, что добро победит зло. Потому что во всех русских сказках так всегда было и так всегда будет. Крепкие щупальца опять стали просто дымом, опускаясь всё ниже и ниже к костру, ветер сдул с них звериные маски, а Лихоимка дёрнулся и рассыпался на мелкие щепки, которые упали в костёр. Из них, с шипением, начала выпариваться вода. Мы с Татьяной опустили руки и глядели на Агнешу, которая тоже смотрела на нас и улыбалась. Потом, из неё начал изливаться свет, он становился всё ярче и ярче, потом вспыхнул, ярким лучиком умчался в небо, и слился с солнцем. Мы долго ещё глядели ей вслед. Татьяна подошла ко мне и обняла.

– Тётя Таня, а вашу маму звали Агнеша?

– Да, но только её все звали Агнией, – она лукаво улыбнулась – так ты и это увидела? Хороший прогресс за неделю.

– Почему так получилось?

– Я же тебе рассказывала, как мамке моей помогли добрые духи и наградили её чистой силою. Она людей начала лечить, молилась за всех. На таких людях земля наша и держится. Так и с тобой произошло. Тебя испытали. И достойно наградили. Добрые духи не награждают золотом, потому что не золото делает людей счастливым. – Она помолчала – Здесь тебе надо жить. Приезжай ко мне. Вижу я, затоскуешь ты в своём городе. Потянет тебя опять к нам. А у нас, посмотри, какая красота – и лес, и речка, а простор-то какой!

У меня полились слёзы:

– Я ещё не уехала отсюда, а уже тосковать начала. Но мой дом в городе, и там тоже можно людям помогать.

– Людям помогать везде можно. – Согласилась она – Подумай, не отвечай пока, но если надумаешь, то дверь в мой дом всегда для тебя будет открыта.

Мы стояли и смотрели, как пламя съедает последние щепки от Лихоимки, навсегда стирая из жизни чудовище, порождённое человеческой злобой, завистью и жадностью.

Где-то высоко над нами, слышно было пение полевых жаворонков, а в густых кустах возле нас, залиvisto затрещал крапивник.

Я вспомнила слова из книги:

Посмотри вокруг себя, обрати внимание на всё, что происходит в повседневной жизни, и ты убедишься, что всё в мире наполнено Магией.

Конец